

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2 2023
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 2 (449) / 2023

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Базаров Владимир Александрович* (1874–1939), русский философ и экономист, социал-демократ (псевдоним; настоящая фамилия Руднев).

Владимир Александрович Руднев родился в Туле в семье врача, руководившего Губернской земской больницей. С 1884 года Владимир учился в Тульской классической гимназии, где познакомился с Александром Малиновским (впоследствии Богдановым).

После гимназии поступил на физико-математический факультет Московского университета, но, отучившись полный курс, диплом не получил в связи с арестом и высылкой на малую родину. С осени 1900 года два семестра обучался на философском факультете Берлинского университета, где познакомился со студенткой Евгенией Товиевной Марголиной. Руднев взял псевдоним в честь главного героя романа «Отцы и дети».

В 1904 году Базаров примкнул к большевикам. После революции 1905 года сблизился с меньшевиками. Отрицательно воспринял Октябрьскую революцию 1917 года. С 1921 года работал в Госплане, занимался экономической теорией, переводами научной и художественной литературы.

В 1926 году Владимир Базаров и Владимир Громан предложили метод планирования и оценки государственной экономики, основанный на «тектологических» принципах, которые были признаны антимакистскими.

Базаров составил и решил дифференциальное уравнение, описывающее рост национального промышленного производства. Частные решения этого уравнения асимптотически приближались к «горизонтальным» прямым, то есть показывали замедление промышленного роста.

Первым самостоятельным философским опытом Базарова стала статья «Авторитарная метафизика и авторитарная личность» (сборник «Очерки реалистического мировоззрения», 1904 год), в которой он подверг критике идеи авторов сборника «Проблемы идеализма». В дальнейшем Базаров обращался к философии эмпириокритицизма Маха и Авенариуса и, пытаясь соединить ее гносеологические принципы с теорией марксизма, критиковал «догматический материализм»: полемизировал с «иероглифической» концепцией Г. В. Плеханова, с теорией отражения В. И. Ленина, развитой в книге «Материализм и эмпириокритицизм». В статье «Мистицизм и реализм нашего времени» (сборник «Очерки по философии марксизма», 1908 год) Базаров упрекал Плеханова в искажении фундаментальных принципов марксизма и одновременно в догматизме. Определенное влияние на понимание Базаровым задач философии как инструмента преобразования мира оказал прагматизм. Базаров обнару-

живал «мистицизм» не только в учении А. Бергсона о творческой эволюции (которое в целом оценивал высоко, усматривая в нем высшее интеллектуальное достижение «буржуазной культуры»), но и в диалектическом материализме того же Плеханова. С точки зрения Базарова, вне отношения к практической деятельности человека любые рассуждения о материи самой по себе, существующей независимо от человеческого сознания, неизбежно приобретают метафизический и мистический характер. В своих социологических воззрениях Базаров отстаивал примат «производственных отношений» в историческом процессе и вторичность всевозможных «надстроечных» образований.

Сталин 27 декабря 1929 года на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов в докладе «К вопросам аграрной политики в СССР» указывал: «Не подходит также к делу трактовка Базарова и Громана баланса народного хозяйства. Схему баланса народного хозяйства СССР должны выработать революционные марксисты, если они вообще хотят заниматься разработкой вопросов экономики переходного периода».

После этого выступления упомянутые в нём экономисты стали подвергаться гонениям и репрессиям.

Летом 1930 года ОГПУ провело аресты крупных специалистов центральных хозяйственных ведомств. В основном это были широко известные учёные и эксперты, игравшие заметную роль в годы НЭПа. В 1930 году Владимир Базаров был обвинен в причастности к организации «специалистов-вредителей» и арестован. На допросах Базаров, не скрывая разногласий с правящей партией, не признал себя виновным в антисоветской деятельности, заявив, что «теоретическое обсуждение всех вопросов политики и экономики... не может быть запрещено любому советскому гражданину, какой бы ни была его политическая биография». 25 апреля 1931 ученый был приговорён коллегией ОГПУ к пяти годам лишения свободы. В начале 1932 года был выпущен из тюрьмы, жил в ссылке сначала в Саратове, затем на Кавказе.

Владимир Базаров вернулся в Москву в 1935 году. Занимался переводами, в частности перевёл с немецкого книгу «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни» И. П. Эккермана, опубликованную в 1934 году, а с французского — «Опыты» Монтеня (рукопись утрачена). Часть сделанных им переводов была опубликована под именем жены.

Владимир Александрович скончался от воспаления лёгких 16 сентября 1939 года.

Посмертно реабилитирован в 1990 году.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Абрамов Н. А.**
Правовое положение адвоката как участника уголовного судопроизводства..... 235
- Алаев А. А.**
Злоупотребление правом как антитеза юридического принципа добросовестности ... 237
- Алиханян К. Р.**
Организация работы МВД России в системе противодействия киберпреступлениям 240
- Багалей Е. И.**
Право в условиях цифровой реальности 242
- Багалей Е. И.**
Профессиональная компетенция юриста в сфере информационных технологий 245
- Белозерова Е. В.**
Административная ответственность как элемент системы публично-правовых механизмов защиты прав интеллектуальной собственности..... 248
- Беляев А. О.**
Состояние законности, классификация нарушений законов о противодействии экстремизму. Типичные нарушения, выявляемые прокурорами 249
- Бикбулатова А. А., Балякина Е. Б.**
К вопросу о правовом положении сторон публичного договора..... 251
- Бирюкова А. Н.**
Проблемы оказания бесплатной юридической помощи государственными юридическими бюро: опыт Тамбовской области..... 253
- Бирюкова А. Н.**
Роль юридических клиник в оказании бесплатной юридической помощи 254
- Бобова Ю. А.**
Возбуждение дел об административных правонарушениях судебными приставами-исполнителями 255
- Валитова Г. Н.**
Муниципальная политика по сохранению традиционной культуры 260
- Волощук Е. В.**
К вопросу о проблемах ипотечного кредитования в России 262
- Воробьева И. Ю.**
Полномочия федеральных органов государственной власти в сфере образования..... 264
- Воробьева И. Ю.**
Основные направления деятельности государства в области образования 266
- Гаджиева С. Ш., Романенко М. Ю.**
Цифровые технологии в избирательном процессе России..... 269
- Гаес М. А., Качмазова О. С.**
Актуальные проблемы коллизионного регулирования цифровых прав 271
- Галлямов Д. Р.**
Модернизация судебной деятельности с помощью информационных технологий 272
- Донец Р. З.**
Коррупция и ее характерные признаки 274
- Дорошенко А. А., Воробьева К. А.**
Особенности проведения допроса с использованием систем видеоконференц-связи 276
- Жидова О. Т.**
Организационно-правовое обеспечение деятельности мировых судей 277
- Класон М. Ю.**
К вопросу о современных проблемах регулирования предпринимательской деятельности в сети Интернет..... 279
- Комарова А. Е., Конвисарева Л. П.**
Ответственность государственного служащего за нарушения законодательства о противодействии коррупции 284

Коробицына Т. С. Социально-правовые функции адвокатской деятельности 286	Красильников А. Е. Пределы совершения судебным приставом- исполнителем обеспечительного ареста на имущество должника при исполнении имущественных взысканий 295
Коробицына Т. С. Адвокатура и конституционные гарантии прав и свобод гражданского общества 288	Кяшкина А. А. Проблемы правового статуса сотрудника уголовно-исполнительной системы 298
Коробицына Т. С. Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи ... 290	Кяшкина А. А. Проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы 299
Коробицына Т. С. Правовой статус адвоката 291	Логина В. С., Спирина Е. В. Правовой режим земельных участков под объектами незавершенного строительства 301
Коровина Д. А. Проблемы организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие 293	

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Правовое положение адвоката как участника уголовного судопроизводства

Абрамов Никита Андреевич, студент магистратуры
Волжский государственный университет водного транспорта (г. Нижний Новгород)

В статье рассматривается правовое положение адвоката как участника уголовного судопроизводства. Изучены вопросы процессуального статуса адвоката в уголовном судопроизводстве и способы непосредственного участия адвоката в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: адвокат, адвокатура, защитник, представитель заявителя, уголовный процесс, уголовное судопроизводство.

Актуальность избранной темы правового положения адвоката как участника уголовного судопроизводства обусловлена тем, что право граждан на получение квалифицированной юридической помощи гарантирует Конституция Российской Федерации. Деятельность в первую очередь именно адвокатуры способствует реализации этого права. Конституция Российской Федерации является для граждан гарантом права на квалифицированную юридическую помощь. Закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вместе с нормативно-правовыми актами, принятыми в развитие конституционных положений и закона, в свою очередь направлены на реализацию этого права, в том числе и в ходе уголовного судопроизводства, поскольку первостепенную роль в обеспечении защиты обвиняемого и обеспечении состоятельности уголовного процесса играет защитник. В российском уголовном процессе, как правило, в роли защитников выступают адвокаты.

Проблемы процессуального статуса участников уголовного процесса всегда вызывали интерес ученых, о чем свидетельствуют научные труды О. В. Гладышевой, А. А. Гилевой, Л. Г. Татьяниной, А. А. Насонова, А. В. Федулова, Ю. К. Якимович и др.

Основу процессуального статуса адвоката в ходе уголовного судопроизводства, поскольку образует совокупность правовых положений. Так, исходя из содержания Закона об адвокатуре адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам, оказывает юридическую помощь доверителю, а также участвует на стадии предварительного расследования уголовного дела и участвует в судебном производстве.

Применительно к уголовному судопроизводству он может получить процессуальный статус:

- защитника (ст. 49 УПК),
- представителя заявителя (ст. 125 УПК)
- собственно адвоката (п. 6 ч. 4 ст. 56, ч. 5 ст. 189 УПК)

Непосредственное участие адвоката в уголовном судопроизводстве может осуществляться двумя способами:

1. В качестве адвоката-защитника в уголовном процессе. В соответствии с п. 1 ст. 49 УПК РФ, защитник — это лицо, которое защищает законные права и интересы подозреваемых и обвиняемых, а также предоставляет им юридическую помощь и поддержку на всех стадиях судопроизводства.

2. В качестве адвоката-представителя в уголовном процессе. Согласно п. 1 ст. 45 УПК РФ, адвокаты имеют право на участие в производстве в качестве представителя потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя, т.е. защищать их интересы в отношении подозреваемой или обвиняемой стороны.

Полномочия адвоката не зависят от того, от имени какой стороны он выступает — и защитник, и представитель равны перед судом в своих возможностях.

Участие защитника в уголовном процессе осуществляется на основании соглашения, заключенного им с клиентом. Согласно положениям п. 3 ст. 49 УПК РФ, он может быть привлечен к защите интересов участника судопроизводства с момента:

- появления постановления о том, что лицо получило статус обвиняемого;
- заведения дела в отношении его клиента;
- задержания лица в случае, если оно было застигнуто непосредственно на месте совершения преступления, если существуют очевидцы, которые указывают на то, что именно оно со-

вершило это преступление, а также если на его теле, одежде или в его жилище будут обнаружены следы, позволяющие идентифицировать его в качестве преступника;

задержания гражданина, если к нему была применена мера пресечения, выраженная в заключении под стражу;

вручения лицу уведомления о совершении им наказуемого деяния;

уведомления лица о вынесении в его отношении постановления о проведении государственной психиатрической судебной экспертизы;

назначения иных процессуальных действий, каким-либо образом затрагивающих законные права и интересы подозреваемого лица.

Согласно положениям ст. 53 УПК РФ, полномочия адвоката в уголовном процессе позволяют ему:

требовать предоставления ему права на свидания с клиентом для проведения конфиденциальных разговоров;

участвовать в процедуре поиска и сбора доказательств, а также самостоятельно организовывать мероприятия, направленные на формирование доказательной базы;

привлекать к расследованию дела и поиску ответов на возникающие вопросы специалиста, обладающего необходимыми знаниями и квалификацией;

присутствовать при проведении в отношении его подзащитного следственных и процессуальных действий, а также предоставлять ему правовые консультации по мере их выполнения;

изучать содержание документов, имеющих отношение к делу: протоколов, постановлений, решений и пр.;

после окончания досудебной стадии процесса изучать материалы уголовного дела, а также самостоятельно и за свой счет создавать их копии;

обжаловать действия суда и стороны обвинения;

вносить ходатайства и заявлять отводы;

принимать участие в судебных процессах, ведущихся в разных инстанциях;

защищать интересы клиента и отстаивать его позицию любыми способами, не нарушающими закон.

Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ Уголовно-процессуальный кодекс РФ был дополнен ст. 450.1, регламентирующей производство таких следственных действий в отношении адвоката, как осмотр, обыск и выемка. Указанной статьей предусмотрено участие члена совета адвокатской палаты субъекта РФ, на территории которого производятся данные следственные действия, или иного представителя, уполномоченного президентом палаты. Это свидетельствует о том, что в уголовном судопроизводстве появился новый участник с важной процессуальной миссией и совокупностью процессуальных полномочий.

При этом ни в гл. 6 («Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения»), ни в гл. 7 («Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты»), ни даже в гл. 8 («Иные участники уголовного судопроизводства») Уголовно-процессуального кодекса такой участник уголовного судопроизводства, как представитель адвокатской палаты, не упоминается.

Анализ ст. 450.1 УПК, регламентирующей порядок производства следственных действий в отношении адвоката, показы-

вает, что представитель адвокатской палаты не участвует, а присутствует при производстве следственного действия; при этом он не наделен правами, которые имеет, например, адвокат свидетеля, если он, как и представитель палаты, присутствует, а не участвует в ходе следственного действия.

Из содержания названной статьи следует, что представитель адвокатской палаты обеспечивает сохранность и неприкосновенность предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну. При этом законодатель не поясняет, каким образом представитель палаты может воспрепятствовать должностным лицам в ходе следственного действия, если кто-либо из них вознамерится ознакомиться с адвокатским производством, в принципе содержащим сведения, составляющие профессиональную тайну адвоката.

В связи с недостаточной урегулированностью полномочий представителя адвокатской палаты невозможно определить грань, переступив которую тот может понести ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и расследованию (ч. 2 ст. 294 УК РФ).

Довольно часто следователи обращаются в суды с ходатайствами о проведении обысков в отношении адвокатов, являющихся свидетелями по уголовному делу, совершенно забывая о невозможности производства обыска в служебном помещении адвоката. В связи с этим возникает вопрос: вправе ли представитель адвокатской палаты пресечь проведение обыска в жилом или служебном помещении адвоката, если следователь, например, перед началом следственного действия предъявляет постановление суда, разрешающее его производство в помещении адвоката — свидетеля по делу?

Следуя букве закона, производство обыска в жилом или служебном помещении адвоката возможно, только когда в отношении него возбуждено уголовное дело или ему предъявлено обвинение (ч. 1 ст. 450.1 УПК). Таким образом, выходит, что обыск у адвоката — свидетеля по делу даже при наличии судебного постановления, разрешающего его производство, проводить нельзя.

Как показывает практика, после обыска у адвоката — свидетеля по делу он, как правило, обжалует судебные постановления, разрешающие его проведение, и зачастую довольно успешно.

Так, апелляционным постановлением Краснодарского краевого суда от 26 августа 2020 г. № 22–5210/2020 22К–5210/2020 постановление Октябрьского районного суда г. Краснодара от 30 июня 2020 г., которым разрешено производство обыска в жилище, занимаемом адвокатом, отменено, в том числе по тому основанию, что обыск может быть проведен в помещении, занимаемом адвокатом, только в случае возбуждения в отношении него уголовного дела или привлечения его в качестве обвиняемого.

Можно констатировать, что в рамках возложенных на представителя адвокатской палаты ст. 450.1 УПК полномочий он не вправе воспрепятствовать проведению обыска в помещении, занимаемом адвокатом-свидетелем, даже при наличии, на первый взгляд, незаконного постановления суда, разрешающего производство следственного действия в отношении свидетеля, обладающего адвокатским статусом.

На сегодняшний день полномочия представителя адвокатской палаты закреплены лишь в ст. 450.1 УПК, но она не содержит того набора полномочий, который позволял бы эф-

фективно выполнять возложенную на него законом функцию по сохранности предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2023) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N52 (ч. I), ст. 4921,
3. Федеральный закон от 31.05.2002 N63-ФЗ (ред. от 31.07.2020, с изм. от 10.11.2022) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // «Собрание законодательства РФ», 10.06.2002, N23, ст. 2102.
4. Варфоломеева Т. В. Криминалистика и профессиональная деятельность защитника. Москва., 2017. с. 149;
5. Киселев П. П. Основные положения концепции адвокатского расследования // Евразийская адвокатура. 2016. № 4. С. 26–34.
6. Пикалов И. А. Роль защитника в процессе доказывания, при производстве расследования по уголовному делу // Закон и право. 2004. № 4. с. 53–57;
7. Пермяков С. В. О тактике защиты и формах участия адвоката в собирании доказательств на этапе предварительного следствия // Российский юридический журнал. 2016. № 1. С. 98–102.;
8. Угурчиева Л. С. Проблемы правового статуса адвоката // Студенческий: электрон. научн. журн. 2021. № 20(148). URL: <https://sibac.info/journal/student/148/216090> (дата обращения: 15.12.2022);
9. Хмыров, Ростислав Полномочия, необходимые представителю адвокатской палаты в уголовном процессе / Ростислав Хмыров. — Текст: электронный // Адвокатская газета: [сайт]. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/polnomochiya-neobkhodimye-predstavitelyu-advokatskoy-palaty-v-ugolovnom-protssesse/> (дата обращения: 10.01.2023).

Злоупотребление правом как антитеза юридического принципа добросовестности

Алаев Алексей Анатольевич, студент магистратуры
 Научный руководитель: Заикина Инна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
 Международный юридический институт (г. Москва)

В работе сопоставлены принцип добросовестности и злоупотребление правом, как его антитеза. На историческом примере показаны условия, в которых даже основополагающие принципы судебного разбирательства могут быть использованы для злоупотребления правом. Предлагается методический прием использования юридической конструкции «Гипотеза-Диспозиция-Санкция» для предупреждения подобных злоупотреблений в семейном праве.

Ключевые слова: принцип добросовестности, злоупотребление правом, предупреждение злоупотреблений, юридическая конструкция, гипотеза диспозиция санкция.

Abuse of law as an antithesis the legal principle of good faith

Alaev Aleksey Anatolyevich, student master’s degree
 Scientific adviser: Zaikina Inna Viktorovna, candidate of legal sciences, associate professor
 International Law Institute (Moscow)

The paper compares the principle of good faith and the abuse of law as its antithesis. The historical example shows the conditions in which even the fundamental principles of judicial proceedings can be used to abuse the right. A methodical method of using the legal construction «Hypothesis-Disposition-Sanction» to prevent such abuses in family law is proposed.

Keywords: the principle of good faith, abuse of law, prevention of abuse, legal construction, hypothesis disposition sanction.

Принцип добросовестности является мостом в юриспруденцию из сферы морали, под его влиянием в правовые

нормы закладываются нравственные ценности общества, он призван пропитывать и наполнять собой всю правовую ма-

торию. Философское понятие добросовестности было исследовано и сформулировано И. Кантом как категорический нравственный императив [8]. Этот нравственный императив отражен в высшем законе — Конституции РФ, где в части 3 ст. 17 сказано, что «осуществление прав и свобод одним лицом не должно нарушать права и свободы других лиц» [1]. В соответствии с этой конституционной нормой последовательно формируется реализация принципа добросовестности в отраслевом законодательстве, в том числе и в семейном праве. Фактически в Конституции РФ указаны пределы добросовестного использования прав, в том числе семейных.

Последовательно принцип добросовестности нашел свое отражение в Гражданском кодексе РФ в пунктах 3 и 4 статьи 1, а также в пункте 5 статьи 10: *«При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются»* [2].

Фактически пункт 5 статьи 10 Гражданского кодекса РФ устанавливает презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений, к которым относится и семейное право.

В Семейном кодексе РФ принцип добросовестности отражен преимущественно с позиции его ограничительной функции [7]. Суть ограничительной функции принципа добросовестности в применении семейных прав состоит в следующем: *«если осуществление того или иного субъективного права формально соответствует имеющемуся законодательному регулированию, но при этом противоречит принципу добросовестности, то оно подлежит ограничению»*. В подобных случаях осуществление субъективных прав должно быть ограничено до пределов их соответствия принципу добросовестности. Вытекающая из принципа добросовестности обязанность учета прав и интересов другой стороны здесь также является определенным пределом использования своих прав другой стороной, что, естественно, ограничивает субъективные семейные права.

В развитие положений Конституции РФ Семейный кодекс РФ указывает на границы защиты семейных прав в своих статьях 1 и 7 *«Права граждан в семье могут быть ограничены только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан. Осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан. Семейные права охраняются законом, за исключением случаев, если они осуществляются в противоречии с назначением этих прав»* [3].

Таким образом, Семейный кодекс РФ, в отличие от Гражданского кодекса РФ больше сосредотачивается на ограничительной функции принципа добросовестности, которую можно рассматривать как установление границ права, определяемых по нарушению семейных прав других лиц. При этом статья 4 Семейного кодекса РФ, четко дает понять, что и другие положения Гражданского кодекса применимы к семейным пра-

воотношениям, поскольку *«к имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений»* [3].

Кроме того, статья 5 Семейного кодекса РФ расширяет сферу взаимопроникновения между гражданским и семейным правом по *«применению семейного законодательства и гражданского законодательства к семейным отношениям по аналогии»* [3]. В целом это означает, что в семейном праве также могут быть реализованы другие социально-юридические функции системы принципа добросовестности — конкретизирующая функция, дополняющая функция, ограничительная функция и корректирующая функция [7], которые используются в совокупности с нормами семейного права при разрешении сложных судебных споров.

Матанцев Д. А. в своей работе [4] выделяет в отдельную категорию принцип осуществления семейных прав в противоречии с их назначением, как антитезу принципу добросовестности и предлагает доработать семейное законодательство, включив в статью 7 Семейного кодекса РФ дефиниции принципа добросовестности и злоупотребления семейным правом, что представляется хорошей мерой предупреждения возможных злоупотреблений.

Злоупотребление правом, как антитеза принципу добросовестности, можно рассматривается с разных позиций [11]:

- как выход за пределы осуществления права;
- как использование права не по назначению;
- как невыполнение целевых прав-обязанностей;
- как нарушение принципов права.

Рассмотрим это на исторических примерах. Активное развитие принципа добросовестности в юриспруденции стало происходить в 19–20 веках, причем наиболее сильное влияние на правовые системы других стран оказала Германия [5]. На примере Германской правовой системы видно, что с момента законодательного закрепления принципа добросовестности в 242 параграфе Германском гражданском уложении в 1900 году до активного использования этого принципа в судебной практике прошло достаточно много времени [6].

Активное развитие и использование этот принцип получил в Германии в 20 веке с приходом к власти национал-социализма. Общие формулировки принципа добросовестности позволили увести судебную практику от конкретных частных правовых норм в общие оговорки касательно нарушения принципов правосудия. Этот период можно считать черными страницами германской юриспруденции: в период национал-социализма апелляция к доброй совести и иным подобным каучуковым стандартам (вроде добрых нравов) помогала судам адаптировать догматику немецкого гражданского права под потребности политического режима и идеологию фашистской Германии.

Представленные исторические исследования К. Нам [5,6] позволяют понять истоки современной условной «гибкости» западного, в том числе германского, законодательства. На примере быстрого законодательного оформления антироссийских санкций представлена опасность вынесения решений исключительно на основе общих положений принципа добросовест-

ности и его антитезы — злоупотребления правом. На основе исторического опыта подобные судебные решения можно считать политически ангажированными. Для исправления такой ситуации требуется органичное сочетание основополагающих принципов правосудия с действующими нормами права.

В качестве такой органичной конструкции предлагается использовать правило формулирования норм права в виде «Гипотезы — Диспозиции — Санкции» [10], где одним из элементов конструкции будет выступать принцип добросовестности. Наиболее логично его использовать в качестве диспозиции: **если** мы используем какие-либо нормы права — в качестве описания гипотезы, **то** мы должны делать это добросовестно. Выявление злоупотребления правом, как антитезы принципа добросовестности, ведет к применению **санкций: иначе** в общем случае, согласно гражданскому и семейному законодательству, последует отказ в защите применяемого права, а в частных случаях еще и дополнительные санкции, применяемые для известных злоупотреблений, регулируемых законодательством.

Злоупотребление семейным правом, как и любым другим, можно рассматривать как отход субъекта права от принципа добросовестности при использовании своих прав. Законодательство предусматривает отказ в защите права злоупотребляющего субъекта. В отношении известных видов злоупотребления правом законодательство также предусматривает восстановление нарушенных прав другой стороны. В качестве примера можно привести как фиктивный брак, так и фиктивный развод. В обоих случаях регистрация семейного положения субъектами права осуществляется вопреки их предназначению и, как законодательно закрепленная санкция, при доказанности обстоятельств фиктивности, осуществляется отказ в защите прав субъекта, злоупотребившего правом, и последующие частные санкции в соответствии с нормами гражданского и/или административного законодательства.

Из представленного примера видно, что законодатель выработал меры противодействия семейным злоупотреблениям. Для известных злоупотреблений семейными правами их предупреждение может быть описано с помощью юридической формулы «Гипотеза-Диспозиция-Санкция» по представленным выше правилам.

Рассмотрим подробнее предлагаемы правила построения данной конструкции в отношении злоупотреблений правом.

Если применяется выбранное семейное право, указанное в такой-то статье Семейного кодекса, то это семейное право субъект должен применять с соблюдением принципа добросовестности. Иначе субъекту, злоупотребившему семейным правом, в общем случае — будет отказано в защите его права, согласно статьям 1 и 7 Семейного кодекса РФ [3]. Также возможны другие санкции, которые предусмотрены нормами законодательства в отношении известных злоупотреблений, а нарушенные права других субъектов должны быть восстановлены.

Мы можем видеть, что в качестве гипотезы могут рассматриваться самые разные семейные права, т.е. гипотеза является переменной составляющей в данной юридической формуле. А вот диспозиция в любом случае всегда одинаковая — использование семейных прав должно сопровождаться принципом добросовестности, с соблюдением законных прав и интересов

другой стороны. Санкция в данной юридической конструкции содержит две составляющих — постоянную и переменную. Постоянная составляющая указывает на общий принцип отказа в защите права лицу, которое злоупотребило этим правом. А переменная составляющая юридической конструкции определяется нормой права — санкцией, которая восстанавливает нарушенные права потерпевшей стороны и/или карающей санкцией, если дело рассматривается в рамках административного или даже уголовного права. Следует отметить, что переменная часть санкции может быть определена только для известных видов злоупотреблений. Для неизвестных ранее злоупотреблений применяется только общий принцип отказа в защите права, после чего такой прецедент должен стать основой для доработки законодательства.

В упрощенном виде формирование юридической конструкции «Гипотеза-Диспозиция-Санкция» в отношении злоупотреблений семейными правами выглядит как ряд последовательных правил.

1. Если мы рассматриваем применение субъектом выбранного семейного права, указанного в нормах законодательства...
2. ...То применяемое право, как и любое другое, должно быть использовано добросовестно, не нарушая прав и законных интересов других лиц.
3. Иначе, права других лиц должны быть восстановлены согласно нормам действующего законодательства, а лицу, допустившему злоупотребление семейными правами, должно быть отказано в защите его прав и предприняты другие санкции, предусмотренные законодательством.

В качестве **гипотезы** может выступать любая норма семейного права, в которой описаны права субъекта семейных отношений. В качестве **диспозиции** выступает только принцип добросовестности, а в качестве его антитезы — способы злоупотребления правом. В качестве **санкции** всегда выступает постоянная составляющая — отказ в защите права, которое осуществляется с злоупотреблением. А переменная составляющая **санкции** применяется, если она предусмотрена законодательством.

Актуальность указанной темы подтвердили документы десятого Всероссийского съезда судей, который состоялся 29 ноября 2022 года в Государственном Кремлевском дворце. Особого внимания заслуживают слова Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина. Глава государства отметил, что от качества работы судей зависит защита прав и законных интересов граждан, которые нашли отражение в Постановлении X Всероссийского съезда судей Российской Федерации [12]. Президент отметил влияние на результат работы профессиональных качеств каждого судьи. Главная цель совместной работы судей — решение задач по повышению эффективности, качества, справедливости и доступности правосудия, а также его социальной направленности. Что также подразумевает борьбу со злоупотреблениями, поскольку, как было указано выше, принцип правосудия в юриспруденции берет свое начало в области морали, нравственности и социальной направленности.

Выводы:

1. В общих законодательных положениях Семейного кодекса РФ нашла свое отражение только ограничительная

функция принципа добросовестности. В семейном законодательстве отсутствуют четкие дефиниции, определяющие критерии добросовестности и, как его антитезы — злоупотребления правом, что усложняет возможность рассмотреть обстоятельства дела по усмотрению суда в разбирательстве по новым, ранее неизвестным, прецедентам.

2. Исторический опыт показывает, что общие законодательные нормы, в которых сформулирован принцип добросовестности или, как его антитеза — злоупотребление правом, не должны использоваться в отрыве от частных норм права, регу-

лирующих конкретные семейные отношения. Использование в юридической конструкции «Гипотеза-Диспозиция-Санкция» в качестве диспозиции — принципа добросовестности, позволяет избежать такой ситуации и органично сочетать общие принципы правосудия с действующими нормами законодательства.

3. Предлагаемые правила формулирования известной юридической конструкции «Гипотеза-Диспозиция-Санкция» в отношении известных злоупотреблений составляют методическую основу для формирования и выделения института злоупотребления семейными правами.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022 года) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2021. № 52 (часть I), ст. 8989.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 21 ноября 2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 2 декабря 2022 № 465-ФЗ) // СЗ РФ. 1996, № 1, ст. 16; 2022. № 48, ст. 8332.
4. Матанцев Д. А. О принципе добросовестности в семейном праве // Право и государство: теория и практика. 2018. № 12.
5. Нам К. В. История принципа добросовестности (Treu und Glauben) до принятия Германского гражданского уложения // Вестник экономического правосудия. 2018. № 5.
6. Нам К. В. История развития принципа добросовестности в период с 1900 по 1945 г. // Вестник экономического правосудия. 2018. № 6.
7. Нам К. В. Принцип добросовестности как норма-правило // Вестник экономического правосудия. 2020. № 1.
8. Кант И. Критика практического разума / Пер. с нем. — СПб.: Наука, 1995. — 528 с.
9. Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М. Статут. 2019.
10. Нормы права: теоретико-правовое исследование: Монография / Т. В. Губаева, Л. А. Гумеров, А. В. Краснов и др.; отв. ред. Т. В. Губаева, А. В. Краснов; Российская академия правосудия. — М.: РАП, 2014. — 164 с.
11. Матанцев Д. А. Категория злоупотребления правом в гражданском и семейном законодательстве и доктрине Российской Федерации: Автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / Д. А. Матанцев. — М., 2012. — 23 с.
12. Постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405810965/> (Дата обращения 05.01.2023).

Организация работы МВД России в системе противодействия киберпреступлениям

Алиханян Коля Робертович, студент магистратуры

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Красноярск)

В статье рассматривается роль МВД России в системе противодействия киберпреступлениям. В связи с тем, что киберпреступность стала угрозой национальной и международной безопасности, в статье, отмечается особая роль специальных подразделений МВД России в сфере противодействия киберпреступлений.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел Российской Федерации, правоохранительные органы, кибертерроризм, киберпреступления, киберпространство.

Наше время характеризуется повсеместным распространением технологий «цифровой эпохи», пришедших в обиход с началом глобализации и цифровизации человеческого сообщества. Особенно заметное влияние эти процесс оказали на социальную сферу жизни — каждому второму жителю земного шара доступны такие блага цивилизации, как доступ в Интернет; компьютеры, смартфоны и другие средства связи и обмена информацией. Программное обеспечение широкого круга назначения

находятся в открытом доступе, что способствует значительному повышению цифровой грамотности и компетентности пользователей. Однако у процесса интеграции продвинутых информационных технологий в систему социальных отношений, труда и быта есть и негативная сторона: в условиях активного использования интернет-пространства возник ряд новых, специфических разновидностей преступной деятельности, среди которых следует выделить «кибер-терроризм» и «кибер-преступность».

Современные технологии довольно глубоко проникли в повседневную жизнь: благодаря им осуществляется не только обмен информацией, но и управление, т.е. реализация основных функций органов государственной власти. Использование передовых информационных технологий в интересах противоправной деятельности или деятельности, направленной на подрыв безопасности государства, является серьёзной угрозой для общественных и властных институтов. По этой причине высокую актуальность и значимость приобретает поиск современных и эффективных мер борьбы с новыми угрозами цифрового века: «киберпреступности» и «кибертерроризма».

Касаясь темы угроз в области информационной безопасности, следует заострить внимание на том, что здесь пойдёт речь в основном об угрозах искусственного характера, зависящих напрямую от человека. Такие угрозы можно разделить на непреднамеренные и преднамеренные. Киберпреступность, использующая информационно-коммуникационные технологии, имеет преднамеренный характер. К подобным угрозам могут относиться создание и распространение в сети контента нежелательного и опасного содержания, кража информации и её публикация без законных прав, мошенничество, потеря данных, публикация фейков. Наиболее масштабным и серьёзным проявлением служат кибертерроризм и кибервойны, способные ощутимо повлиять на безопасность отдельных личностей, общества и сферу международных отношений в целом, поспособствовав эскалации напряжённости. Следовательно, преступления, совершаемые в киберпространстве — это виновное противоправное вмешательство в работу компьютеров, компьютерных данных, а также иные противоправные общественно опасные действия, совершенные с помощью или посредством компьютера, компьютерных сетей и программ.

Чтобы сформировать более чёткое представление о том, с какими угрозами приходится сталкиваться органам внутренних дел, занимающихся вопросами ИКТ, следует сперва дать определение самим понятиям «киберпространство» и «киберпреступность». Причисление киберпреступности к определённой разновидности правонарушений сейчас позволяет определить лишь конкретные виды и способы киберпреступлений. Однако объективно оценить масштабы киберпреступности не представляется возможным, поскольку не существует достаточного законодательства по интернет-преступности, соответствующего современным потребностям правоохранительных органов. Поскольку онлайн-системы не статичны и постоянно меняются и развиваются, трудно создать правовую базу для всех видов киберпреступлений и основу для выявления преступлений правоохранительными органами.

Для киберпреступности характерен ряд специфических черт, которые следует принимать во внимание, анализируя правоохранительную политику органов государственной власти, особенно сферу оперативно-розыскной деятельности по противодействию новым угрозам. Следует учитывать и особенности угроз, возникающих в киберпространстве, что даст возможность лучше разобраться в трудностях, требующих внимания и участия представителей органов охраны правопорядка.

Принято выделять следующие особенности угроз, характерных для киберсреды:

1. Сложность атрибуции (локализации и установления личности преступника). Политолог Х. Лин указывает на то, что в настоящее время отсутствуют признанные и апробированные на уровне международной политики доказательные критерии и нормы, позволяющие подтвердить, кто именно совершил преступный акт. С помощью современных технологий, обеспечивающих анонимность и даже «неуловимость», киберпреступники совершают свои нападения из любой точки на планете — в то же время подтвердить персональную ответственность субъекта за совершённую атаку представляется зачастую невыполнимой задачей.

2. Непредсказуемость. Эта черта является одной из основных при рассмотрении преступлений в информационном пространстве. Нарушители способны атаковать в любой момент, сами при этом оставаясь в тени. Таким образом, выработать какие-либо меры долгосрочного противодействия без опоры на понимание мотивов и критериев преступников становится достаточно проблематично, как и заранее принять соответствующие меры.

3. Фрагментация руководства. Использование ресурсов киберпространства в полной мере требует высокого уровня компетентности от специалиста в силу своей технологической сложности. При выработке решений по вопросам кибербезопасности осуществляется взаимодействие между специалистами в области инфотехнологий и представителями институтов власти. На этом этапе и возникает проблема фрагментации в среде лиц, ответственных за принятие практических решений. Причина этого заключается в том, что последнее слово обычно остаётся за представителями власти (условно выступающими в роли «наимателей»), а не техническими экспертами, обладающими ценными навыками в сфере IT-безопасности. К ним относятся специалисты высшего уровня квалификации (разработчики и аналитики компьютерных систем, программисты, специалисты по компьютерам, инженеры-электроники, инженеры по связи и приборостроению), либо имеющие средний и базовый уровни квалификации (техники-электроники и техники по телекоммуникациям, техники и операторы аппаратуры для радиовещания и телесвязи).

4. Разнородность вовлечённых лиц. Поскольку киберпространство является многополюсной системой, оно характеризуется разнообразием участников. При этом в ней действуют, с одной стороны, представители соответствующих государственных служб, занимающихся вопросами информационной безопасности, и с другой стороны — активные пользователи, например, хакеры, не являющиеся однородной группой и руководствующиеся различными целями и задачами.

Указанные обстоятельства лишь подтверждают необходимость пересмотра традиционных форм борьбы с преступностью современности с последующим изменением подходов, в том числе к организационно-структурному построению органов внутренних дел. В частности, одной из таких мер было создание в структуре Министерства внутренних дел Российской Федерации «Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий» (далее «УБК»), основной задачей которого является борьба с киберпреступностью.

Создание УБК обусловлено большим количеством компьютерных атак, дистанционных хищений денежных средств, активным развитием противоправной цифровой индустрии. Согласно официальным новостным источникам, каждое четвертое преступление совершается с использованием IT-технологий,

что представляет угрозу гражданам, правопорядку и национальной безопасности страны и требует выработки адекватных мер противодействия.

УБК занимает приоритетное место среди подразделений МВД в борьбе с киберпреступностью.

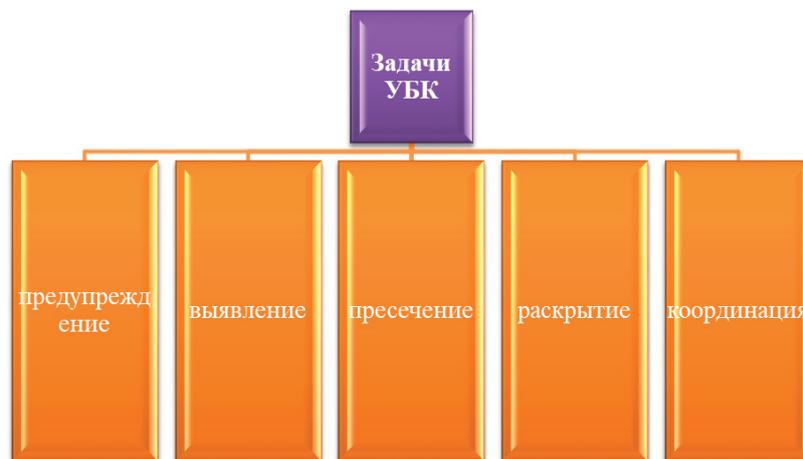

Рис. 1. Основные задачи Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий

Помимо основных задач, продемонстрированных на рис. 1, подразделение проводит анализ данных, содержащихся в информационно-телекоммуникационных сетях, в целях выявления запрещенного контента и противодействия преступ-

ности. Вместе с тем, УБК напрямую взаимодействует с ФСБ, госорганами, учреждениями финансово-кредитной системы, организациями информационно-коммуникационной сферы, иными участниками информационного обмена.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 688 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации»
2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 20.07.2015. № 29.
3. Абсатаров Р.Р. Противодействие компьютерному терроризму // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. — 2018. — С. 172–174.
4. Волков Е.И. Анализ вирусной опасности и средства по ее нейтрализации на примере «WannaCrypt» // Интеллектуальные ресурсы. — 2019. — № 2. — С. 25–31.

Право в условиях цифровой реальности

Багалея Екатерина Игоревна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

Данная статья посвящена современному праву, которое испытывает на себе влияние «цифровизации», при этом оставаясь вне тех объектов, которые меняются под ее действием. Поэтому, представляется, что перед наукой стоят глобальные задачи, которые связаны с переосмыслением происходящих трансформаций в условиях новой цифровой реальности.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая реальность, информация, информатизация, информационное право, информационные технологии.

В настоящее время уже совершенно очевидно возникновение «цифровой реальности». Это было неизбежно, поскольку

цифровые технологии появились во всех сферах нашей жизни, сформировались гигантские информационные массивы, и их

объем неуклонно растет. Общественность шагнула в эру цифровых технологий. В связи с этим глобальные изменения и трансформации затронули сферу права. Актуальность темы обусловлена взаимовлиянием феноменов цифровизации и права, необходимостью исследования их воздействия друг на друга.

Информатизация затрагивает каждую сферу жизни в большей или меньшей степени. По справедливому мнению О.А. Шабаева, технический прогресс шагает семимильными шагами, люди эволюционируют, постоянно изобретают средства, инструменты и методы для оптимизации своей жизни, улучшения ее качества. И деятельность человека стала зависеть от его информативности, его умения работать с большими объемами данных и информации вообще [7, с. 16].

Как отмечают Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, в условиях современной реальности право уже не просто средство или инструмент для «цифровизации» экономики, оно уже стало объектом влияния «цифровизации», из-за чего его форма меняется, содержание, все системы и сам принцип действия ведет к усилению трансформаций [6, с. 86].

Количественные и качественные изменения информационных технологий в жизни людей влияют на технологии процессы жизнедеятельности. Также претерпевает изменения общественное мировоззрение, которое отвечает за место цифровых технологий в жизни.

Сфера правового регулирования трансформируется, ведь в условиях активной цифровизации меняется и жизнь в целом.

Поскольку информатизация является неизбежным процессом, на область права она оказывает положительное влияние, так как не позволяет стать ему аморфным. Это связано с тем, что право всегда стремится подстроиться под современность, оно трансформируется, улучшается. Право начинает взаимодействовать с информатизацией с большим успехом, из-за чего происходит рост в области экономических и физических ресурсов.

С.Г. Чубукова отмечает, что сегодня мы можем говорить о том, что информатизация приводит к улучшению правотворческого процесса, ведь развитие информационных технологий позволяет оперативно и эффективно собирать статистические данные, на основании которых становятся заметными проблемы норм права. Улучшение процесса правоприменения является важнейшим инструментом для точной установки фактов по делу, которые в ходе разбирательств этого дела могут сыграть главную роль в квалификации и применении необходимой нормы. Информационные системы, например, «КонсультантПлюс» или «Юрист», способствуют росту правосознания и правовой культуры у людей [4, с. 46].

Информатизация как процесс началась совсем недавно, так что говорить о его положительных или отрицательных сторонах пока рано. Но мы можем наблюдать за ней и составлять промежуточные выводы на протяжении какого-то условного времени. Нам кажется, что весь процесс взаимодействия права и процесса информатизации не может привести к отрицательным последствиям несоизмеримым итоговому опыту. Неизбежно формируется современная, модернизированная система права, приобретаются современные, новейшие формы и источники.

Общество и информация беспрестанно меняют социально-нормативное регулирование, когда речь идет о морали,

религии, праве или нравственности. В результате таких изменений появляются структурные изменения общества. Информационные технологии и базируемые на них информационные телекоммуникационные сети внедряются во всех областях человеческой жизни, что приводит к созданию одного общего информационного пространства.

С.Г. Чубукова пишет, что большое влияние на форму права оказывает именно «цифровизация». В Интернете уже много лет можно найти электронные версии формальных юридических источников, формируются целые электронные библиотеки и базы, справочные системы, которые крайне популярны у современных юристов и населения в целом.

К этим неофициальным источникам постоянно обращаются профессиональные юристы в ходе своей работы. Специалисты должны понимать, что, обращаясь к ним, они берут на себя риск, ведь данные информационные ресурсы могут нести в себе неточности и ошибки. Но все равно люди продолжают к ним обращаться, поскольку это удобно, что является основным аргументом в пользу цифровой информации [4, с. 48].

Сейчас уже можно говорить, что информационное право стало самостоятельной отраслью российского права.

Информационным правом называют отрасль российского права, которая отвечает за регулирование общественных отношений, появляющихся в ходе поиска, получения, передачи и производства информационных данных и отношений, связанных с ними.

На сегодняшний день нет четкого и однозначного определения информационного права как отрасли права. Его можно рассматривать как отрасль права, науку или учебную дисциплину [3, с. 61].

И.Л. Бачило считает, что отрасль информационного права имеет множество отличий от прочих отраслей, у нее свой предмет отношений. Ученая в состав изучаемого предмета включает отношения, которые воплощены [1, с. 28]:

- 1) в информации при всей вариативности ее форм и проявлений, которые на этой основе формируются на информационных ресурсах;
- 2) в средствах, инструментах и технологиях работы с информацией, речь об информационных технологиях;
- 3) в средствах и технологиях передачи информации посредством сетей связи.

Следовательно, можно определить предмет информационного права, как социальные отношения на базе процесса поиска, получения, передачи, производства и распространения информации и любые отношения, связанные с этими процессами. И предмет, и метод регулирования информационного права связаны друг с другом. Предмет отрасли права отвечает на вопрос «что?», а суть метода правового регулирования более соответствует вопросу «как осуществляется правовое регулирование отношений, которые сложились между участниками права?» [1, с. 28].

Общее право определяет метод правового регулирования как совокупность приемов и способов, которые помогают влиять и воздействовать на всех участников правового процесса. Данный метод является ничем иным, как особым способом, который помогает государству на основании совокупности юридических норм обеспечивать определенное поведение людей, которые считаются участниками правоотношения.

Метод правового регулирования отвечает за выбор инструментария для установки прав и обязанностей субъектов, уровень их свободы действий в этих правоотношениях, их положение относительно друг друга и невозможность применять какие-либо средства защиты прав участников такого правоотношения. Эффект такого рода влияния может быть достигнут при помощи одного из двух приемов регулирования: императивного и диспозитивного [2, с. 25].

Теория права содержит разные наименования основных методов правового регулирования — это императивный, он же авторитарный, централизованный метод, или же метод субординации, властных предписаний, власти, подчинения. Диспозитивный метод представляет собой метод децентрализации, координации, метод равенства всех сторон. Отрасль информационного права сочетает в себе методы правового регулирования, в который входят все элементы императивных и диспозитивных основ.

М. А. Кудрявцев описывает это положение посредством норм Федерального закона «О персональных данных». Например, диспозитивное регулирование ст. 6 указанного закона, согласно которой, оператор имеет право доверить обработку персональных данных, если иное не предусматривается законом, на основании заключаемого с этим лицом договора, в том числе государственного или муниципального контракта, либо путем принятия государственным или муниципальным органом соответствующего акта [5, с. 102]. При этом человек, который такую обработку осуществляет в рамках своих обязанностей и полномочий, не должен получать согласие от человека, чьи персональные данные он получает.

Для примера можно рассмотреть судебную практику, которая имеет отношение к Федеральному закону «О персональных данных».

Так, АО «ЭК» «Восток» направило обращение в арбитражный суд Курганской области с заявлением о признании незаконными действия Отдела образования Администрации города Щадринска по отказу в предоставлении сведений о родителях несовершеннолетних граждан.

Заявитель обосновывает свои требования и указывает, что при отсутствии у АО «ЭК» «Восток» необходимых ему данных о законных представителях несовершеннолетних собственников, заявитель не сможет воспользоваться своим правом на обращение в суд для защиты своих прав и интересов, так как он не сможет точно определить круг тех лиц, которые будут представлять интересы несовершеннолетних и оплачивать жилые помещения и коммунальные услуги. Считается, что предоставление АО интересующих его сведений не будет являться нарушением законодательства, так как АО «ЭК» «Восток» получит статус оператора персональных данных, который будет нести соответствующую ответственность, которая предусматривается российским законодательством. На запрос руководитель отдела опеки и попечительства Отдела образований Администрации города

Щадринска, ссылаясь на положение ст. 7 Федерального закона «О персональных данных», отправил отказ в предоставлении персональных данных тех лиц, которые были перечислены в запросе.

Суд постановил, что Администрация не нарушает закон, который предусматривает обязанность органов самоуправления или должностных лиц давать письменный ответ по обращенным к ним вопросам, так как установлен запрет на предоставление сведений, которые запрашиваются.

Еще один пример.

С. направил жалобу в Управление Роскомнадзора Мурманской области о ненадлежащем исполнении управляющим П. обязанностей при исполнении им полномочий конкурсного управляющего ОАО «Авелон». Суд установил, что управляющий нарушил требование п. 3 ст. 20.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» из-за предоставления материала дела, как доказательств, документов, в которых есть персональные данные С., а, именно, паспортные данные, адрес проживания и информация о его доходах.

Согласно всему вышеизложенному, управляющий П. обязан был гарантировать конфиденциальность данных, которые находятся под охраной Федерального закона «О персональных данных». П. не получал согласие субъекта на распространение его персональных данных, по сути, он раскрыл эти данные конкретному кругу лиц. Соответственно, его справедливо привлекли к административной ответственности.

Нужно отметить, что нередко правоотношения в информационной среде становятся предметом преступных посягательств. В информационной среде преступления могут быть связаны не только с информацией, но и с информационными технологиями как способом или методом воздействия.

Виртуальное пространство каждый день растет, из-за чего его сложно мониторить, контролировать и управлять им. По этой причине есть вероятность того, что часть информации, имеющей огромную политическую, экономическую или военную важность просто теряется, трансформируется и часто даже не доходит до тех людей, которые могут принять важное решение. Такие каналы являются брешью, которой может воспользоваться потенциальный противник с целью манипуляций. Эта ситуация имеет скрытый характер, она не позволяет быстро и своевременно увидеть, и ликвидировать опасность.

Подведя итог, можно с уверенностью сказать, что цифровые технологии, применяемые в праве, полностью или частично меняют его. Право в условиях цифровой реальности изменяет свою природу, а также предъявляет новые требования к правовой науке и юридической практике. В частности, это касается разработки эффективных средств и способов регулирования различных областей общественной жизни. Главная задача юристов — придать этой реальности правовую форму. В связи с этим возникает новый вид человеческих правоотношений — это информационное право.

Литература:

1. Бачило, И. Л. Информационное право: учебник для вузов / И. Л. Бачило. — Москва: Юрайт, 2022. — 419 с.
2. Волков, Ю. В. Информационное право. Информация как правовая категория: учебное пособие для вузов / Ю. В. Волков. — Москва: Юрайт, 2022. — 109 с.

3. Информационное право: учебник для вузов / под ред. Н. Н. Ковалевой. — Москва: Юрайт, 2022. — 353 с.
4. Информационные технологии в юридической деятельности: учебник и практикум / отв. ред. С. Г. Чубукова. — Москва: Юрайт, 2022. — 314 с.
5. Кудрявцев, М. А. Новые горизонты информационного права. Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право // Сборник научных трудов / под ред. Т. А. Поляковой, В. Б. Наумова, А. В. Минбалева. — Москва: ИГП РАН. 2018. — С. 100–112.
6. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. — 2018. — № 9. — С. 5–16.
7. Шабаева, О. А. Право в условиях цифровой реальности: постановка проблемы / О. А. Шабаева // Сибирский юридический вестник. — 2019. — № 1 (84). — С. 16–20

Профессиональная компетенция юриста в сфере информационных технологий

Багалея Екатерина Игоревна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В данной статье рассматриваются особенности профессиональной компетенции юриста в сфере информационных технологий (IT-юриста), проблемы применения методологии Agile (эджайл) в практике IT-компаний в их проектной деятельности и умения юриста адаптировать данную методологию к современным правовым условиям.

Ключевые слова: IT-юрист, профессиональная компетенция, методология Agile (эджайл), IT-проект, исполнитель, заказчик, рамочный договор.

Актуальность темы состоит в том, что правовое поле постоянно растет, появляются новейшие отрасли права, возникает необходимость в юристах, которые ориентируются в этих сферах. Эти специалисты должны соответствовать общим требованиям к представителю юридических профессий, которые предъявляются к любому специалисту в сфере права, а также специальные требования, которые зависят от рода деятельности юриста.

Юрист в сфере информационных технологий (IT-юрист) является связующим звеном между программистами-исполнителями и заказчиком. На всех этапах разработки юрист анализирует полученные данные от обеих сторон, он работает с обеими сторонами, с возражениями, ищет компромисс и дает обратную связь о реализации, ориентируясь на сроки исполнения. Сегодня можно говорить о важности профессиональной компетенции юриста в сфере информационных технологий.

В современных условиях почти все IT-компании нуждаются в грамотном юридическом сопровождении. В ходе разработки и непосредственной продажи IT-продуктов или услуг договорные обязательства должны быть закреплены с обеих сторон, а потенциальные конфликты и недопонимания необходимо должным образом регулировать и разрешать.

В качестве примера сложности работы юриста в IT-сфере рассмотрим проблему адаптации системы Agile (эджайл) к российскому праву.

Agile (эджайл) — гибкий подход к разработке программного обеспечения, который часто применяют в небольших командах. Весь процесс работы над проектом делится на итерации — короткие циклы по две-три недели. Каждая итерация решает серию задач: анализ требований, проектирование, программирование, тестирование и документирование. По итогам каждой

итерации команда анализирует результаты и меняет приоритеты для следующего цикла. В итоге за каждый цикл создается мини-продукт или отдельная часть, которая готова к самостоятельному запуску [3, с. 349].

Рассмотрим саму суть подхода Agile. В теории и на практике могут возникать разногласия, если возникают вопросы, которые не предусмотрены договором или их невозможно было спрогнозировать. При этом основной задачей юриста будет поддержание коммуникации с заказчиком на каждом этапе реализации проекта. Перед заключением договора нужно точно обозначить итоговую картину, которую рисует себе заказчик.

Притворить проект в жизнь не так сложно, как осознать, чего от тебя ждут, и отразить это на бумаге, приняв во внимание ликвидацию любых недочетов в будущем. Agile позволяет создавать проект и продукт. Этот процесс управления приносит пользу IT-компаниям, так как он позволяет проводить анализ и улучшать продукт на всех этапах его разработки.

В начале нулевых годов XXI века был сформулирован манифест Agile. Это описание метода управления прогрессом технических проектов. В данном манифесте есть четыре пункта, однако, для юриста полезными являются пункты 2 и 3: пункт 2 — «работающий продукт важнее, чем полноценная документация»; пункт 3 — «сотрудничество с клиентами важнее, чем условия контракта» [2, с. 23].

Следовательно, специалист права несет огромную ответственность во время заключения договора и на протяжении всего сотрудничества с заказчиком. Во время конфликтных ситуаций задача юриста заключается во взаимодействии заказчика и исполнителя.

Е. В. Александрова справедливо отмечает, что в научных исследованиях права в сфере управления IT-проектами одной

из важнейших задач становится мониторинг новых правовых нормативных актов, анализ законодательства в IT-сфере и экспертиза локальных нормативных актов [1, с. 89].

Предлагается провести исследование правовых проблем и особенностей сопровождения проектов из области информационных технологий, во время разработки которых используется подход Agile.

В основе нашего исследования лежит судебная практика разрешения конфликтных ситуаций во время реализации IT-проектов.

Отечественная судебная практика знает множество примеров конфликтов в сфере IT-проектов, которые связаны с несоблюдением компаниями манифеста Agile, из-за чего происходил ряд недопониманий между сторонами и возникали различные спорные ситуации. Анализ этой практики представляет большой интерес, так как он позволит определить противоречия норм гражданского права и принципов методологии Agile.

Например, дело № А55–9384/2018 [4], в котором заказчик заключил договор на разработку сайта и его размещение в Интернет. Исполнитель работу выполнил. Но в ходе работы заказчик вносил изменения в техническое задание, согласно договору, это могло иметь место без заключения дополнительных соглашений и внесения поправок в текст основного договора. Но заказчик не согласовал адаптацию сайта под мобильные устройства, несмотря на то, что исполнитель предлагал варианты решения этой проблемы.

Заказчик не захотел сотрудничать по этому вопросу, в итоге дело дошло до судебного разбирательства, в ходе которого суд установил, что свои обязательства разработчик выполнил добросовестно. Это дело можно называть показательным, так как заказчик понес убытки, чего можно было бы избежать, прибегнув к методологии Agile.

Еще одно дело — № А32–26153/2017 [5].

Стороны заключили договор на создание сайта. Истец требует взыскать с исполнителя заказа суммы переплаты по договору. Но истец не взял во внимание свой долг по другому договору с тем же исполнителем. В результате взаимозачета истец оставался в проигрыше. Суд отказал истцу в удовлетворении его требований. Применение методологии Agile могло бы предотвратить спор о задолженности, поскольку в Agile закреплено, что в ходе всего процесса разработки заказчик должен общаться с исполнителем, что исключило бы недопонимание во взаиморасчетах.

Другой пример. Тринадцатый арбитражный апелляционный суд Санкт-Петербурга получил дело [6], по которому истец требовал расторгнуть договор разработки сайта, так как были обнаружены нарушения условий данного договора. Истец решил, что ответчиком не были переданы ключи для администрирования сайта. В самом иске было сказано, что ответчик сам использовал сайт и не вернул доступ от сайта истцу после прекращения работы договора. На основании убедительных доказательств апелляционный суд решил, что стороны должны подписать акт приемки работ, а истец должен получить ключи от сайта. Отношения использования сайта появились после того, как договор был исполнен, поэтому их нельзя класть в основание расторжения данного договора. В этом деле очевидно

появление недопонимания между сторонами касательно того, кто именно должен заниматься администрированием сайта, и кто должен обладать ключами доступа. Между сторонами было заключено несколько договоров. Стороны взаимодействовали ненадлежащим образом, это взаимодействие не соответствовало принципам Agile. А истец решил расторгнуть договор, что могло привести к отрицательным последствиям, если бы суд принял положительное решение.

Нередки случаи, когда заказчика перестает интересовать разработка программного обеспечения, и он рвет все отношения с исполнителем, не выходя с ним на связь. В деле № А12–35208/2018 [7] в суд направил обращение истец о взыскании аванса по договору разработки сайта. Но суд выяснил, что исполнитель все свои задачи выполнил вовремя, об этом говорит акт приемки работ, который заказчик подписать отказался без объяснения причин.

Другой пример. Арбитражный суд Иркутской области изучал дело № А19–9305/2018 [8], которое в итоге дошло до кассационной инстанции. Истец и ответчик заключили между собой договор, согласно которому ответчик должен был разработать сайт. Разработку разделили на этапы, каждый из которых имел свою определенную стоимость, сроки и итоговый результат.

К следующему этапу работы исполнитель приступал только после полной оплаты предыдущего этапа, что отображено в акте сдачи-приемки работ. Истец периодически задерживал оплату, что заметно тормозило всю работу ответчика. Позднее истец и вовсе потерял всяческий интерес к своему заказу и принял решение расторгнуть договор. Но исполнитель добросовестно выполнял все этапы своей работы. Между сторонами возникло недопонимание относительно уже оплаченной части заказа, что привело их в суд.

Практика показывает, что заказчики часто теряют интерес к своему собственному заказу и далеко не всегда в этом виноват сам заказчик, который неожиданно прекращает всяческую коммуникацию с исполнителем. Вполне вероятно, что исполнитель излишне давит на заказчика, стараясь узнать у него более точные пожелания к концепту разработки, после чего итоговая работа просто не отвечает ожиданиям заказчика, который так подробно рассказал исполнителю заказа о своих ожиданиях.

Принципы Agile способны помочь избежать такие ситуации. Они допускают внесение изменений в требования к продукту даже на заключительных этапах разработки.

Судебная практика является чем-то вроде отражения отклонений в гражданском обороте. Она представляет много примеров того, как отсутствие взаимодействия и понимания между сторонами приводит к возникновению конфликтных ситуаций и появлению неприятных и затратных споров. Из-за таких ситуаций обе стороны теряют не только время и полезные контакты, но и деньги, которые тратятся на судебные разбирательства, вместо того, чтобы эффективно и плодотворно взаимодействовать друг с другом, и осуществлять совместную работу над одним общим проектом. Все проблемы и вопросы между сторонами всегда можно уладить, а интерес к разработке — вернуть. Это реально, благодаря Agile и его гибким принципам методологии.

Согласно манифесту Agile, не рекомендуется создавать долгосрочный план на разработку продукта, так как итоговый концепт заказчик может представить себе не всегда. Согласно одному из принципов Agile, заказчик всегда может менять свои требования к заказу, даже если он находится уже на итоговом этапе. Частое внесение изменений в условия договора несложно преодолеть, если заключить дополнительное соглашение, которое изменит основной договор. Но есть и более существенная проблема. Agile-подход не может гарантировать достижение согласия по очень важному условию, а именно по самому предмету договора, что согласно п. 1 ст. 432 Гражданского кодекса РФ [9] (ГК РФ) будет значить, что договор не был заключен.

Предметом договора может быть техническое задание, по которому, как правило, и осуществляется разработка любого программного продукта. Но из-за того, что заказчик редко представляет себе итоговый результат по своему заказу, составление соответствующего технического задания может стать практически невозможным. Такую проблему можно решить при помощи составления рамочного договора. Он предусматривается в ГК РФ ст. 429.1. Гражданское право называет рамочным договором тот договор, цель которого состоит в организации продолжительных деловых связей как потока разных деловых отношений, достижение которых реально только при помощи заключения договоров-приложений. Часть условий из него согласовываются в основном договоре.

В рамочном договоре могут быть определены только условия отношений между сторонами, например, такие как, стоимость или предмет. Согласовывают эти условия уже в текстах

конкретизирующих договоров. Договор такого типа может содержать в себе и ряд организационных условий и условий касательно конфиденциальности данных, согласовать которые можно уже в конкретизирующем договоре. Не всегда стороны ограничены только одной договорной конструкцией, то есть, если нужно, может быть заключен договор подряда на данном этапе разработки, если же необходимо обучение персонала заказчика — заключают договор оказания услуг и т.п.

Представляется, что в ходе рассмотрения дела № А19-9305/2014, приведенного ранее, можно было бы избежать споров о сроке и оплате выполненных работ, если бы эти условия стороны оговорили перед началом работы над каждым из этапов, а предмет договора и прочие условия относительно организации были прописаны в рамочном договоре.

Данный подход помог бы оценивать ситуацию более адекватно. Поскольку сроки разработки на каждом этапе могли бы приспособливаться к текущим условиям. Конструкция безусловно обладает положительными качествами.

Таким образом, можно сделать вывод.

Квалифицированный IT-юрист должен разбираться в тонкостях IT-сферы, например, в методологии Agile, которая позволяет повышать эффективность проектного менеджмента в IT-компаниях.

Анализ показал, что на практике возникает конфликт между положениями указанной методологии и гражданским правом. В то же время, гражданское право содержит в себе инструментарий, который может помочь при оформлении взаимоотношения сторон, в случае если они обращаются к Agile. Одним из таких договоров может быть рамочный договор.

Литература:

1. Александрова, Е. В. Профессиональная компетенция IT-юриста / Е. В. Александрова // Вопросы российской юстиции. — 2019. — № 3. — С. 88–92.
2. Бегларян, М. Е. Формирование IT-компетенции юриста в цифровом пространстве / М. Е. Бегларян // Правовая информатика. — 2019. — № 2. — С. 20–25.
3. Руднева, Е. О. Правовой аспект управления проектами в сфере информационных технологий / Е. О. Руднева // Конституционно-правовое регулирование общественных отношений: теория, методология, практика. — 2018. № 1. — С. 348–351.
4. Решение Арбитражного суда Самарской области от 26.09.2018 по делу № А55-9384/2018. — Текст электронный // Электронное правосудие: [сайт]. — URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/b81cbcd7-c929-4484-991e-43ee217fdfe2> (дата обращения 15.09.2022).
5. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 15.11.17 по делу № А32-26153/2017. — Текст электронный // Электронное правосудие: [сайт]. — URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/b1258c8c-7c31-4d21-9538-3795709d0d4d> (дата обращения 15.09.2022).
6. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.05.19 № 13АП-12315/2019. — Текст электронный // Электронное правосудие: [сайт]. — URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/e5c2063b-f17d-4a90-95bd-69c3e5071395> (дата обращения 15.09.2022).
7. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 13.02.2018 по делу № А12-35208/2018. — Текст электронный // Электронное правосудие: [сайт]. — URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/ae68160f-dc75-4695-ba8f-5c429fedcb38> (дата обращения 15.09.2022).
8. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 29.01.2019 по делу № А19-9305/2018. — Текст электронный // Электронное правосудие: [сайт]. — URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/1fd609e5-ee30-4942-9ec4-289799bf2a25> (дата обращения 15.09.2022).
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022 № 20-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 25.02.2022.

Административная ответственность как элемент системы публично-правовых механизмов защиты прав интеллектуальной собственности

Белозерова Елена Викторовна, студент
Челябинский государственный университет

В статье автор рассматривает особенности административной ответственности в сфере защиты прав интеллектуальной собственности. Автором определяются основные проблемные аспекты административной ответственности и государственного регулирования отдельных видов правонарушений в сфере интеллектуальной собственности в России.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, органы исполнительной власти в сфере защиты прав интеллектуальной собственности, правонарушения, административная ответственность.

Анализируя статистические данные за 2021 год, можно отметить, что в данный период общее количество рассмотренных судами споров в сфере интеллектуальной собственности составило 2433 дела. При этом общая сумма взысканий по указанным делам составила 134 млн руб. если сравнить данные показатели с показателями 2020 года, то можно отметить прирост количества правонарушений в сфере интеллектуальной собственности на 30% (в 2020 году — 1707 дел). Анализируя статистические данные за последние пять лет, можно отметить существенный рост количества исковых заявлений, поданных с целью защиты прав интеллектуальной собственности, при этом сумма взысканий также увеличивается (для примера, в период с 2016 по 2018 год общая сумма штрафов выросла почти в 100 раз) [4].

В свою очередь, работа по выявлению правонарушений и привлечению к административной ответственности нарушителей в сфере интеллектуального права ведется и органами исполнительной власти РФ. Например, Роспатентом на 2021 год было выявлено 665 административных нарушений [2], а согласно официальным данным сайта ФТС только за I квартал 2022 года органами ФТС возбуждено 187 дел об административных нарушениях в сфере интеллектуальной собственности. К III кварталу 2022 года данные цифры увеличились до 449 дел [3].

Обозначим, что основными нормами права, по которым органы исполнительной и судебной власти привлекают нарушителей к административной ответственности, являются части 1–2 статьи 7.12 КоАП РФ и статья 14.10 КоАП РФ [1]. Рассмотрим основные проблемные аспекты действующего законодательства на примере части 1 статьи 7.12 КоАП РФ.

Если говорить об объективной стороне правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ, то перечень действий, которые в нее включены не является исчерпывающим, так как разнообразие объектов интеллектуальной собственности и действий в отношении нее не представляет возможным закрепить все в одной диспозиции статьи. Особого внимания заслуживает отдельная формулировка, предполагающая «иное нарушение авторских и смежных прав в целях извлечения дохода». В частности, стоит обратить внимание на то, что лицо может быть привлечено к ответственности по данной статье лишь при условии наличия цели получения дохода от нарушения прав правообладателя. При этом, на наш взгляд проблемный аспект выражается в том, за такие деяния, как плагиат, лицо не может быть привлечено к ответственности, так как в некоторых слу-

чаях авторство присваивается, но не предполагает дальнейшего получения дохода от этого. Иными словами, присваивая чужое авторство и публикуя, например, научную работу, правонарушитель не имеет цели получения дохода с такого деяния, однако это является прямым нарушением исключительных прав автора, но в силу формулировки рассматриваемой статьи отсутствует состав административного нарушения. С точки зрения автора, данное обстоятельство представляет собой пробел административного законодательства.

Субъект административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ определяется общими правилами. Субъективная сторона данного правонарушения представлена умыслом, поскольку присутствует прямое указание на цель совершения противоправных действий. Таким образом, если нарушение исключительных прав на объекты авторского права и смежных прав происходит без цели извлечения прибыли, то публичная ответственность не наступает. Все это, несомненно, требует детального рассмотрения и проработки.

Отметим, что КоАП РФ не содержит иных составов (кроме обозначенных выше), устанавливающих ответственность за нарушение интеллектуальных прав, поскольку, ст. 7.28 и ч. 2 ст. 14.33, которые зачастую относят к составам административных правонарушений, устанавливающих ответственность за нарушение интеллектуальных прав, имеют иной объект. Следовательно, административное законодательство не устанавливает ответственности за нарушение интеллектуальных прав на такие результаты интеллектуальной деятельности как: топологии интегральных микросхем, селекционные достижения, фирменные наименования, секреты производства (ноу-хау). Например, единственным упоминанием о селекционных достижениях является статья 10.14 КоАП РФ — «Нарушение порядка ввоза на территорию Российской Федерации семян сельскохозяйственных растений».

Конечно же, данный состав не защищает в полной мере интеллектуальные права правообладателей и имеет иные общественные отношения в качестве объекта. В рамках развития сельскохозяйственных отношений, развития сельскохозяйственного сектора российской экономики, а также, неоднозначного отношения общества к генномодифицированным организмам крайне важно всецело обеспечить защиту новых пород животных и культур растений, обладающих необходимыми для развития сельского хозяйства свойствами, в том числе путем установления административной ответственности за нару-

шение исключительных прав на селекционные достижения. Видится необходимым дополнение ст. 7.12 КоАП РФ частью 4, устанавливающей административную ответственность за нарушение исключительных прав на селекционные достижения.

Таким образом, в данной статье были кратко обозначены основные проблемы административно-правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности. При этом, стоит отметить, что компетенции по привлечению к административной ответственности, если сравнивать с другими ви-

дами ответственности, характерны не только для судов, но и для органов исполнительной власти РФ. Опираясь на статистические данные, можно отметить активность указанных органов в борьбе с правонарушениями в сфере интеллектуальной собственности. При этом, основная проблема заключается в несовершенстве действующего законодательства и его пробелах, которые в значительной степени мешают в полной мере реализовывать органам свои функции по обеспечению охраны и защиты прав интеллектуальной собственности.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 19.12.2022 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.12.2022).
2. Отчет об осуществлении контрольно-надзорных функций // URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/activities/rid/audit/otchet-rntd> (дата обращения: 29.12.2022).
3. Результаты защиты прав на объекты интеллектуальной собственности // URL: <https://customs.gov.ru/uchastnikam-ved/zashhita-prav-intellektual-noj-sobstvennosti/rezul-taty-zashhity-prav-na-ob-ekty-intellektual-noj-sobstvennosti> (дата обращения: 29.12.2022).
4. Статистика судебной практики по защите интеллектуальной собственности // URL: <https://nris.ru/blog/statistika-sudebnoy-praktiki-po-zashite-intellektualnoj-sobstvennosti/> (дата обращения: 25.12.2022).

Состояние законности, классификация нарушений законов о противодействии экстремизму. Типичные нарушения, выявляемые прокурорами

Беляев Александр Олегович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Ключевые слова: экстремизм, прокуратура.

Значимым направлением работы прокуратуры является защита интересов государства от различного рода влияния экстремизма. В настоящее время данная функция органов прокуратуры как никогда актуальна, так как каждый день ведутся информационные атаки в сторону нашего государства с целью дестабилизации внутренней обстановки.

Хочется отметить, что число преступлений экстремистской направленности в РФ за девять месяцев 2022 года по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года выросло более чем на 30% [7].

Генеральный прокурор РФ И.В. Краснов выступил с докладом в Совете Федерации, где пояснил, что общее количество преступлений экстремистского характера, по сравнению с 2021 годом возросло, однако, работа в данном направлении не прекращается «ни на минуту».

Генеральной прокуратурой за год признаны нежелательными ещё 18 иностранных и международных неправительственных организаций, открыто демонстрирующих свои антироссийские позиции, стремящиеся оказать влияние на общественно-политическую ситуацию в стране, дестабилизировать обстановку.

Так, согласно официальной статистике за период январь — ноябрь 2021 года, органами прокуратуры выявлено 243 865

нарушений законов о федеральной безопасности, международных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму, что на 11,4% больше, чем за период 2020 года.

В целях устранения выявленных нарушений в 2021 году принесено 9321 протестов (на 3,5% меньше, чем в 2020 г.); в суд направлено 29 121 исков и заявлений (на 23,9% больше, чем в 2020 г.); внесено 79 754 представлений (на 6,8% больше, чем в 2020 г.), по результатам рассмотрения которых 67 190 лиц привлечены к дисциплинарной ответственности (на 7,3% больше, чем в 2020 г.); направлено 48 материалов в правоохранительные органы для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ (на 20,0% меньше, чем в 2020 г.), в результате рассмотрения которых возбуждено 44 уголовных дел (на 15,8% меньше, чем в 2020 г.) [5].

Сейчас приведем анализ преступности в сфере экстремизма и терроризма на основании информации, опубликованной на официальном портале правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ [6].

Так, анализ показывает, что за 2022 год количество преступлений террористической направленности осталось на прежнем уровне (в 2022 году — 2036), а вот количество экстремистских преступлений, наоборот — продолжило расти: на 34,78% (в 2022 году — 1407).

В прошлом году в России зарегистрировано 2136 преступления террористического характера и 1057 — экстремистской направленности.

За последние пять лет количество преступлений экстремистской направленности изменяло темп роста, но на момент окончания 2022 года пришло к цифрам, что были в 2018 году (экстремистской направленности — с 1265 в 2018 году до 585 в 2019 году и до 1407 в 2022 году).

Больше всего преступлений экстремистской направленности в 2022 году выявлено — в Республике Дагестан, г. Москве, Свердловской области, Московской области и Краснодарском крае.

Даже, учитывая объективные причины роста, например, появление новых статей в Уголовном кодексе РФ (ст. 280.1 — в 2013 году, ст. 282.3 — в 2014 году, ст. 205.4 — в 2013 году и др.), ситуация остается напряженной, что требует дополнительных усилий правоохранительных органов, в том числе прокуратуры [2].

Кроме того, приведем результаты опроса, проведенного на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2021 году. Считаю необходимым обозначить позицию населения как объективную оценку состояния законности в регионе в данной сфере.

При проведении массового анкетного опроса замер оценки удовлетворенности населения осуществлялся по ответам на вопрос: «Удовлетворены ли Вы деятельностью органов власти и институтов гражданского общества в деле урегулирования межнациональных и межконфессиональных отношений?»

Чуть менее трети (30,0%) населения Югры удовлетворено деятельностью органов местного самоуправления на местах. Только 19,6% населения удовлетворены деятельностью правоохранительных органов. В наибольшей степени население Югры не удовлетворено деятельностью политических партий.

Положительно оценивалась роль национально-культурных организаций «диаспор»: подавляющее число опрошенных утверждает, что авторитетные в среде своих земляков люди способны в случае конфликтных ситуаций образовать тех, кто стал участником какого-либо конфликта и предотвратить его развитие.

Также проанализировано доверие населения к мерам, принимаемым государственными органами власти по обеспечению безопасности населения.

В списке муниципальных образований лидирует Нягань — 62,0% населения полностью доверяют органам власти. Иная ситуация в Нижневартовском районе (4,3%), Октябрьском районе (16,9%) и в Сургуте (18,8%), где доверие невелико.

Проанализировав общедоступную информацию, опубликованную на официальных сайтах Генеральной прокуратуры РФ и нижестоящих прокуратур в период 2020–2022 гг., можно сделать следующие выводы и обозначить типичные нарушения в данной сфере.

Во всех регионах в органах местного самоуправления отмечены случаи ненадлежащего исполнения возложенных законом обязанностей, несоответствия местных программ по профилактике экстремизма.

Местными администрациями допускаются случаи непроведения всего комплекса мероприятий, предусмотренных законо-

дательством РФ, а также стратегическими нормативно-правовыми актами.

В органах внутренних дел продолжают выявляться факты непринятия мер по профилактике правонарушений в сети «Интернет», среди молодежи, мигрантов, в изоляторах временного содержания.

Органами и учреждениями УФСИН России до настоящего времени надлежащим образом не организована работа по противодействию экстремизму. Непринятие мер по контролю за поступающей к спонсорскому контингенту литературой, неорганизация необходимых проверок в рамках КоАП РФ, непроведение с осужденными профилактических мероприятий носит системный характер. Подобные нарушения выявляются органами прокуратуры ежегодно.

Существенной проблемой остается распространение радикальной идеологии, особенно через информационно-коммуникационные сети.

Так, согласно п. 1.2 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 19.11.2009 № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности», Генеральный прокурор РФ обязывает всех нижестоящих прокуроров уделять особое внимание пресечению нарушений, связанных с использованием сети «Интернет», организовывать мониторинг средств массовой информации, сетей связи общего пользования, в целях недопущения их использования для осуществления экстремистской деятельности, а также — установить постоянное взаимодействие с территориальными подразделениями Роскомнадзора [4].

При выявлении информационных материалов экстремистского характера прокурорам предписано указанным приказом обеспечивать проведение соответствующих исследований и судебных экспертиз и при наличии положительных экспертных заключений своевременно решать вопрос о направлении в суды заявлений об установлении наличия в информационных материалах признаков экстремизма и признании их экстремистскими.

Так, существует 2 способа ограничения доступа к экстремистским материалам, выявленным прокуратурой: судебный и внесудебный.

В связи с наделением Генеральной прокуратуры РФ в 2014 году полномочиями по направлению в Роскомнадзор требований о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам экстремистского характера, в прокуратуры всех уровней поступают многочисленные интернет-обращения граждан об удалении из сети Интернет экстремистских материалов.

Так, например, в Роскомнадзор направлено 115 требований об ограничении доступа к интернет-ресурсам экстремистского и террористического характера. Заблокирован доступ к 9,5 тысячам сайтов, с 54 тысяч противоправная информация удалена.

Принятыми мерами заблокированы сайты таких террористических организаций, как: «Исламское государство», «Кавказ-центр», а также сайты, имеющие отношение к распространению ложной информации касательно вооруженных сил РФ.

Посредством данных сайтов распространялись идеи радикального ислама, призывы к террористическим актам, экстремизму и свержению власти [8].

Кроме того, в последнее время наблюдается активизация внутренних структур страны, так как из-за неблагоприятной обстановки на мировой арене имеет место пропаганда экстремистской идеологии через сети «Интернет», которая в большей степени влияет на молодежь в России, что может привести к волнениям и митингам. Учитывая изложенное, органами прокуратуры организована работа по выявлению и пресечению распространения в сети «Интернет» призывов к участию в таких мероприятиях.

Однако, на данный момент, существует такая проблема, как отсутствие у государственных органов достаточных правовых оснований для того, чтобы противодействовать экстремистской деятельности в сети «Интернет» и своевременно

предотвращать использование виртуального пространства для экстремистских целей. В данном случае, справедливо считать, что во многом данная проблема обусловлена непосредственно экстерриториальным характером сети «Интернет» [1].

Исходя из вышесказанного, функцией прокуратуры становится организация правового мониторинга опасностей и угроз национальным интересам РФ, составной частью которого должны быть все реально существующие виды политического, национального и религиозного экстремизма. Результаты систематического мониторинга следует применять в целях согласования и взаимодействия субъектов противодействия экстремизму и терроризму, а также при разработке предложений по улучшению системы мер обеспечения законности в области противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности.

Литература:

1. Нечевин, Д. К. Противодействие экстремизму в глобальной сети «Интернет» / Д. К. Нечевин, В. В. Баранов.— Текст: непосредственный // Административное право и процесс. — 2022.— № 2.— С. 24–25.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 24 мая 1996 г.: по состоянию на 01.01.2023.— Текст: электронный //: [Консультант Плюс] (дата обращения 01.01.2023 г.).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: от 20 декабря 2001 г.: по состоянию на 01.01.2023.— Текст: электронный //: [Консультант Плюс] (дата обращения 01.01.2023 г.).
4. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 19.11.2009 № 362.— Текст: электронный //: [консультант плюс] // (дата обращения 27.12.2022 г.)
5. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращения: 06.01.2023 г.).
6. Официальный портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 27.12.2022 г.).
7. Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/> (дата обращения 24.12.2022 г.).
8. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций URL: <https://eais.rkn.gov.ru> (дата обращения: 07.01.2023 г.).

К вопросу о правовом положении сторон публичного договора

Бикбулатова Азалия Альфридовна, студент магистратуры;
 Балякина Елена Борисовна, кандидат юридических наук, доцент
 Уфимский университет науки и технологий

В данной статье рассматриваются проблемные аспекты определения сторон публичного договора. Традиционный подход к такому постулату, что обязанной стороной публичного договора может быть только коммерческая организация, является устаревшим, о чем и будет более подробно рассмотрено в настоящей статье. Кроме того, принято считать, что публичный договор защищает слабую сторону договора — потребителя, в качестве которого выступает физическое лицо, что также является спорным.

Ключевые слова: договор, публичный договор, потребитель, коммерческая организация, предприниматель, слабая сторона договора, обязанная сторона.

Закрепленная в статье 426 ГК РФ конструкция публичного договора возлагает на организацию, деятельность которой направлена извлечение прибыли или дохода, на заключение договора с любым, кто к ней обратиться. В доктрине гражданского права сложилось мнение, что в качестве обязанной сто-

роны выступает только коммерческая организация, что, по нашему мнению, не является верным [1].

В первую очередь, нужно отметить, что ранее положения статьи 426 ГК РФ учитывали только коммерческие организации. Однако, в последующем в данную статью были внесения

изменения, в которых предусмотрены были лица, осуществляющие деятельность, направленную на извлечение дохода или прибыли, что говорит о том, что публичный договор могут заключать не только коммерческие организации, но и некоммерческие. Гражданское законодательство лишь отмечает, что полученный доход в данном случае направляется на нужды такой организации, связанные с достижением цели, ради которой такая организация создавалась [2, с. 58].

Помимо организаций деятельность, направленную на извлечение прибыли, могут осуществлять и физические лица, зарегистрированные в установленном законом порядке в качестве индивидуальных предпринимателей, либо применяющие систему налогообложения «налог на профессиональный доход» — самозанятые [3].

Общим признаком перечисленных субъектов является деятельность, которую они осуществляют. Такая деятельность направлена на извлечение прибыли или дохода, но имеет систематический характер. Помимо этого, деятельность должна носить публичный характер, то есть без идентификации предполагаемого контрагента (потребителя).

Относительно потребителя, или уполномоченной стороны публичного договора также сложилось мнение, что это может быть исключительно физическое лицо, что также на наш взгляд является неверным. Данное суждение складывается из узкого взгляда на понятие потребителя, которое содержится в Законе РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» [4], где под потребителем понимается лицо, приобретающее товары, работы, услуги для личного пользования, не связанное с осуществлением деятельности, а также из цели разработки рассматриваемой договорной — целях защиты слабой стороны договора [5, с. 171]. Аналогичная позиция нашла отражение и в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2002 года № 115-О [6].

Однако понятие слабой стороны договора в законодательстве и в доктрине гражданского права отсутствует. Незащищен-

ность стороны может заключаться и в том, что у нее отсутствует возможность выбора иного контрагента при данных обстоятельствах. Аналогичная ситуация и в отношении понятия потребителя. М.Н. Илюшина отмечает также отсутствие легального понятия потребителя как стороны публичного договора, охватывающего всех участников гражданского оборота [7, с. 20]. Как указывают Е.Ю. Руденко и В.С. Григорян, «потребитель — это тот, кто в конечном итоге приобретает и потребляет созданные материальные блага» [8, с. 3]. Согласно п. 23 ст. 2 Федерального закона «О защите конкуренции» под потребителем понимается не только физическое, но и юридическое лицо [9]. И хотя Гражданский кодекс РФ предполагает, что все имущество, приобретаемое юридическим лицом, предназначено для осуществления им предпринимательской деятельности, для нормального функционирования и работоспособности трудового коллектива организации необходимо также приобретать и товары для внутреннего пользования, не связанного с коммерческой деятельностью. Такими товарами могут быть средства бытовой химии, вода, питание сотрудников и т.д., но приобретение брендовой продукции уже будет считаться инструментом маркетинга, связанным с осуществлением предпринимательской деятельности.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в качестве обязанной стороны в публичном договоре может быть не только коммерческая организация, но также и некоммерческая, а также физические лица, осуществляющие деятельность, направленную на извлечение дохода, и зарегистрированные в установленном законом порядке. Ключевым признаком публичного договора, отличающим его от иных договорных конструкций, является не положение обязанной стороны, а именно деятельность, которую данное лицо осуществляет.

Уполномоченной стороной публичного договора является потребитель — субъект гражданского права, в том числе юридическое лицо любой организационно-правовой формы, которое нуждается в тех материалах благах, которые реализует обязанная сторона публичного договора.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.01.2023).
2. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б. М. Гонгалов. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Статут, 2017.
3. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.01.2023).
4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» (ред. от 05.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.01.2023).
5. Лыкова, Д. Е. Публичный договор / Д. Е. Лыкова // Актуальные проблемы современной экономики: Материалы VI международной научно-практической конференции: в 2 частях, Омск, 28–29 марта 2018 года / Омский государственный университет путей сообщения. — Омск: Омский государственный университет путей сообщения, 2018. — С. 170–174. — EDN ECNCYL.
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2002 года № 115-О [Электронный ресурс]. Доступ СПС «Гарант».
7. Илюшина М. Н. Институт публичного договора в гражданском законодательстве: современное состояние // Юстиция. 2016. № 1.
8. Руденко Е. Ю., Григорян В. С. Юридическое лицо как потребитель по договору розничной купли-продажи // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 111.

9. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 29.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.01.2023).

Проблемы оказания бесплатной юридической помощи государственными юридическими бюро: опыт Тамбовской области

Бирюкова Анастасия Николаевна, студент
Тамбовский государственный технический университет

Статьей 48 Конституции Российской Федерации каждому гражданину страны гарантировано право на получение квалифицированной юридической помощи, а в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно [1].

В соответствии со статьей 17 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» в целях обеспечения функционирования государственной системы бесплатной юридической помощи, а также оказания бесплатной юридической помощи населению в соответствии с законами субъектов Российской Федерации могут создаваться государственные юридические бюро [2].

Законом Тамбовской области от 02.10.2012 № 188-З «Об организации оказания бесплатной юридической помощи отдельным категориям граждан в Тамбовской области» создано Тамбовское областное государственное казенное учреждение «Государственное юридическое бюро Тамбовской области» (далее — ТОГКУ Госюрбюро) которое является единственным государственным провайдером бесплатной юридической помощи на территории Тамбовской области.

На сегодняшний момент ТОГКУ Госюрбюро оказывает весь спектр юридических услуг населению в бесплатной форме.

Вместе с тем, стоит отметить, что оказание бесплатной юридической помощи ТОГКУ Госюрбюро, как и в других субъектах Российской Федерации, не лишено ряда проблем, которые зачастую встают на пути ее качественного оказания. Многие проблемы до сегодняшнего момента остаются нерешенными.

Среди них, в первую очередь, стоит отметить недостаточную штатную численность государственных юридических бюро. Так, на сегодняшний момент штатная численность ТОГКУ Госюрбюро составляет 21 единицу. Вместе с тем, ежегодно увеличивается рост количества обращений граждан, которым оказывается бесплатная юридическая помощь. В первом полугодии 2022 года ТОГКУ Госюрбюро была оказана бесплатная юридическая помощь 6491 гражданину [3].

Таким образом, можно сделать однозначный вывод о том, что одной из главных проблем на современном этапе в деятельности государственных юридических бюро является численная недостаточность сотрудников. Такое количество работников физически не в состоянии оказать высококвалифицированную юридическую помощь всем нуждающимся в ней.

Второй, не менее важной проблемой деятельности государственных юридических бюро является недостаточное информирование граждан как о существовании системы бесплатной юри-

дической помощи, так и о возможности ее получения. На данном направлении ТОГКУ Госюрбюро проводит активную работу.

С целью повышения качества бесплатной юридической помощи ТОГКУ Госюрбюро ежегодно публикует сведения об оказании бесплатной юридической помощи на интернет-порталах электронной версии газеты «Тамбовская жизнь», «Городской портал Тамбова», «Без формата», ТВ «Новый век», а также в электронной версии газет органов местного самоуправления области. Информация о деятельности ТОГКУ Госюрбюро также распространяется посредством информационных буклетов и стендов, установленных в общественных местах [4].

Одним из принципов оказания бесплатной юридической помощи является ее доступность. Обеспечить доступность бесплатной юридической помощи для граждан возможно при нахождении пунктов приемов в местах доступных для граждан.

В Тамбовской области широко используется расположение пунктов приемов в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг, тогда как в других субъектах Российской Федерации сотрудники государственных юридических бюро и адвокаты, оказывающие бесплатную юридическую помощь, не располагаются в зданиях многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, поскольку законодательно предусмотрено размещение в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг государственных и муниципальных органов (учреждений), оказывающих государственные и муниципальные услуги.

Оказание бесплатной юридической помощи не является государственной услугой, поэтому существует риск «выбытия» стационарных пунктов оказания бесплатной юридической помощи из многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг, что может негативно сказаться на ее доступности для граждан.

Таким образом, государственные юридические бюро в своей деятельности сталкиваются с рядом проблем, среди которых особо остро стоят вопросы недостаточной штатной численности, квалификации юристов, проблема финансирования, недостаточного информирования населения о возможности получения бесплатной юридической помощи и так далее.

Вместе с тем, тенденция по увеличению количества обращений граждан, которые ежегодно обращаются за получением бесплатной юридической помощи, говорит о том, что государственные юридические бюро занимают центральное место в государственной системе бесплатной юридической помощи.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ.— 2014.— № 31.— Ст. 4398.
2. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства РФ.— 2011.— № 48.— Ст. 6725.
3. Официальный сайт Тамбовского областного государственного казенного учреждения «Государственное юридическое бюро Тамбовской области». [Электронный ресурс]: URL <https://gub.tmbreg.ru> (дата обращения: 26.12.2022).
4. Об итогах деятельности Тамбовского областного казенного учреждения «Государственное юридическое бюро Тамбовской области» за 2021 год. [Электронный ресурс]: URL <https://gub.tmbreg.ru> (дата обращения: 26.12.2022)

Роль юридических клиник в оказании бесплатной юридической помощи

Бирюкова Анастасия Николаевна, студент
Тамбовский государственный технический университет

На современном этапе развития общества значение правовой информации неуклонно возрастает. Правовые знания, в значительной мере, определяют качество жизни людей, возможность защиты собственных интересов. Вместе с тем, как справедливо отмечает Э.И. Атагимова, «одной из проблем современного состояния российского общества выступает неспособность большинства людей ориентироваться в гиперинформированном потоке правовой информации», а также «ввиду отсутствия специальных юридических знаний, в полной мере правильно воспринимать полученную правовую информацию и надлежащим образом защитить свои права» [1].

Учитывая это, оказание квалифицированной юридической помощи становится все более востребованным с каждым годом.

Вместе с тем, не все слои населения способны оплатить услуги квалифицированного юриста, что делает данные слои более уязвимыми.

В целях защиты прав и свобод человека и гражданина, а также реализации государственной гарантии на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой бесплатно, был принят Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», в соответствии с которым предоставлению бесплатной юридической помощи населению осуществляется в рамках государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи.

В соответствии со статьей 22 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» «участниками негосударственной системы бесплатной юридической помощи являются юридические клиники (студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро и другие) и негосударственные центры бесплатной юридической помощи» [2].

Специфика деятельности юридических клиник заключается в том, что юридические услуги оказывают непосредственно студенты под контролем преподавателей (кураторов).

Юридические клиники могут оказывать бесплатную юридическую помощь в виде правового консультирования в устной

и письменной форме, составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера [2].

Юридические клиники занимают важное место в системе бесплатной юридической помощи. Во-первых, это связано с тем, что они оказывают юридические услуги бесплатно, что способствует повышению правовой грамотности населения, уменьшению социальной напряженности. Юридические клиники нацелены на удовлетворение потребности общества в получении определенными категориями лиц бесплатной юридической помощи. Как правило, каждая клиника самостоятельно определяет перечень лиц, которым оказывается помощь: лица пенсионного возраста; получатели пособий по уходу за малолетним ребенком, в связи с частичной утратой трудоспособности из-за несчастного случая на производстве, пособий по безработице и т.д.; студентов; лиц, утративших занятость и не получающих пособий и др. [3]

Во-вторых, оказание помощи гражданам помогает студентам формировать практические навыки, что становится одной из составляющих успешного закрепления полученных теоретических знаний и важным этапом на пути формирования профессионального юриста. Фактически, работа в юридической клинике становится частью профессиональной подготовки студентов.

Роль юридических клиник в оказании бесплатной юридической помощи несомненно велика, об этом говорит тенденция по увеличению их количества в субъектах Российской Федерации.

Так, на территории Тамбовской области по состоянию на конец 2022 года зарегистрировано 13 субъектов. Из них 3 — юридические клиники, созданные при образовательных организациях: юридическая клиника «Правовед-РосНОУ» Тамбовского филиала АО ВО «РосНОУ»; Студенческая правовая консультация «Юридическая клиника» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»; ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет» (юридическая клиника «Студенческая правовая приемная» [4].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать однозначный вывод о важном значении юридических клиник в оказании бесплатной юридической помощи, о чем свидетельствует увеличение их количества. Выполнение всех стоящих перед кли-

никой задач требует комплексной работы, того, чтобы юридическая клиника выступала, в том числе, и в качестве площадки для диалога между обществом и органами государственной власти.

Литература:

1. Атагимова Э.И. Роль юридических клиник в системе оказания бесплатной юридической помощи Российской Федерации: история и современность // Мониторинг правоприменения. — 2021. — 3(40). — С. 11–18.
2. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6725.
3. Бахтина Л.Н. Роль юридических клиник в реализации права человека на юридическую помощь. [Электронный ресурс]: URL: http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/83044/1/Bakhtina_L.N._213_214.pdf (дата обращения: 12.01.2023).
4. Участники негосударственной системы бесплатной юридической помощи. [Электронный ресурс]. Официальный сайт Тамбовского областного государственного казенного учреждения «Государственное юридическое бюро Тамбовской области». URL: <https://gub.tmbreg.ru/uchastniki-negosudarstvennoj-sistemy-besplatnoj-yuridicheskoy-pomoshhi-v-tambovskoj-oblasti.html> (дата обращения: 12.01.2023).

Возбуждение дел об административных правонарушениях судебными приставами-исполнителями

Бобова Юлия Александровна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Статья посвящена актуальным проблемам судебного пристава-исполнителя при возбуждении дел об административных правонарушениях по составам административных правонарушений подведомственным органам принудительного исполнения.

Ключевые слова: административное дело, исполнительное производство, исполнительные действия, судебный пристав-исполнитель, участники исполнительного производства.

Федеральная служба судебных приставов является одним из активно модернизирующихся и современных органов исполнительной власти. Ранее должностными лицами службы судебных приставов было возможно прохождение только федеральной государственной гражданской службы, но полномочия, которые на них возложены, свойственны правоохранительным органам. Такие как обеспечение установленного порядка деятельности судов; осуществление привода лиц, уклоняющихся от явки по вызову суда; розыск должника, его имущества или розыск ребенка; предупреждение и пресечение преступлений и правонарушений; обеспечение принудительного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства.

19 сентября 2019 г. Государственной Думой принят Федеральный закон от 01.10.2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Потому законом предусматривается отнесение службы в Федеральной службе судебных приставов к государственной службе нового вида — государственная служба в органах принудительного исполнения с возможностью присвоения специальных званий.

Одним из направлений деятельности должностных лиц ФССП России относится рассмотрение вопросов о привлечении лиц к административной ответственности, совершивших

административное правонарушение, относящееся к подведомственности органов принудительного исполнения.

В соответствии с частью 1 статьи 1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях состоит из норм КоАП РФ и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Должностные лица ФССП России при реализации полномочий административной юрисдикции действуют на основании норм КоАП РФ с учётом особенностей, установленных Федеральным законом «Об исполнительном производстве». Наделение должностных лиц Федеральной службы судебных приставов законами субъектов Российской Федерации полномочиями административной юрисдикции не соответствует статусу ФССП России как федерального органа исполнительной власти и не соответствует положениям нормативных правовых актов Российской Федерации, регламентирующих деятельность федеральных государственных служащих.

Кроме положений КоАП РФ в своей деятельности судебным приставам необходимо руководствоваться положениями главы 25 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, которой установлен порядок направления на рассмо-

трение судьям арбитражных судов подведомственных им дел об административных правонарушениях, возбужденных судебными приставами, а также положениями главы 15 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», в которой предусмотрен порядок привлечения к административной ответственности лиц, виновных в нарушении законодательства об исполнительном производстве.

В соответствии с пунктом 77 части 2 статьи 28.3 КоАП РФ судебные приставы составляют протоколы (возбуждают дела) об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 13.26, 17.3–17.6, 17.8, 17.9, частями 2 и 2.1 статьи 17.14, частью 1 статьи 19.4, частью 1 статьи 19.5, статьями 19.6, 19.7 КоАП РФ.

Кроме того, в соответствии с частью 3 статьи 28.3 КоАП РФ должностные лица ФССП России наделены полномочиями возбуждать дела об административных правонарушениях по статьям 17.7, 17.9 и части 1 статьи 20.25 КоАП РФ.

Перечень должностных лиц Федеральной службы судебных приставов, уполномоченных составлять протоколы по делам об административных правонарушениях, утвержден приказом Минюста России от 06.04.2005 № 33.

Статьей 23.68 КоАП РФ судебные приставы-исполнители уполномочены рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных частями 1 и 3 статьи 17.14, частями 1 и 2 статьи 17.15 КоАП РФ, старшие судебные приставы рассматривают дела об административных правонарушениях по статье 13.26 КоАП РФ [4].

Основными видами деятельности органов принудительного исполнения является осуществление функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов, исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности.

В ходе непосредственного наблюдения за поведением граждан, должностных лиц в зданиях суда, а также в ходе совершения исполнительных действий направленных на исполнение требований исполнительных документов, за поведением участников исполнительного производства сотрудники органов принудительного исполнения обнаруживают «достаточные данные, указывающие на наличие события административного правонарушения».

Такими достаточными данными могут быть разнообразные деяния, образующие объективную сторону административного правонарушения, например, невыполнение законных требований судебного пристава-исполнителя, предоставление недостоверных сведений о своих правах на имущество, несообщении об увольнении с работы, о новом месте работы, учебы, месте получения пенсии, иных доходов или месте жительства (ч. 1 ст. 17.14 КоАП РФ); неисполнении должником содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера в срок, установленный судебным приставом-исполнителем после вынесения постановления о взыскании исполнительского сбора (ч. 1 ст. 17.15 КоАП РФ); нарушение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних прав и интересов несовершеннолетних выразившееся в лишении их права на общение с роди-

телями или близкими родственниками, если такое общение не противоречит интересам детей, в том числе судебного решения об определении их места жительства, в неисполнении судебного решения о порядке осуществления родительских прав на период до вступления в законную силу судебного решения либо в ином воспрепятствовании осуществлению родителями прав на воспитание и образование детей и на защиту их прав и интересов (ч. 2 ст. 5.35 КоАП РФ) и др.

Иногда явные поводы к активизации юрисдикционной деятельности отсутствуют, но у должностного лица могут возникнуть подозрения, которые нельзя рассматривать как правовую категорию. В то же время, часто именно подозрения, интуиция позволяет выделить правонарушителя. Тем более, что такие подозрения, как правило, основываются на опыте и на знаниях особенностей поведения участников исполнительного производства, недобросовестно исполняющих требования исполнительных документов.

Также неестественно ведет себя человек, совершивший правонарушение и пытающийся скрыть это. В таких случаях непосредственного обнаружения достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, недостаточно. Необходим целый набор, комплекс данных и определенная последовательность действий правоприменителя. Основываясь на возникших подозрениях, судебный пристав-исполнитель вызывает на прием участника исполнительного производства, проводит беседу, отбирает объяснение. Если обнаруживаются достаточные основания полагать, что лицом совершено правонарушение (не предоставлены сведения, запрашиваемые судебным приставом-исполнителем по требованию, не исполнены в установленный срок требования неимущественного характера, содержащиеся в исполнительном документе), возбуждается дело об административном правонарушении, предусмотренное ч. 1 ст. 17.14 КоАП РФ, ч. 1 ст. 17.15 КоАП РФ. Однако на этом стадия возбуждения дела не заканчивается, поскольку процессуальным актом, оформляющим возбуждение дела об административном правонарушении, является протокол об административном правонарушении. Стадия возбуждения дела будет завершена лишь после того, как судебным приставом-исполнителем будет составлен и подписан сторонами, участвующими в деле об административном правонарушении.

Значительную долю в общей массе выявляемых органами принудительного исполнения административных правонарушений занимают правонарушения связанные с уклонением должников от исполнения административных наказаний (согласно аналитической информации в 2020 г УФССП России по Республике Хакасия процент выявляемости административных правонарушений, предусмотренных частью 1 ст. 20.25 КоАП РФ (по неуплаченным административным штрафам, назначенным судом) за отчетный период составил 11,6% от общего количества возбужденных исполнительных производств по административным штрафам, наложенным судами и должностными лицами Управления. Рассмотрено судом 678 дел об административных правонарушениях. По результатам рассмотрения 78 правонарушителей подвергнуты административному аресту, 1 — вынесено предупреждение,

378 — привлечены к административному штрафу в двойном размере, 210 — вынесены обязательные работы, 8 — объявлено устное замечание, 101 дело находится на рассмотрении в суде.).

Согласно Письму ФССП России от 27.02.2019 № 00045/19/64400-ВВ «Обзор практики применения должностными лицами территориальных органов ФССП России полномочий административной юрисдикции за 12 месяцев 2018 года» [5]:

По итогам работы за 12 месяцев 2018 года в большинстве территориальных органов ФССП России отмечена стабильная положительная динамика по выявлению административных правонарушений, подведомственных ФССП России.

Согласно данным ведомственной статистической отчетности должностными лицами территориальных органов ФССП России возбуждено 587 328 дел об административных правонарушениях, что на 6,3%, или 34 727 дел больше, чем в аналогичном периоде прошлого года (552 601 дело).

Наиболее существенный рост выявленных административных правонарушений отмечен в управлениях ФССП России по Севастополю, Республике Крым, Новгородской и Брянской областям, Республике Коми, Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике.

Значительно снизилось количество выявленных административных правонарушений в управлениях ФССП России по Республике Северная Осетия — Алания, Самарской области, Ставропольскому краю, Курской (на 10,8%), Калининградской, Астраханской и Волгоградской областям.

В суд направлено 330 130 дел об административных правонарушениях? из которых рассмотрено 325 733 дела. По результатам рассмотрения судьями назначено 317 328 административных наказаний. Из них: в виде административного ареста — по 36 403 делам; обязательных работ — по 142 498 делам; административного штрафа — по 137 236 делам (на общую сумму более 1,3 млрд руб.), предупреждения — по 1 191 делу.

Должностными лицами ФССП России рассмотрено 256 472 дела об административных правонарушениях, из них с назначением наказания в виде штрафа рассмотрено 250 603 дела, на общую сумму более 2,3 млрд рублей.

В ходе осуществления работы по административной практике сотрудники органов принудительного исполнения обязаны реагировать на нарушения сторонами исполнительного производства законодательства в сфере исполнительного производства. Реакция сотрудника облекается в определенную законом внешнюю форму. Федеральный закон «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» от 21.07.1997 № 118-ФЗ предусматривает следующие обязанности судебного пристава-исполнителя:

1. принимает меры по своевременному, полному и правильному исполнению исполнительных документов;
2. предоставляет сторонам исполнительного производства (далее — стороны) или их представителям возможность ознакомиться с материалами исполнительного производства, делать из них выписки, снимать с них копии;
3. рассматривает заявления сторон по поводу исполнительного производства и их ходатайства, выносит соответствующие постановления, разъясняя сроки и порядок их обжалования;

4. обязан взять самоотвод, если он заинтересован в ходе исполнительного производства либо имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнения в его беспристрастности;

5. получает и обрабатывает персональные данные при условии, что они необходимы для своевременного, полного и правильного исполнения исполнительных документов, в объеме, необходимом для этого;

6. объявляет розыск должника по исполнительному документу, его имущества или розыск ребенка по исполнительному документу, содержащему требование об отобрании или о передаче ребенка, порядке общения с ребенком, требование о возвращении незаконно перемещенного в Российскую Федерацию или удерживаемого в Российской Федерации ребенка или об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации, и осуществляет такой розыск в соответствии с законодательством Российской Федерации;

7. осуществляет межгосударственный розыск лиц в соответствии с международными договорами Российской Федерации и взаимодействие по вопросам межгосударственного розыска с компетентными органами иностранных государств в порядке, предусмотренном международными договорами Российской Федерации;

8. осуществляет на основании судебного акта по гражданскому делу розыск гражданина — ответчика и (или) ребенка в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере обеспечения установленного порядка деятельности судов и исполнения судебных актов и актов других органов;

9. осуществляет производство по делам об административных правонарушениях в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях;

10. при выявлении признаков преступления составляет сообщение об этом и направляет его начальнику органа дознания (старшему судебному приставу) для принятия решения в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством.

Теоретически любая форма применения мер принудительного исполнения в исполнительном производстве сотрудником органа принудительного исполнения на противоправное поведение должна оформляться соответствующим актом — протоколом, предусмотренным КоАП РФ: применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Составление протокола о применении меры обеспечения производства по делу — промежуточный этап, за которым также следует составление протокола об административном правонарушении.

В то же время, наблюдение сотрудником органа принудительного исполнения события административного правонарушения (т.е. получение информации о правонарушении) не всегда влечет возбуждение дела об административном правонарушении. Например, сотрудник территориального отделения ФССП России не реагирует на ставшие уже привычными нарушения, связанные с неисполнением родителями или иными за-

конными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних (ч. 2 ст. 5.35 КоАП РФ). Начало стадии возбуждения дела, безусловно, связано с наличием определенного фактического состава: события правонарушения и получения информации о нем сотрудником, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях. Однако для возбуждения производства по делу необходимо еще и мыслительное действие — принятие указанным сотрудником решения о возбуждении дела.

Административный процесс на стадии возбуждения дела об административном правонарушении протекает по-разному в зависимости от ряда обстоятельств. Рассмотрим возможные варианты.

Первый вариант имеет место, в случае, когда событие административного правонарушения непосредственно обнаружено лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях и рассматривать соответствующие дела; КоАП РФ (или закон субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях) предусматривает за такое правонарушение наказание в виде предупреждения или административного штрафа в размере от двух до трех тысяч рублей; правонарушитель не оспаривает события правонарушения и назначенное ему наказание и не отказывается от уплаты административного штрафа на месте совершения административного правонарушения, стадия возбуждения дела об административном правонарушении заканчивается одновременно с вынесением окончательного решения по делу (в форме постановления-квитанции или предупреждения).

Второй сценарий разворачивается в случаях, когда осуществляется производство по делу об административном правонарушении, за которое КоАП РФ или закон субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривают наказание в виде административного штрафа; протокол составлен сотрудником органа принудительного исполнения, в компетенцию которого входит рассмотрение такого дела; имеются достаточные доказательства, удостоверяющие событие правонарушения и виновность лица, в отношении которого осуществляется производство по делу, стадия возбуждения дела заканчивается составлением протокола об административном правонарушении, после чего немедленно может быть вынесено постановление по делу об административном правонарушении, копия которого вручается непосредственно правонарушителю.

По третьему сценарию стадия возбуждения дела разворачивается, в случаях, когда осуществляется производство по делу об административном правонарушении, за которое КоАП РФ или закон субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривают наказание в виде административного штрафа или иного наказания; протокол составлен сотрудником органа принудительного исполнения, в компетенцию которого не входит рассмотрение такого дела; имеются достаточные доказательства, удостоверяющие событие правонарушения и виновность лица, в отношении которого осуществляется производство по делу, стадия возбуждения дела заканчивается составлением протокола об административном правонарушении, копия которого вручается лицу, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном

правонарушении. Указанному лицу сообщается о месте и времени рассмотрения дела об административном правонарушении.

Четвертый вариант имеет место в случаях, когда имеются лишь достаточные основания полагать, что событие правонарушения имеет место, но необходимы указанные в законе доказательства (например, заявление взыскателя о совершенном должником административном правонарушении), стадия возбуждения дела составлением протокола о применении мер обеспечения производства по делу не заканчивается. Момент окончания данной стадии наступает в момент составления протокола об административном правонарушении после получения сотрудником органа принудительного исполнения, уполномоченным составлять протоколы, соответствующих необходимых доказательств по делу. В соответствии с ч. 2 ст. 28.5 КоАП РФ в рассматриваемом случае протокол об административном правонарушении может быть составлен в течение двух суток с момента выявления административного правонарушения. Однако, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» нарушение указанного срока не препятствует рассмотрению дела, поскольку сроки, установленные ст. 28.5 и 28.8 КоАП РФ не являются пресекательными.

Проведенный нами анализ норм главы 28 КоАП РФ позволил выявить пробельность закона в части регламентации действий должностного лица, уполномоченного составлять протоколы об административных правонарушениях, в указанном случае, заключающуюся в следующем. Закон требует, чтобы протокол был подписан лицом, в отношении которого осуществляется производство по делу (его законным представителем), указанному лицу должна быть предоставлена возможность ознакомиться с протоколом, представить объяснения и замечания по содержанию протокола, после чего копия протокола под расписку вручается указанному лицу (представителю) и потерпевшему. В то же время, если закон не предусматривает административного наказания в виде административного ареста или административного выдворения, лицо, в отношении которого ведется производство по делу (представитель), не может быть подвергнуто административному задержанию на двое суток. Следовательно, необходимо обеспечить присутствие указанного лица путем надлежащего его уведомления, что в установленный законом срок невозможно. КоАП РФ допускает возможность составления протокола об административном правонарушении без подписи лица, в отношении которого ведется производство по делу, (его представителя) исключительно в случае, когда это лицо отказалось подписать протокол. Очевидно, отсутствие подписи указанного лица по причине невозможности обеспечить проставление подписи по причинам, не связанным с желанием или нежеланием данного лица, следует считать недостатком протокола. Рассмотрение дела об административном правонарушении и вынесение постановления по делу на основании такого протокола будет нарушением процессуальных прав лица, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении. Однако Пленум Верховного Суда РФ в По-

становлении от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» указал, что составление протокола в отсутствие указанного лица, что совпадает по последствиям с рассматриваемой ситуацией, не является существенным недостатком, поскольку может быть исправлено при рассмотрении дела по существу. Иными словами, при рассмотрении дела указанному лицу должно быть предложено ознакомиться с протоколом и подписать его.

В таких случаях копия протокола об административном правонарушении по возможности вручается лицу, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении. Указанное лицо должно быть надлежащим образом уведомлено о месте и времени рассмотрения дела об административном правонарушении. Стадия возбуждения дела об административном правонарушении в рассматриваемом случае оканчивается в момент завершения составления протокола о правонарушении, что возможно лишь после подписания его лицом, в отношении которого осуществляется производство по делу, или его представителем.

Таким образом, стадия возбуждения дела об административном правонарушении органами принудительного исполнения рассматривается нами как установленное законом обязательное реагирование сотрудника органов принудительного исполнения на противоправное поведение. Она начинается с момента принятия сотрудником органов принудительного исполнения (ФССП) мысленного решения о возбуждении дела и заканчивается составлением протокола об административном правонарушении.

Течение указанной стадии возможно по одному из вышеуказанных сценариев, по двум из которых момент окончания стадии возбуждения дела совпадает по времени с моментом окончания следующей стадии — рассмотрения дела.

Вторая стадия производства по делам об административных правонарушениях — рассмотрение дела об административном правонарушении — является главной в производстве по делам об административных правонарушениях. На этой стадии решаются наиболее важные вопросы: устанавливается состав административного правонарушения; выясняются обстоятельства, исключющие производство по делу; решается вопрос о достаточности, относимости и допустимости имеющихся доказательств; принимается решение о виновности лица, в отношении которого осуществляется производство по делу, выясняются обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность; устанавливается размер и характер ущерба, причиненного административным правонарушением; выясняются причины и условия совершения административного правонарушения; назначается административное наказание по правилам главы 4 КоАП РФ; выносится и объявляется постановление по делу.

Возникшее на стадии возбуждения дела об административном правонарушении охранительное административно-процессуальное правоотношение претерпевает изменения, связанные с изменением субъектного состава. Если невластный субъект данного правоотношения остается прежним, его статус и наименование не меняется, то властный субъект за-

стную меняются. Рассматривать дела об административных правонарушениях от имени органов принудительного исполнения (ФССП) вправе лишь отдельные категории должностных лиц, круг которых существенно уже круга лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, уполномоченных составлять протоколы об административных.

По общему правилу, сформулированному законодателем в ч. 1 ст. 22.2 КоАП РФ, дела об административных правонарушениях, от имени федеральных органов исполнительной власти, их учреждений, структурных подразделений и территориальных органов уполномочены рассматривать руководители федеральных органов исполнительной власти, их учреждений, их заместители; руководители структурных подразделений и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, их заместители и иные должностные лица, осуществляющие в соответствии с федеральными законами либо нормативными правовыми актами Президента РФ или Правительства РФ надзорные или контрольные функции.

Как было показано ранее, стадия рассмотрения дела об административном правонарушении состоит из двух последовательных этапов: этапа подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении и этапа рассмотрения дела, заканчивающегося вынесением постановления по делу.

Первый этап, как представляется, является в определенной мере факультативным и присутствует не во всех сценариях, рассмотренных нами в данном параграфе. Подготовка к рассмотрению дела должна обязательно иметь место лишь в случаях, когда дело рассматривается через некоторое время после составления протокола об административном правонарушении, особенно, когда дело рассматривает не то должностное лицо, которое составило протокол, что имеет место при направлении дела по подведомственности или при передаче дела должностному лицу органов принудительного исполнения (ФССП), уполномоченному налагать административные наказания соответствующего размера.

Течение стадии рассмотрения дела об административном правонарушении в органах принудительного исполнения зависит от окончания стадии возбуждения дела и может развиваться также по нескольким сценариям.

Первый вариант нами уже рассмотрен — это упрощенное производство.

Второй вариант наблюдается в случаях, когда дело рассматривает то же должностное лицо органа принудительного исполнения (ФССП), которое составило протокол об административном правонарушении. Постановление по делу может быть вынесено непосредственно на месте совершения административного правонарушения либо в служебном помещении органа принудительного исполнения в тот же день или позднее в пятнадцатидневный срок со дня составления протокола об административном правонарушении.

Третий вариант предполагает передачу материалов дела по подведомственности внутри системы ФССП России (другому должностному лицу органа принудительного исполнения). Этот вариант отличает упрощенное разрешение возникающих вопросов (запросы и поручения направляются в виде распоряжений вышестоящего начальника и исполняются без задержек).

Четвертый сценарий заключается в передаче материалов дела по подведомственности судье, в коллегиальный орган, должностному лицу иного органа исполнительной власти. Роль должностного лица органа принудительного исполнения (ФССП) на этом заканчивается, но субъект административной юрисдикции, вынесший постановление по делу, обязан в трехдневный срок направить копию постановления должностному лицу, составившему протокол.

Пятый сценарий возможен, когда дело возбуждено должностным лицом иного органа или прокурором, но относится к подведомственности органов принудительного исполнения. В этом случае материалы дела поступают в адрес органа принудительного исполнения и по решению начальника передаются на рассмотрение уполномоченному должностному лицу, которое после вынесения постановления обязано в трехдневный срок направить копию постановления должностному лицу, составившему протокол об административном правонарушении, или прокурору. Например, распространенным являются материалы, предусмотренные ч. 2 ст. 5.35. КоАП РФ, они принимаются к рассмотрению и сбору доказательной базы сотрудни-

ками МВД России и передаются по подведомственности в орган принудительного исполнения для дальнейшего принятия решения по составлению протокола об административном правонарушении либо вынесении решения об отказе в возбуждении дела об административной правонарушении.

Стадия рассмотрения дела об административном правонарушении заканчивается вынесением постановления по делу, отличительной особенностью которого является то, что посредством его реализуется принудительное воздействие права на участников общественных отношений. В нем находит отражение реализация правовых санкций к конкретному жизненному случаю.

Таким образом, стадия возбуждения органами принудительного исполнения (ФССП) дела об административном правонарушении протекает по одному из пяти типовых сценариев, различающихся по времени, объему и видам совершаемых процессуальных действий и составляемых процессуальных актов. Течение стадии рассмотрения дела зависит от варианта первой стадии и отличается от нее субъектным составом, решаемыми составляемыми процессуальными актами.

Литература:

1. Федеральный закон № 229-ФЗ от 02.10.2007 «Об исполнительном производстве»;
2. Федеральный закон «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.10.2019 N328-ФЗ;
3. Приказ Минюста РФ от 06.04.2005 N33 (ред. от 09.07.2007) Об утверждении Перечня должностных лиц Федеральной службы судебных приставов, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях;
4. Семенов, В. В. Методика выявления, возбуждения и рассмотрения дел об административных правонарушениях, подведомственных ФССП России / В. В. Семенов. — Ижевск: Ижевский юридический институт (филиал) РПА Минюста России, 2010. — 59 с. — Текст: непосредственный;
5. Письмо ФССП России от 27.02.2019 № 00045/19/64400-BB «Обзор практики применения должностными лицами территориальных органов ФССП России полномочий административной юрисдикции за 12 месяцев 2018 года»;
6. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Муниципальная политика по сохранению традиционной культуры

Валитова Гульдариya Наильевна, студент магистратуры

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (г. Уфа)

В статье рассматривается содержание и значение традиционной культуры, цели и задачи культурной политики Российской Федерации, реализация муниципальной политики по сохранению традиционной культуры.

Ключевые слова: государство, муниципальная политика, культурная политика, традиционная культура, государственная программа, органы местного самоуправления.

Municipal policy on preservation of traditional culture

Valitova Guldariya Nailiyevna, student master's degree

Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

The article discusses the content and significance of traditional culture, the goals and objectives of the cultural policy of the Russian Federation, the implementation of municipal policy for the preservation of traditional culture.

Keywords: state, municipal policy, cultural policy, traditional culture, state program, local self-government bodies.

Проблему сохранения традиционной культуры в своих трудах рассматривали такие учёные, как В. В. Рязанцев, Н. К. Иконникова, С. А. Тагунц, В. Н. Иванов, Ж. Т. Тощенко, Л. С. Перепелкин, Р. А. Абдулатипов, В. А. Тишков, А. А. Суколов, Ю. В. Арутюнян, М. Н. Губогло, С. А. Арутюнов, Л. М. Дробижева.

В то время, когда мы ведём речь о традиционной культуре, мы должны понимать, что она неотрывна от обширного понятия «историческая память», которое содержит в себе всё разнообразие национальных особенностей, ремёсел, празднеств, церемоний, народных традиций, костюмов, обрядов.

Традиционная культура — важнейший элемент, входящий в состав любой национальной культуры, фундамент становления национального самосознания, который укрепляет духовную связь эпох и поколений. Поэтому задача сохранения и развития традиционной народной культуры — одна из самых важных, ведь без изучения песенного и музыкального фольклора, ремёсел, исконных промыслов, обрядов и традиций невозможно говорить о преемственности духовных и нравственных традиций нашего народа.

Вследствие своей значимости, задача сохранения традиционной культуры входит в государственную программу культурной политики российского государства, которая в свою очередь является одной из приоритетных программ развития страны [3]. Задача сохранения традиционной культуры всегда была и будет актуальной, потому что, как сказал президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин на одном из своих выступлений: «Во-первых, в действительности, страна встаёт на ноги, пробуждается осознание национальной гордости, самосознания граждан Российской Федерации, и мы обязаны отреагировать на это осознание. Во-вторых, идеологическая пустота, образовавшаяся после падения коммунистической идеологии, заполняется, и она непременно заполнится или экстремизмом, шовинизмом, разрушающим нас национализмом, и национальной нетерпимостью, или при нашей с вами активной поддержке — гуманистическими, общечеловеческими ценностями. Для нас с вами важно, чтобы эта деятельность создавалась на нашей традиционной культуре, если мы не хотим потерять своего своеобразия и идентичности в глобальном мире, в условиях глобализации» [2].

В целом, целями и задачами культурной политики нашей страны являются предоставление гражданам свободного доступа к культурным ценностям и благам, знаниям и информации; организация средств для самореализации каждым гражданином своего творческого потенциала; трансляция от поколения к поколению традиционных для России ценностей и норм, обычаев, образцов поведения и традиций; содействие в развитии исконных народных ремёсел и промыслов, бережение традиций и организация средств для развития всех видов народного творчества и искусства.

Согласно Статье 44 Конституции РФ, каждый гражданин РФ владеет доступом к культурным ценностям, может восполь-

зоваться любым учреждением культуры и принять активное участие в культурной жизни страны [1].

В область культуры входят такие организации и виды деятельности, как краеведение, телевидение и радио, реставрация и содержание памятников культур и истории, изобразительные искусства, кино-видеопроизводство, историко-архивная деятельность, музейное дело, библиотечное дело, декоративно-прикладное искусство, цирковая деятельность, театральная-концертная деятельность, культурно-просветительская деятельность.

Основой для создания регионального законодательства в области культуры стал первый «отраслевой» закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре».

На базе общих целей и задач государственной политики строится муниципальная политика в области культуры. В субъектах Российской Федерации осуществляются государственные программы в области искусства и культуры, создаются целевые программы, а также важные для осуществления региональной политики методические, организационные, правовые и нормативные документы, обеспечивается методическая, материально-финансовая и иная помощь учреждениям культуры. Муниципальные районы компетентны в организации библиотечного обслуживания поселений. Органы местного самоуправления строят сооружения и здания муниципальных организаций культуры, обустраивают прилегающие к ним территории. Муниципальные образования могут иметь в собственности музеи, галереи, библиотеки, имеющие историко-культурную значимость. И самое главное, в муниципальную политику в области культуры, наряду с такими задачами, как развитие народного художественного творчества, развитие культурно-досуговой деятельности, создание условий для развития творческих коллективов, входит задача сохранения традиционной культуры.

Финансирование области культуры в муниципальных районах выполняется за счёт бюджетных средств и оказания платных услуг. Граждане, организации, предприятия и общественные объединения могут самостоятельно или на договорной основе создавать фонды для финансирования деятельности в сфере культуры. Органы местного самоуправления имеют право быть соучредителями фондов.

Во время участия в реализации государственной политики в области культуры, органам местного самоуправления нельзя вмешиваться в творческую деятельность граждан и их объединений, за исключением случаев, предусмотренных законом (если деятельность провоцирует жестокость, насилие и т.д.).

Суд может запретить культурную деятельность в случае нарушения законодательства.

Муниципальная политика должна обеспечивать общедоступность культурных ценностей и культурной деятельности для населения. Органы местного самоуправления, в пределах своих возможностей и компетенций, должны организовывать средства для развития организаций и специальных учреждений: курсов, студий, школ искусств,— обеспечивать содействие и поддержку этим учреждениям, гарантировать бесплат-

ность и свободный доступ для населения к этим учреждениям. Говорить о сохранении и развитии традиционной культуры мы можем только в случае общедоступности культурных ценностей и культурной деятельности для населения.

Таким образом, изучение понятия традиционной народной культуры дало нам понять, что сохранение традиционной куль-

туры имеет огромное значение для наших граждан, нашей страны. Государственная политика в области культуры, соответственно и муниципальная политика, должна предпринимать меры для создания условий, позволяющих старинным народным ремёслам занять своё место в области культуры, то есть сохранить традиционную культуру нашей страны.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1.07.2020 г. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.06.2022 г.)
2. Путин, В.В. Выступление на заседании Государственного совета «О государственной поддержке традиционной национальной культуры в России», 26 декабря 2006 года [Электронный ресурс].— URL: <http://archive.Kremline.ru/text/appears2/2006/12/26/116109.html>(дата обращения: 09.06.2022 г.)
3. Федеральная целевая программа «Культура России (2012–2018 годы)»: утв. распоряжением Правительства РФ от 22 февраля 2012 года № 209-р [Электронный ресурс].— URL: <http://fcpkultura.ru/new.php?id=9> (дата обращения: 09.06.2022 г.)
4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131 — ФЗ (ред. От 29.12.2020 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

К вопросу о проблемах ипотечного кредитования в России

Волощук Елена Васильевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Ипотека как перспективный элемент кредитных отношений имеет непреходящее значение. Она защищает интересы кредитора по кредитному обязательству, предоставляя ему возможность в случае неисполнения договора должником получить удовлетворение из стоимости имущества, находящегося в залоге. Вместе с тем, в сфере ипотечного кредитования существует ряд проблем, решение которых является одной из первоочередных задач государства в экономической сфере.

Ключевые слова: ипотека, ипотечное кредитование, кредитор, кредитное обязательство.

On the problems of mortgage lending in Russia

Mortgage, as a promising element of credit relations, is of enduring importance. It protects the interests of the creditor under the credit obligation, giving him the opportunity, in case of non-performance of the contract by the debtor, to receive satisfaction from the value of the property pledged. At the same time, there are a number of problems in the field of mortgage lending, the solution of which is one of the priorities of the state in the economic sphere.

Keywords: mortgage, mortgage lending, lender, credit obligation.

Ипотечное кредитование позволяет в короткие сроки решить определенные социальные проблемы граждан, поскольку наличие собственного жилья вносит в жизнь людей стабильность и благополучие. По мнению экспертов рынка недвижимости, ипотека — это продукт, который никогда не теряет актуальность [4, с. 36]. В связи с этим концептуальный подход к исследованию проблем ипотеки и выработка системных предложений по его совершенствованию является важной и актуальной задачей дальнейшего развития науки в области залога недвижимости.

С точки зрения хозяйственного права под ипотечным следует понимать такой кредит, который предусматривает выполнение заемщиком своих обязательств за счет недвижимого

имущества, выступающего объектом кредитования [6, с. 12]. Некоторые правовые системы рассматривают ипотеку как разновидность банковского кредита, поскольку его единственным отличием является гарантированное выполнение заемных обязательств за счет ипотеки. При этом нельзя исключать другую точку зрения, ведь обеспечение кредита за счет недвижимого имущества определяет ряд принципиальных отличий, что позволяет выделять ипотечное кредитование в качестве отдельного вида кредитной деятельности банка.

Можно сформулировать и более широкое определение понятия ипотечного кредита, как правоотношений, возникающих между банком или другим финансовым учреждением (ипотечным кредитором), которое предоставляет кредит физи-

ческому или юридическому лицу (ипотечному заемщику) для удовлетворения его определенных потребностей (целевое назначение) на основании договора об ипотечном кредитовании или кредитного договора, обеспеченного ипотекой [6, с. 14].

По мнению Куликова А. В. и Янина В. С., одним из положительных сторон данного кредитования, является возможность приобретения жилья за довольно короткий промежуток времени и право зарегистрироваться в данной квартире [3, с. 21].

Также к достоинствам можно отнести то, что в большинстве ипотечных программ предусмотрено досрочное погашение кредита, процентная ставка на весь срок кредитования остается неизменной, несмотря на инфляцию. Тем не менее, даже при наличии определенных позитивных сдвигов в этой области, долгосрочное ипотечное кредитование до сих пор остается нестабильным самостоятельным бизнесом для коммерческих банков, действующих на территории России.

Однако при оформлении ипотеки потребитель может столкнуться с рядом проблем, оказывающих непосредственное влияние на процедуру кредитования.

Самым очевидным отрицательным моментом при ипотечном кредитовании является стремление банков продать потребителю дополнительные услуги. Заключая договор ипотечного кредитования, следует помнить о том, что сумма по договору не является окончательной. Подобный договор обязательно сопровождается процедурой заключения договора страхования, следовательно, в принудительном порядке потребитель обязан будет понести накладные расходы на страхование в соответствии с п. 4 ст. 31 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102-ФЗ [7]. Заключая договор страхования обязательств по ипотеке, необходимо обращать внимание на то, чтобы в нем был пункт о страховании имущественных прав («титула собственности»). В этом случае при утрате предмета залога (недвижимости) компенсацию банку будет вынуждена выплатить страховая компания, а не потребитель. Таким образом, по договору ипотечного кредитования обязательным является только страхование недвижимости, которую приобретает потребитель. Никакие иные страховые выплаты обязательными не являются, и банки не имеют право дополнительно обязать потребителя оформить, к примеру, страхование жизни и здоровья или страхование от потери работы и прочее.

Еще одним проблемным элементом ипотечного кредита являются штрафы за просрочку выплат, которые невозможно определить заранее. До недавнего времени большинство банков брали комиссии и за досрочное погашение кредита на ранней стадии выплат (3–12 месяцев), а также обязывали заемщиков, в случае погашения кредита в течение первого года, полностью оплатить проценты, начисленные за весь период кредитования [2, с. 49]. С момента вступления в силу Федерального закона «О внесении изменений в статьи 809 и 810 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» от 19.10.2011 № 284-ФЗ штрафы для физических лиц за досрочное погашение кредита отменены [8]. Действие указанного Федерального закона имеет обратную силу, т.е. распространяется на все кредиты, даже полученные до его вступления в силу. Вместе с тем, многие кредитные организации в настоящее время продолжают брать вышеуказанные комиссии.

Права заемщика ущемлены и в части распоряжения жильем, поскольку договор ипотечного кредитования подразумевает под собой обременение в виде запрета на право совершения сделок с недвижимостью, поскольку она находится в залоге у банка. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 37 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» «имущество, заложенное по договору об ипотеке, может быть отчуждено залогодателем другому лицу путем продажи, дарения, обмена, внесения его в качестве вклада в имущество хозяйственного товарищества или общества либо паевого взноса в имущество производственного кооператива или иным способом лишь с согласия залогодержателя, если иное не предусмотрено договором об ипотеке» [7]. Нормы Федерального закона позволяют заемщику только завещать заложенное имущество, условия договора об ипотеке или иного соглашения, ограничивающие это право залогодателя, ничтожны. Однако при этом не следует забывать, что в данном случае наследник приобретает не только права на наследство, но и все обязательства, с ними связанные. В силу норм упомянутого выше Федерального закона «лицо, которое приобрело заложенное по договору об ипотеке имущество в результате его отчуждения или в порядке универсального правопреемства, в том числе в результате реорганизации юридического лица или в порядке наследования, становится на место залогодателя и несет все обязанности последнего по договору об ипотеке, включая и те, которые не были надлежаще выполнены первоначальным залогодателем» [7].

Еще одной особенностью и, вместе с тем, проблемой ипотечного кредитования является обязательное согласование с банком провести с собственной квартирой какие-либо действия, например, организовать перепланировку или зарегистрировать у себя родственников.

Тем не менее, сегодня ипотечное кредитование считается одним из наиболее эффективных способов решения жилищного вопроса [1, с. 174]. Возможность стать собственником квартиры в кратчайшие сроки, безусловно, привлекательна. Однако при определенных обстоятельствах ипотечное кредитование может стать источником дополнительных проблем. В связи с этим представляется целесообразным выделить некоторые направления стимулирования государством рынка ипотечного кредитования:

- 1) совершенствование нормативной правовой базы для возможности осуществлять ипотечное кредитование [5];
- 2) принятие мер по снижению рисков для банков при работе с долгосрочными кредитами;
- 3) организация общенациональной ипотечной системы;
- 4) создание механизма поддержки семей с низкими доходами для возможности приобретения ими жилья на рынке недвижимости;
- 5) привлечение предприятий и организаций, имеющих долгосрочные ресурсы, к выгодному вложению денежных средств в ценные бумаги.

В случае достижения достойных результатов при работе по этим направлениям, в нашем государстве сложится эффективная система ипотечного кредитования, способная решить основную проблему российского населения — жилищную.

Чрезвычайно важным вопросом в современных экономико-политических условиях является обеспечение стабильности системы ипотечного кредитования, как социально значимого направления работы финансовой системы страны [1, с. 230]. Большую роль в развитии ипотечного дела в ближайшие годы будут играть механизмы банковского надзора, контроля над банковскими группами, холдингами в соблюдении взятых обязательств и защиты прав заемщиков.

Таким образом, решение проблем ипотечного кредитования — это комплексная задача, затрагивающая макроэкономику страны, социальную и миграционную политику, строительный сектор, развитие банковских продуктов и др. Для достижения таких целей требуется длительное время. Однако рано или поздно экономика страны обязательно дойдет до того уровня, когда ипотечное кредитование в равной степени будет выгодно и банкам, и самому широкому кругу их клиентов.

Литература:

1. Аверченко В. Принципы жилищного кредитования. — М.: Альпина Бизнес Букс (Юнайтед Пресс), 2016. — 276 с.
2. Кувшинова Ю. А., Жовнерчук Т. В. Актуальные проблемы развития системы ипотечного жилищного кредитования в России // Вестник академии, 2014. — № 2. — С. 47–52.
3. Куликов А. В., Янин В. С. Актуальные вопросы развития ипотеки и решения жилищной проблемы // Деньги и кредит, 2015. — № 12. — С. 20–24.
4. Лаврова М. И., Худорошкова М. А. Проблемы развития ипотечного кредитования в России // Молодой ученый, 2016. — № 10.5. — С. 36–38.
5. Постановление Правительства РФ от 11.01.2000 № 28 (ред. от 08.05.2002) «О мерах по развитию системы ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации» (вместе с «Концепцией развития системы ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации», «Планом подготовки проектов нормативных правовых актов, обеспечивающих развитие системы ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации») [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/document/>
6. Разумова И. А. Ипотечное кредитование. — М.: Питер, 2017. — 304 с.
7. Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 26.03.2022) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/document/>
8. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 809 и 810 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» от 19.10.2011 № 284-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/document/>

Полномочия федеральных органов государственной власти в сфере образования

Воробьева Ирина Юрьевна, студент

Научный руководитель: Батеева Елена Владиславовна, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье анализируются вопросы распределения полномочий между федеральными органами государственной власти, оцениваются их сферы компетенций. Приводится системный анализ действия механизма управления и регулирования образовательного процесса в Российской Федерации на государственном уровне.

Ключевые слова: образование, управление, полномочия, органы государственной власти, федеральный уровень.

Управление образовательным процессом в Российской Федерации — одна из приоритетных задач государства, поскольку она проникает во все сферы жизни. Уровень образования определяет дальнейшее развитие государства.

В России сформирована система образования, позволяющая человеку обучаться на протяжении всей жизни. На наш взгляд, можно выделить основные принципы управления государством образовательными организациями. К ним относятся:

- 1) обеспечения права каждого гражданина на образование, как одно из конституционных прав;
- 2) взаимодействие между наукой и образованием;
- 3) заинтересованность образовательных организаций в достижении поставленных задач;

4) эволюция образования в России с сохранением единого образовательного пространства

5) иные принципы [1].

В России управление образовательными процессами осуществляется на федеральном, региональном и местном уровнях. Как справедливо отмечает М. В. Булаева Российская Федерация применяет континентальную модель образования, где участие государства в регулировании вопросов образования достаточно велико. Здесь система управления образованием строится по иерархии и, соответственно, нижестоящие органы подчиняются федеральным органам [2]. Именно поэтому в данной статье будут рассмотрены полномочия федеральных органов государственной власти.

К федеральным органам государственной власти, осуществляющими полномочия в области образования законодатель относит: Президента РФ, Федеральное Собрание, Правительство РФ и иные органы исполнительной власти, в частности, Министерство науки и высшего образования, Министерство Просвещения. Полномочия федеральных органов государственной власти в Российской Федерации регламентируются ст. 6 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Рассмотрим подробнее данные полномочия

Одной из первостепенных задач органов государственной власти в сфере образования можно считать «разработку и проведение единой государственной политики в сфере образования» [3]. Указанный выше федеральный закон появился после реформы 2012 г. Именно он определяет основы государственной политики в сфере образования. На федеральном уровне разработкой государственной политики в данной области занимается Министерство просвещения, что прямо предусмотрено Положением о министерстве Просвещения, где в качестве функций данного органа определена выработка единой государственной политики в данной сфере, а также, а также анализ ее реализации [4]. Аналогичные полномочия, затрагивающие лишь сферу высшего образования закреплены за Минобрнауки РФ. Что же касается непосредственно правительства Российской Федерации, то оно ежегодно докладывает Федеральному Собранию о реализации политики в данной области [5].

Рассматриваемые нами органы власти занимаются также предоставлением возможности получения гражданами высшего образования. Данное полномочие также включает в себя предоставление государственных гарантий и права на бесплатное обучение. Для реализации данного полномочия федеральные органы государственной власти решают проблему кадрового обеспечения образовательных учреждений. Кроме того, для реализацией данных полномочий Минобрнауки разрабатывает процедуру прохождения конкурса для обучения на бюджетных местах в Вузах.

Указанные органы также занимаются предоставлением дополнительного профессионального образования в федеральных государственных образовательных организациях. В данном случае речь идет о переподготовке и повышении квалификации.

Следующим полномочием, возложенным на федеральные органы государственной власти, является разработка федеральных целевых и иных программ, и их реализация также в международных программах, связанных с образовательной деятельностью. Данные программы позволяют: повысить качество образовательного процесса, обеспечить доступность образования для всего населения, воспитание личности на основе духовных и нравственных ценностей и традиций. Федеральные целевые программы имеют важное значение для образования в России, поскольку их реализация позволяет влиять на большинство сфер жизни общества, а финансовое обеспечение данных программ позволяет преобразовать программы в конкретные действия [6].

Среди полномочий выделяется создание, реорганизация и ликвидация образовательных учреждений, где федеральные органы власти выступают в качестве учредителя.

Не менее важными функциями являются: создание образовательных стандартов (далее ФГОС) и требования, а также лицензирование образовательных организаций, как российских, так и иностранных. ФГОС позволяет определить минимальные требования, которые позволяют получить образование. Они также позволяют установить срок и условия обучения, структуру образовательной программы. Лицензирование деятельности позволяет определить соответствие образовательной деятельности разработанной программе. В нашей стране данный вид деятельности осуществляет Рособrnадзор. В целом данная процедура достаточно детально регламентирована, однако, по мнению ряда авторов, в качестве недостатка можно выделить отсутствие в нормативно-правовых актах четкого перечня документов, которые требуют контролирующие органы [7].

Помимо лицензирования деятельности образовательных организаций, органы государственной власти занимаются также их аккредитацией. Она проводится в отношении образовательных организаций, осуществляющих свою деятельности на основании ФГОС, а также федеральных, национальных и иных университетах, а также организациях, перечень которых определен в Указе Президента РФ от 09.09.2008 г. № 1332. К органам, осуществляющим аккредитацию, относятся Рособrnадзор и иные органы исполнительной власти субъектов, которые наделены соответствующими полномочиями.

Органы государственной власти осуществляют контроль, как за процессом образования в целом, так и за деятельностью образовательных организаций, органов власти в субъектах РФ, которые наделены правом управления в данной сфере. Помимо Рособrnадзора данными полномочиями обладает также Минобрнауки. Стоит отметить, что в случае нарушения образовательным учреждением лицензионных требований Рособrnадзор имеет право: выдать предписание с указанием сроков, в которые должно быть устранено нарушение, возбудить дело об административном правонарушении, приостановить, прекратить или возобновить действие лицензии, а также проводить проверки для контроля за устранением нарушений.

К полномочиям также относится возможность создавать и вести информационные системы и базы данных в рассматриваемой сфере, а также обеспечивать конфиденциальность содержащейся в ней информации.

Федеральные органы государственной власти наделены правом учреждения и присвоения специальных наград, как материальных, так и не материальных, в сфере образования для работников данной сферы. В настоящее время существует достаточно большое количество наград, закрепленных в нормативно-правовых актах. Например, одним из наиболее недавних актов стал приказ Минобрнауки от 11.12.2018 г. № 71н, который ввел такие награды как «почетное звание »Почетный работник сферы образования РФ«, нагрудный знак »Почетный наставник».

Кроме того, рассматриваемые органы занимаются анализом рынка труда и составлением различных прогнозов, на основании чего выявляют наиболее востребованные профессии. Помимо прогнозирования, они также занимаются мониторингом в системе образования непосредственно на уровне государства. Постановление Правительства от 05.08.2013 г. № 662

«Об осуществлении мониторинга системы образования» в качестве основных целей данной деятельности выделяет: информационную поддержку государственной политики в сфере образования, проведение непрерывного анализа, позволяющего определить перспективы развития образования в РФ, повышение качества решений в сфере образования и, как следствие, улучшение результатов в данной области, обнаружение нарушений соблюдения законов, регламентирующих образовательный процесс в РФ. Мониторингом образовательной деятельности занимаются практически все профильные федеральные органы государственной власти [8].

Федеральные органы государственной власти наделены также полномочиями по проведению независимой оценки. Она позволяет определить уровень реализации образовательной программы в каждом образовательном учреждении.

Стоит заметить, что перечень полномочий федеральных органов государственной власти в сфере образования является открытым. Каждый орган наделен своими специфическими полномочиями в области образовательной деятельности, которые определяются в нормативно-правовых актах, регламентирующих их деятельность. Более того, ч. 2 ст. 6 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет дополнительные полномочия для рассматриваемых нами органов государственной власти. В данном случае, в частности, речь идет о пре-

доставлении бесплатного образования в различных образовательных учреждениях.

Таким образом, рассмотрев основные полномочия, которым наделены федеральные органы государственной власти в Российской Федерации, можно заметить, что многие из них помимо того, что определены в ФЗ «Об образовании», который является основным нормативно-правовым актом, регламентирующим данную деятельность, также дублируются и в иных правовых документах, регулирующих деятельность непосредственно каждого из таких органов. Перечень полномочий рассматриваемых органов обширен и, кроме того, является открытым. Более того, многие полномочия идентичны. На наш взгляд, такая ситуация сложилась после реорганизации Министерства образования в два самостоятельных министерства: Минобрнауки и Министерства просвещения. Данный факт может привести к тому, что два самостоятельных органа могут выполнять одни и те же функции, что фактически сливает их в единый орган власти. Полномочия непосредственно федеральных органов государственной власти в основном направлены на контроль за деятельностью образовательных организаций, региональных и местных органов власти и мониторингом ситуации в сфере образования, а также прогнозирование перспектив развития данной сферы и внедрения ее во все процессы жизнедеятельности человека.

Литература:

1. Позднякова Е. В. Государственное управление образованием // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. — Юридические науки. — 2021. — № 3.1. — С. 37–40.
2. Булаева М. В. К вопросу о модели государственного управления образованием в современной России // Общество: социология, психология, педагогика. — 2022. — № 3(95). — С. 1–3.
3. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. От 05.12.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 53 (ч. 1). — Ст. 7598.
4. Об утверждении положения о Министерстве просвещения Российской Федерации и признании утратившим силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 28.07.2018 № 884 (ред. 10.11.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 32 (Часть II). — Ст. 5343.
5. Аль-Таие Моатез Салам Моххамед Али Правовые основы государственной политики в сфере образования в России и Ираке: сравнительный анализ // — Северо-кавказский юридический вестник. — 2021. — № 2. — С. 101–107.
6. Антонова Р. А., Шелковникова Д. В., Харламова Е. Е. Оценка эффективности реализации государственных программ в сфере образования, науки и технологий // — Экономика и бизнес: теория и практика. — 2022. — № 5–1. — С. 32–42.
7. Рустамова С. М., Манатиллов К. М. Некоторые вопросы лицензирования образовательной деятельности // Закон и право. — 2020. — № 4. — С. 56–58.
8. Об осуществлении мониторинга системы образования: Постановление Правительства от 05.08.2013 г. № 662 // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 33. — Ст. 4378.

Основные направления деятельности государства в области образования

Воробьева Ирина Юрьевна, студент

Научный руководитель: Батеева Елена Владиславовна, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Система образования в Российской Федерации обширна и охватывает все молодое население нашей страны. Государство уделяет особое внимание образованию, поскольку оно напрямую

влияет на дальнейшее развитие страны и формирование гражданского общества в будущем. Демографическая ситуация оказывает серьезное влияние на сферу образования в целом.

Основными направлениями деятельности государства в сфере образования в России являются: дошкольное, общее, дополнительное образование. В последние годы наблюдалось увеличение числа граждан, получающих каждый из видов образования. Как отмечается в докладе Правительства РФ Федеральному собранию в период с 2018 г. отмечалось увеличение количество детей дошкольного возраста (увеличилось на 0,3% в 2019 г.) и учащихся школ (увеличилось на 3,1%). Более того, увеличивается и количество обучающихся в учреждениях среднего профессионального образования. Единственным направлением, отличающимся сокращением числа студентов, является высшее образование [1]. Ситуация с увеличением обучающихся, безусловно, имеет положительное влияние на демографическую ситуацию в стране, однако она способствует увеличению нагрузки на образовательную систему, в которой значительный период времени наблюдается нехватка кадров.

Первым направлением деятельности государства является дошкольное образование. Ст. 64 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» определяет в качестве основной функции дошкольного образования создание интеллектуальных, физических, нравственных и иных личностных качеств, развитие культуры и предпосылок к обучению, улучшение физических данных и здоровья в целом [2]. Стоит отметить, что поскольку дошкольное образование входит в систему образования в РФ, к нему применяются все требования, предусмотренные для общего образования. Однако дошкольное образование, в соответствии с действующим законодательством, не является обязательным уровнем образования.

Деятельность всех дошкольных образовательных организаций осуществляется в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом № 1155 от 17.10.2013 г. Конституция РФ также закрепляет принцип общедоступности и бесплатности данного вида образования для всех граждан. Правом на бесплатное дошкольное образование пользуются большинство граждан нашей страны, и, в связи с увеличением числа рождаемости, возникает проблема нехватки образовательных учреждений. Несмотря на постепенное увеличение количества детских садов и иных дошкольных учреждений, проблема на данный период времени так и не решена, в результате чего многим семьям с детьми приходится вставать в очередь на получение места в дошкольном образовательном учреждении [3]. В данном случае рушится принцип общедоступности образования, так как родители не могут получить место в детском саду и, следовательно, вынуждены, либо воспитывать ребенка самостоятельно до получения места, либо обращаться в частный детский сад.

Детское образование, по мнению А. Н. Новоселовой, строится на таких базовых принципах, как: постепенное развитие ребенка, взросление ребенка путем прохождения всех детских этапов, формирование образовательного процесса, исходя из индивидуальных особенностей каждого ребенка, при котором у ребенка есть права выбора на содержание образования, помощь в выстраивании отношений между взрослыми и детьми, знакомство ребенка с культурой, традициями и обычаями семьи и государства в целом, помощь в формировании активности и инициативности ребенка и некоторые другие принципы [4].

Работа всех дошкольных учреждений регламентируется Приказом Минобрнауки, который определяют, в какой форме можно получить дошкольное образование. Исходя из данного нормативно-правового акта такой вид образования можно получить в специальных образовательных учреждениях, а также в форме семейного образования. Руководствуясь особенностями лиц, получающих дошкольное образование, при окончании дошкольных организаций не предусмотрена процедура итоговой аттестации или иной формы проверки знаний. Стоит отметить, что внутри дошкольной образовательной организации существуют различные группы, например, общеразвивающая, в рамках которой осваивается образовательная программа для дошкольников, компенсирующая, где происходит обучение лиц с ограниченными возможностями с учетом их психоэмоционального состояния, индивидуальных особенностей, позволяя адаптироваться в социуме и скорректировать нарушения в развитии. Существуют также группы оздоровительной, комбинированной направленности, а также группы для детей раннего возраста для детей в возрасте от 2 мес. до 3 лет.

Следующим, но не менее важным направлением деятельности государстве в сфере образования является общее образование. Система общего образования в РФ состоит из: начального, основного и среднего общего образования. Право на получение общего образования также как и право на получение дошкольного образования прямо предусмотрено Конституцией РФ, а также иными нормативно-правовыми актами, ФГОС. Поскольку данное право гражданина является одним из важнейших, законодательством предусмотрена обязательность получения основного общего образования.

Ст. 66 ФЗ № 273-ФЗ определяет, что целью начального образования является формирование личности ученика, его индивидуальных возможностей, освоение основ учебной деятельности и умений, способностью себя вести в обществе и иными навыками. Основное общее образование позволяет личности становится, привить здоровый образ жизни, чувство вкуса, формировать нравственные установки, культуру общения в межэтническом обществе, получать обучение по основным наукам, изучать государственный язык и так далее. Среднее общее образование позволяет сформировавшейся личности проходить путь дальнейшего становления, привить заинтересованность к познанию и развитию своих творческих способностей, помочь развить навык самостоятельного обучения на основе индивидуальных качеств и профессиональной ориентации и решить некоторые иные задачи.

Как и в рамках другого направления образования основной целью общего образования в РФ является повышение его доступности при сохранении качества образования и соответствия требованиям и потребностям современного общества. В рамках данной цели можно выделить следующие задачи, направленные на ее достижение: 1) внедрение инновационных технологий в образовательный процесс; 2) улучшение кадрового вопроса, путем повышения оплаты труда педагогам, периодического обновления информационных материалов, и др.; 3) улучшение процесса непрерывного образования, повышения квалификации, подготовки новых и переподготовки уже име-

ющихся кадров; 4) сформировать эффективный инструмент для оценки качества предоставления образования с участием обучающихся лиц, мониторинга востребованности образовательных услуг [5].

Обучение в образовательных организациях общего образования завершается сдачей государственных экзаменов как по основным предметам, так и по профильным предметам по выбору ученика. Целью экзамена, на наш взгляд, является проверка результата обучения ученика и освоения им образовательной программы. В настоящее время одной из проблем, помимо нехватки преподавателей, является ограничение доступности образования для определенных категорий граждан. Зачастую образовательные учреждения не готовы к обучению детей с ограниченными возможностями. В частности, это касается оборудования зданий пандусами и иными специальными приспособлениями для людей с ограниченными возможностями. Данную проблему необходимо решать для возможности каждого гражданина воспользоваться своим конституционным правом на доступность образования.

Среди направлений деятельности государства в области образования нельзя не выделить дополнительное образование. Длительное время дополнительное образование не получало должного внимания по сравнению с дошкольным и общим образованием. Первые сдвиги в правовом регулировании начались после Президентской программы повышения квалификации инженерных кадров 2012–2014 г., которая подтвердила необходимость совместных усилий государства, образовательных организаций и предпринимателей в формировании высококвалифицированных кадров. Основной целью дополнительного образования можно считать формирование и дальнейшее развитие творческого потенциала разновозрастного населения, удовлетворение нравственных, физических и иных потребностей граждан, организацию их досуга и поддержания здорового образа жизни. Дополнительное образование помогает социализироваться в обществе, выявить талантливых детей и раскрыть их потенциал. Стоит отметить, что процесс дополнительного образования детей достаточно детально регламентирован государством, в отличие от аналогичного процесса для взрослых.

Федеральный закон об образовании подразделяет дополнительные общеобразовательные программы на два вида: 1) общеразвивающие, предназначенные для взрослых и детей; 2) дополнительные предпрофессиональные, предусмотренные только для детей, к которым относятся рассматриваемые программы в области искусства, спорта.

Основной целью дополнительного образования является удовлетворение граждан в профессиональной сфере, повышение уровня соответствия человека его специальности.

Благодаря федеральному закону «Об образовании в РФ» дополнительное образование получило значительную правовую регламентацию. Законодательно закреплено, что сроки обу-

чения и сами образовательные программы определяются организацией, предоставляющей данные услуги. Теперь после прохождения обучения по программе дополнительного профессионального образования человек получает документ о квалификации. Соответственно, для получения документа об образовании необходимо успешно сдать итоговые экзамены для проверки знаний по пройденному обучающему материалу. Однако до настоящего времени наиболее распространенной формой итогового документа является сертификат, который выдается при прохождении однодневного обучения или при отсутствии у обучающегося профессионального образования [6]. Если рассматривать непосредственно дополнительное профессиональное образование, то по его окончании предусмотрена выдача диплома о профессиональной подготовке и удостоверения о повышении квалификации. Удостоверение выдается при прохождении обучения в объеме до 16 часов, а диплом при обучении свыше 250 часов.

При проведении обучения в рамках дополнительного профессионального образования необходимо руководствоваться профессиональными стандартами, а также квалификационными требованиями. Несмотря на это, организации, оказывающие услуги по дополнительному профессиональному образованию также самостоятельно разрабатывают методические пособия, на основании которых происходит процесс обучения. Поскольку законодатель предоставил образовательным организациям право на самостоятельный выбор формы обучения, оно может проходить в форме семинаров, круглых столов, консультаций, мастер классов и традиционных формах обучения. Для данного направления деятельности, также как и для других, характерен недостаток квалифицированных кадров. Как полагают М. А. Фельдман, Н. Д. Басова, данные проблемы являются следствием недостаточного участия государства в развитии и привлечении кадров [7].

Таким образом, рассмотрев основные направления деятельности государства в области образования, можно отметить, что все рассматриваемые направления имеют как схожие черты, так и значительные отличия. Так, например, дошкольное и общее образование возможно получить на безвозмездной основе, поскольку право на получение закреплено Конституцией РФ. В то же время дошкольное и профессиональное образование не являются обязательными для получения. Все три направления имеют общую проблему — отсутствие квалифицированных кадров для обучения, а в образовательных учреждениях дошкольного образования, помимо рассматриваемой проблемы, отмечается также нехватка мест для обучающихся по данному направлению. Однако, несмотря на имеющиеся проблемы, стоит отметить, что государство пытается решить данные проблемы, разрабатывая меры поддержки для педагогов, открывая новые образовательные учреждения и, внедряя современные информационные технологии.

Литература:

1. Доклад правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования: электронный ресурс URL: <http://static.government.ru/media/files/GcesxuJAI13AntFYxDYzpn0Ngsv7T1vX.pdf> (дата обращения 15.12.2022 г.)

2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. От 05.12.2022 г.) // Собрание законодательства РФ.— 2012.— № 53 (ч. 1).— Ст. 7598.
3. Кичалок О. Н., Богданова В. В. Конституционно-правовое регулирование права на общедоступность и бесплатность дошкольного образования в Российской Федерации // Science Time.— 2014.— № 12(12).— С. 216–220.
4. Новоселова А. Н. Актуальные аспекты правового регулирования дошкольного образования как основа управления дошкольной образовательной организацией // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.— 2016.— № 4–3.— С. 1–5.
5. Дик М. А. Основные тенденции и перспективы развития нормативно-правового регулирования сферы общего образования России // Вопросы науки и образования.— 2019.— № 5 (50).— С. 1–10.
6. Барабанова С. В. Правовое регулирование дополнительного образования в Российской Федерации: новые тенденции // Правовое государство: теория и практика.— 2015.— № 1(39).— С. 70–75.
7. Фельдман М. А., Басова Н. Д. Регулирование дополнительного образования для детей и подростков в регионе: проблема эффективности и инструменты регулирования // Вопросы управления.— 2015.— № 5(17).— С. 179–185.

Цифровые технологии в избирательном процессе России

Гаджиева Сусана Шабановна, студент;

Романенко Мария Юрьевна, студент

Научный руководитель: Баранов Павел Петрович, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой

Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Ростов-на-Дону)

Нынешний век можно по праву считать периодом внедрения во все сферы жизни общества компьютерных технологий, которые значительно облегчают жизнь каждого человека. И политическая сфера жизнедеятельности не исключение. Возникновение и дальнейшее использование новых технологий в государственном управлении влияет непосредственно и на избирательный процесс. В статье авторы проанализируют электронное голосование в России и сделают вывод о проблемах реализации такой избирательной компании, а также расскажут о достоинствах данной современной тенденции.

Ключевые слова: избирательный процесс, выборы, электронное голосование, блокчейн.

Сегодня обеспечение прозрачности выборов, а также их демократизация являются важным аспектом в избирательном процессе. И это заставляет задуматься о введении всевозможных компьютерных технологий. Уже сейчас широко используются автоматические системы подсчета голосов, системы электронного голосования и онлайн-видеонаблюдения. Президент России в своих Посланиях Правительству Российской Федерации несколько раз называл модернизацию организации проведения выборов одной из приоритетных задач развития.

Сама история электронного голосования в нашей стране начинается в 1994 году, когда разрабатывали Государственную автоматизированную систему «Выборы» (ГАС «Выборы»). Первое применение данной системы произошло в 2000 году на президентских выборах [1, с. 107]. Через три года, в 2003 году, на свет вышли первые комплексы обработки избирательных бюллетеней (КОИБ) [2, с. 69]. Еще через пять лет, в 2008 году, в одном из городов Тульской области было проведено тестирование электронного голосования. Избирателям выдавался специальный диск, с которым можно было отдать свой голос из любого места с выходом в Интернет. Данный эксперимент дал положительное впечатление, так как цифры с традиционного голосования и цифры с тестирования совпали. Применение электронного голосования в первую очередь было для привлечения на выборы молодого поколения, которое не желало тратить свое время на походы в избирательные участки.

Нужно отметить, что использование дополнительных технических средств не считалось полноценной процедурой, это было только вспомогательным элементом, который мог дать предварительные итоги выборов. В федеральных законах пользование дополнительной техникой не прописывалось. Получается, что итоги, полученные при помощи данных технических средств, не имели своей юридической силы, так как не были законодательно урегулированы. Но тем не менее, была дана основа для дальнейшего развития, так как использование техники в избирательном процессе только зарождалось.

В 2005 году впервые было введено понятие «электронное голосование», оно нашло место в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ. Это понятие значило — голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием комплекса средств автоматизации ГАС «Выборы». В дальнейшем законодательная основа пополнялась и развивалась.

В последующем, в ходе парламентских (в 2007 году) и президентских (в 2008 году), в пяти городах страны (Орел, Саратов, Великий Новгород, Суздаль и Рязань) на 21 избирательном участке были использованы комплексы электронного голосования (КЭГ) [1, с. 107]. И уже начиная с 2015 года практически все избирательные участки в государстве были оборудованы современными системами электронного голосования. На равне с общегосударственными выборами электронное голосование

нашло свое место и на региональном уровне, помогая решать местные вопросы и проблемы.

Применение дистанционного электронного голосования всё-таки не вошло в привычную практику, потому что при создании и использовании неоднократно сталкивались с тем, что совершались кибератаки, с невозможностью гарантировать тайность голосования и открытость выборов, собственно, поэтому полезность данного новшества была спорной. Но разработки не стоят на месте, достижения в области компьютерных технологий изменили ситуацию — была создана система блокчейна. Ее существенное отличие было в том, что данная система гарантировала одновременно и открытость данных и их безопасность.

Технологию блокчейн использовали в 2019 году во время выборов депутатов Московской городской думы. В ходе данного голосования выявили положительные стороны данной системы. Например, увеличилось число избирателей, принявших участие в голосовании, уменьшились расходы на проведение выборов — работу комиссий и аренду помещений, также смогли принять участие те избиратели, которые находятся в других странах. Но и недостатки также присутствовали — проблематично соблюсти тайну голосования, также есть вероятность взлома. В целом, эксперимент имел положительную оценку, по мнению экспертов.

В 2021 году во время выборов в Государственную думу было использовано электронное голосование. В семи субъектах Российской Федерации: в городах федерального значения Москве и Севастополе, в Курской, Ростовской, Ярославской, Нижегородской и Мурманской областях граждане Российской Федерации могли проголосовать электронно. Для этого необходимо было быть зарегистрированным по месту жительства на территории этих вышеперечисленных субъектов, а также иметь подтвержденную учетную запись на портале государственных услуг.

Дизайн портала напоминал обычную бумажную бюллетень. В электронной форме необходимо было поставить отметку в квадрате.

Далее хочу подробнее рассмотреть достоинства и недостатки электронного голосования и системы блокчейна.

Говоря о плюсах, первое, что нужно упомянуть, это доступность голосования. Как мы уже писали выше, избиратель не-

зависимо от того, где он находится, может отдать свой голос, не тратя время на поход в сам избирательный участок. Далее важно отметить, что электронное голосование значительно сокращает траты на избирательный процесс более, чем 10 млрд рублей.

Но и недостатков у такого явления достаточно. Например, как и у любой компьютерной системы, у системы электронного голосования могут быть сбои и неисправности, которые могут повлиять на результаты. Во время самого голосования могут совершаться кибератаки на систему, что тоже повлечет за собой неверные итоги выборов. Также нельзя гарантировать базовый принцип — принцип тайности голосования, так как необходимо будет авторизоваться в системе.

Изучив историю электронного голосования, нужно отметить, что интернет-голосование должно использоваться в избирательном процессе, но, не вытесняя традиционный способ, а становясь альтернативной возможностью для тех, кому, например, здоровье не позволяет прийти в участок. Председатель ЦИК России Э. А. Памфилова верно говорит о том, что внедрение электронного голосования и технологии блокчейна не должно лишать всех их активного избирательного права. Каждый сам вправе определить собственный способ волеизъявления.

В 2022 году были внесены изменения в Федеральный закон от 12.06.2022 N67-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Появилась статья 64.1, которая законодательно закрепляет электронную форму голосования, ведь раньше голосование с помощью сети Интернет не существовало в федеральном законе.

Подводя итог всего вышесказанного, хотим сделать вывод о том, что голосование с помощью Интернета, которое значительно облегчит избирательный процесс, — это тенденция развития на ближайшие 10 лет. На наш взгляд, даже частичное применение данных технологий увеличит количество граждан, участвующих в выборах. В том числе и молодых людей, которые могут считать выборы бессмысленными, так как результаты уже определены «верхушкой общества», а электронное голосование, безусловно, может развеять их сомнения.

Литература:

1. Титовская А. В. Электронное тайное голосование в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука. 2012. № 4. С. 106–108.
2. Антонов Я. В. Развитие правового регулирования электронного голосования в России // Управленческое консультирование. 2015. № 5. С. 63–71.
3. Алексеев Р. А. Блокчейн как избирательная технология нового поколения — перспективы применения на выборах в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 3–9.
4. Алексеев Р. А. Блокчейн как избирательная технология нового поколения — перспективы применения на выборах в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 3–9.
5. Малиненко Э. В. К вопросу о конституциях и уставах субъектов Российской Федерации в условиях цифровизации/Малиненко Э. В. // В сборнике: Пробелы в праве в условиях цифровизации. Сборник научных трудов. Коллектив авторов, ООО «Инфотропик Медиа». Москва, 2022. С. 298–303.
6. Малиненко Э. В. К вопросу о национальной безопасности в условиях цифровой реальности /Э. В. Малиненко//В сборнике: Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества. Материалы Четвертого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Ростов-на-Дону, 2022. С.333–334.

Актуальные проблемы коллизионного регулирования цифровых прав

Гаес Мария Александровна, студент;
Качмазова Олеся Станиславовна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Авторы данной статьи рассматривают проблемы коллизионного регулирования цифровых прав в условиях сделок, осложненных иностранным элементом. Подробно разбирают проблемы и пробелы законодательства и анализируют возможные подходы к их решению.

Ключевые слова: цифровые права, токены, утилит-токены, коллизия, международное частное право.

На сегодняшний день в условиях развития цифровых технологий все сильнее и чаще происходит процесс цифровизации и в сфере юриспруденции, особенно в такой отрасли, как гражданское право, поскольку в состав объектов данной отрасли права входят цифровые права, которые изучают оборот цифровых валют в Российской Федерации. Однако, данной сфере уделяется недостаточно внимания, особенно в сфере международных правоотношений.

Для начала необходимо разобраться с тем, что такое «цифровые права». В статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации указано, что цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяется в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Иными словами, это совокупность определенных электронных данных, которые можно так или иначе связать с ценными бумагами в силу своей специфики [1].

При анализе Федерального закона от 31.07.2020 N259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023 (далее ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), а именно статьи 26 можно увидеть, что были внесены некоторые изменения в Федеральный закон об инвестиционных платформах, который был заменен на Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. Данное явление указывает на довольно слабое регулирование исследуемой темы, что подтверждает необходимость более полного рассмотрения выделенной сферы.

Для нас с практической точки зрения больший интерес вызывают утилитарные цифровые права, так как данный актив довольно часто выпускается при ICO. Данный процесс в своей сути представляет собой предоставления токенов как российским инвесторам, так и иностранным. Поэтому возникает вопрос в коллизионном регулировании возникающих правоотношений, осложненных иностранным элементом и определении применимого права [5].

Утилитарные цифровые права в доктрине международного частного права определяются как утилити — токены, в разных странах регулируется по — разному, что объясняет разные требования к процедуре оборота токенов. Статья 9 ФЗ «О привле-

чении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» прямо указывает, что юридически значимые действия в отношении цифровых прав можно осуществлять при наличии цифрового свидетельства. Передача данного свидетельства возможна в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О рынке ценных бумаг» [4], при этом, переход цифровых прав иностранным инвесторам не раскрыт, что, по нашему мнению, скорее указывает на применение российского законодательства при возникновении правоотношений в данной сфере при условии наличия субъекта — гражданина РФ.

Также необходимо обратить внимание на цифровые платформы, поскольку именно через нее проходит процедура заключения договоров инвестирования согласно статье 5 Федерального закона «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» [4]. Как правило, цифровая платформа не может быть иностранным юридическим лицом при возникновении правоотношений с российскими гражданами. При этом, если проанализировать вышеуказанный можно обратить внимание на то, что любые операции с токенами по логике являются определенными сделками, которые как раз и регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации.

Статья 1211 ГК РФ гласит, что отсутствие соглашения сторон, а также отсутствие прямого указания в самом Гражданском кодексе к договору будет применено право именно той страны, где и была зарегистрирована сторона, которая является исполнителем договора при условии, что эта сторона играет решающее значение [2], а, как уже было отмечено, цифровая платформа, являясь одним из субъектов, в правоотношениях с участием российского гражданина, может быть только российским юридическим лицом. Именно это и указывает на необходимость применения именно российского права в данной сфере.

Вернемся к микровыводу о довольно слабом уровне регулирования сферы цифровых прав нашим законодательством и его соотношении с выводами коллизионного регулирования. На самом деле, на наш взгляд две эти проблемы как раз вытекают друг из друга. Поскольку вышеуказанные Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» нуждаются в больших дополнениях, наше государство не может полноценно выйти на международный цифровой рынок. Поскольку наше законодательство

не рассматривает более подробно казусные проблемы, которые могут возникнуть в ходе исполнения данных договоров в отличие от иностранных государств, а цифровые платформы в соответствии с российским законодательством не может быть иностранным юридическим лицом, что указывает на невозможность применения норм иностранного государства, тем самым ограничиваются определенные иностранные права и отсюда вытекает отсутствие желания приходить на российский рынок.

Подводя итоги всему вышесказанному, хотелось бы отметить, что в наше время идет активное внедрение цифровых эле-

ментов во все сферы жизни, что указывает на необходимость развития данной сферы и в юриспруденции. Данные элементы не ограничены территориально, а это указывает на возможность развивать данную сферу на международном уровне. Однако, поскольку российское законодательство обладает рядом пробелов, возникают сложности совершения цифровых сделок, осложненных иностранным элементом. Именно поэтому необходимо также уделить внимание анализируемому законодательства для возможности реализации заложенного в РФ потенциала.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — ст. 3301.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 N146-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // «Собрание законодательства РФ», 03.12.2001, N49, ст. 4552.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 N259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // «Собрание законодательства РФ», 03.08.2020, N31 (часть I), ст. 5018.
4. Федеральный закон от 02.08.2019 N259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // «Собрание законодательства РФ», 05.08.2019, N31, ст. 4418.
5. Кузьменков М. Ю. Коллизионное регулирование оборота цифровых прав // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 3. — С. 152–159. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.124.3.152-159.

Модернизация судебной деятельности с помощью информационных технологий

Галлямов Данил Раисович, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Мировая тенденция к всеобщей цифровизации затронула сферу судебной деятельности. В статье рассматривается вопрос, касающийся применения электронного правосудия в гражданском процессе.

Ключевые слова: судопроизводство, документооборот, информатизация, электронное правосудие, цифровая платформа.

Развитие информационных технологий оказывает масштабное воздействие на все сферы общественной жизни, порождая и изменяя существующие социальные явления и связи. Влиянию оказались подвержены не только наука, промышленность, экономика, но и повседневная жизнь людей, сложившаяся система ценностей, модели поведения, общественные и государственные институты. Информационные технологии на сегодняшний день уже глубоко интегрированы во все сферы государственной деятельности.

Построение электронного государства, элементами которого является электронное правительство, электронный парламент, электронное правосудие стало неотъемлемой частью современного информационного общества.

Осознавая перспективность внедрения информационных технологий в судебную систему, Правительством РФ была разработана и в настоящее время успешно реализуется долго-

срочная федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 гг.» [4].

Очевидно, что целью создания электронного правосудия является не просто повышение уровня технического оснащения судов, улучшения документооборота внутри них, а переход на новый уровень принятия решений за счёт внедрения новых способов сбора, обработки, передачи и распространения информации, управления потребностями и ресурсами, обеспечения доступности и подконтрольности деятельности органов власти гражданам, обществу в целом. Все эти процессы происходят в системе правосудия по гражданским делам.

В последние десятилетия рост интенсивности внедрения информационных технологий в гражданское судопроизводство в России и зарубежных странах обусловлен рядом факторов:

1. Использование цифровых технологий предоставляет людям многочисленные возможности, но одновременно влечёт стремительное возрастание числа конфликтов. Это наиболее ощутимо в сфере электронной коммерции и финансовых услуг. Чем более новой является сфера деятельности, создаются инновационные услуги и продукты, тем больше вероятность возникновения конфликтов. Например, в сфере электронной торговли ежегодно возникает более 700 млн споров, что составляет 5–7% от совершаемых транзакций. На торговой площадке eBuy рассматривается 60 млн споров, Alibaba — 150 млн. [1].

2. Ускорение и осознанное желание сокращения временных издержек на удовлетворение потребностей также является важной чертой. В связи с этим, оказались востребованы все технологические решения, обеспечивающие дистанционный формат взаимоотношений на цифровых платформах.

3. Актуальна также проблема судебных кадров с низкой компьютерной грамотностью, что с ростом числа судебных дел влечёт чрезмерную нагрузку на судей и сотрудников их аппарата, снижения качества деятельности и, как следствие, снижение доверия к судебной системе в целом.

Становится очевидно, что динамика развития общественных отношений, а также неспособность решать проблемы известными старыми приёмами порождает запрос к поиску новых способов и путей создания быстрого механизма разрешения социальных конфликтов.

Приведённые цифры о количестве споров, разрешаемые на торговых Интернет-площадках свидетельствуют о положительном опыте использования информационных технологий. Появились качественно новые инструменты разрешения конфликтов — информационные системы, обеспечивающие онлайн-разрешение споров (ODR, OPC). Такие системы, используемые, например на торговых Интернет-площадках eBuy, Alibaba основаны на автоматизированных переговорах путём заполнения онлайн форм-требований.

В настоящее время интерес к изучению возможностей онлайн-урегулирования споров огромен. Пандемия 2020–2021 гг. оказала влияние на расширение практики использования дис-

танционной коммуникации, в том числе для урегулирования различных споров. Зарубежные и российские исследователи изучают возможности применения ODR не только применительно к сфере электронной коммерции, но и рассматривают такое использование к иным категориям конфликтов (семейным, трудовым спорам и т.д.). Важно отметить, что указанную цель можно достичь посредством информатизации судебной системы.

Результатом информатизации судов в России стала также концепция электронного правосудия. В декабре 2019 года Совет судей РФ одобрил план информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг., который в первую очередь направлен на гармонизацию отношений судебной власти и общества, совершенствование способов доступа к информации [2].

Важное значение в осуществлении онлайн-правосудия играет Государственная автоматизированная система «Правосудие», которая является «элементом единого информационного пространства» [3]. Данный сервис позволяет определить истцу суд для дальнейшей подачи искового заявления, а также при помощи интерактивного помощника составить требование к иску, рассчитать и оплатить государственную пошлину. Это повышает оперативность оформления судебных материалов при подготовке и слушании дел.

Вместе с тем, в 2020 г. в пилотном режиме, а в 2022–2024 гг. полноценно будут запущены 25 сервисов, в том числе проект «Правосудие онлайн» — модернизированный аналог Государственной автоматизированной системы «Правосудие», который предоставит возможность ознакомления с материалами дела и удалённое участие в судебных заседаниях.

Таким образом, электронное правосудие в гражданском процессе перспективно и его необходимо активно развивать. Применение таких систем, основанных на информационных и коммуникационных технологиях в процессе судопроизводства, влечёт за собой положительные изменения, что непременно отразится на качестве работы судов и эффективности функционирования всей судебной системы Российской Федерации.

Литература:

1. Катч И., Рабинович-Эйни О. Цифровое правосудие. Интернет-технологии разрешения споров. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2018.
2. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019) [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/> (дата обращения: 8.01.2023).
3. Об информатизации судов: Постановление совета судей российской Федерации от 11.04.2002 № 75 [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <https://base.garant.ru/1776538/> (дата обращения: 7.01.2023).
4. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 О федеральной целевой программе Развитие судебной системы России на 2013–2024 гг. (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2013 г. № 1 ст. 13. [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <https://base.garant.ru/70292624/> (дата обращения: 8.01.2023).

Коррупция и ее характерные признаки

Донец Руслан Завенович, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В данной статье анализируется понятие «коррупция» и выделяются характерные признаки коррупционных проявлений. В пределах коррупционных правонарушений особо отмечены дисциплинарные проступки, административные правонарушения, преступления.

Ключевые слова: коррупция, признаки коррупции, коррупционное действие, коррупционные проявления, коррупционные проявления.

Коррупция имеет длительную историю. Её проявления в разной степени присущи каждому государству. Такое положение вызывает необходимость рассматривать коррупцию, прежде всего, как социально-негативное явление, а не только как криминологическую проблему.

По мнению многих авторов, термин «коррупция» имеет богатый смысл. Это одна из причин, по которой юридические определения коррупции, содержащиеся в международных конвенциях или национальном законодательстве, неизбежно становятся объектом серьезной критики.

Этимологически термин «коррупция» берет свое начало от латинского «*corruptio*» и означает порча, искажение, развращение. Римское право рассматривало коррупцию как противоправное нарушение в отношении служилых лиц.

Обращаясь к Толковому словарю Ожегова, выделяем, что коррупция — это моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами [1].

Большой энциклопедический словарь определяет коррупцию как преступную (противоправную) деятельность, заключающуюся в использовании служилыми лицами для личного обогащения своих властных полномочий [2].

Понятие коррупции появилось в правовых актах РФ в Федеральном законе от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и гласит: коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица (ст. 1).

Коррупция, как мы ее понимаем, — это использование должностными лицами и государственными служащими в целях личного обогащения своих властных полномочий напрямую, выражающееся в пренебрежении нормами морали и этики в совершении деяний из личной заинтересованности и корысти, направленных вразрез интересов власти, как государственной, так и муниципальной, а также государственной и муниципальной службы.

В юридической науке было предложено большое разнообразие теоретических концепций коррупции. Действительно,

можно утверждать, что в отечественном уголовном праве на данный момент отсутствует однозначное определение коррупции как деяния (то есть понятия, перечисляющего его существенные признаки и характеристики), а существующее юридическое определение определяется, как техническая норма с непрямыми отсылками.

Коррупция, как социальный феномен, имеет разные формы проявления, не всегда очевидные. Многообразие формулировок понятия коррупции зачастую не дает понимания всех ее существенных признаков.

Коррупции присущи характерные признаки:

— использование публичными должностными лицами, госслужащими должностного или служебного положения вразрез законных интересов общества и государства;

— получение незаконной выгоды для себя, а также другого физического или юридического лица в виде имущества и/или неимущественных прав, а равно незаконное предоставление физическим и юридическим лицом аналогичных благ государственному служащему в его личном интересе, а также от имени или в интересах другого физического или юридического лица.

В правоведческой литературе к проявлениям коррупции в деятельности должностных лиц и госслужащих относятся:

— использование служебных полномочий в решении различных вопросов, удовлетворяющих материальные потребности вышеназванных лиц либо их родственников;

— предоставление преимуществ, не предусмотренных законом, таких как протекционизм или семейственность, при поступлении на работу/на государственную службу и в дальнейшем продвижении по службе;

— неправомерное предоставление предпочтения юридическим или физическим лицам, индивидуальным предпринимателям в публичных услугах, а равно оказание содействия в осуществлении предпринимательской деятельности в ущерб установленном порядку;

— использование информации, не подлежащей официальному распространению, полученной при выполнении служебных обязанностей, в личных или групповых интересах;

— требование информации, предоставление которой не предусмотрено законом, от физических и юридических лиц;

— нарушение установленного законом порядка рассмотрения обращений физических и юридических лиц;

— дарение подарков и оказание неслужебных услуг вышестоящим должностным лицам, за исключением протокольных мероприятий.

Подарки (презенты) госслужащим и должностным лицам заслуживают особого внимания. Наверное, существенное коли-

чество граждан, обращающихся к должностным лицам, передавали т.н. презенты в знак благодарности за помощь в решении вопросов, и не всегда это было из корыстных побуждений.

Тем временем в законе отчетливо указано, что сегодня государственный/муниципальный служащие, должностные лица при исполнении своих обязанностей не вправе получать подарки в связи с исполнением должностных обязанностей, вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения).

Подарки (презенты), полученные на протокольных мероприятиях, в служебных командировках, на других исключительно официальных мероприятиях, должны признаваться в соответствии с локальными актами учреждений и организаций соответственного ведения. Такие подарки признаются федеральной собственностью или собственностью субъекта Российской Федерации/муниципальной собственностью и передаются служащим /должностным лицом по акту в орган, в котором он трудоустроен. Случаи исключения установлены Гражданским Кодексом Российской Федерации.

Госслужащий и должностное лицо, сдавшее подарок, полученный им в вышеуказанных случаях, может его выкупить в порядке, устанавливаемом нормативно-правовыми актами Российской Федерации.

Возможно, некоторые из перечисленных случаев представляют собой нормальный бытовой факт. Однако, необходимо учитывать, что такие коррупционные проявления влекут за собой установленную законом ответственность.

Тот же благодарственный подарок, сделанный государственному служащему, а равно и муниципальному, или же должностному лицу, может считаться взяткой.

Следует понимать, что к коррупционным деяниям относятся следующие преступления:

- дача взятки (статья 291 Уголовного кодекса РФ),
- получение взятки (статья 290 Уголовного кодекса РФ),
- злоупотребление полномочиями (статья 201 Уголовного кодекса РФ),
- коммерческий подкуп (статья 204 Уголовного кодекса РФ),
- злоупотребление служебным положением (статьи 285 и 286 Уголовного кодекса РФ, а также иные деяния, попадающие под понятие «коррупция», указанное выше.

Литература:

1. Однотомный толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (80 000 слов и фразеологических выражений) // GUFO.ME URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 06.01.2023).
2. Большой энциклопедический словарь (БЭС) // Словари онлайн URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 06.01.2023).
3. Борзенков Г. Н. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией // Вестник МГУ. Серия 11 — Право. — М.: Юридический факультет МГУ, 2016. — С. 12–16.
4. Дамаскин О. В. Коррупция: состояние, причины, противодействие: Монография. М.: Триумфальная арка, 2015. — 123 с.
5. Ильина О. В. Социально-правовые аспекты проявления коррупции в условиях российской действительности // Российская юстиция. — М.: АНО Редакция журнала «Судья», 2018. — С. 42–44.
6. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», с изменениями от 26.05.2021 № 155-ФЗ; 7. Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции» в редакции от 17.05.2021 № 285.

Меры воздействия по вышеуказанным статьям варьируются. Предусмотрены штраф (в размере от 80 до 500 000 рублей), лишения свободы (на срок от 3 до 12 лет), конфискация имущества.

Конфискация имущества предусматривается по ряду уголовно-правовых конструкций, и прежде всего за коррупционное преступление.

Особенностью, отличающую административные правонарушения от коррупционных преступлений, является совершение некоторых правонарушений не только с прямым умыслом, но и по неосторожности. Например, статья 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Незаконное привлечение к трудовой деятельности государственного служащего (бывшего государственного служащего)». Закон предусматривает, что заключая с гражданином, ранее замещавшем должность на государственной или муниципальной службе, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) в течение двух лет после увольнения такого, наниматель обязан сообщать в срок до десяти дней о заключении такого договора представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы.

Проблема противодействия видам коррупционных отношений, характерных для современного общества, во многом определена имеющейся коррупционной связью внутри системы или организации.

Следует отметить, что в современной России коррупция широко распространена во всех регионах и структурах, а также определяется высокой социальной опасностью, разрушающей социальные связи и отношения, препятствующей формированию социальной справедливости и тормозящей экономический рост государства.

Еще одним важным аспектом рассматриваемой проблемы является то, что коррупция порождает недоверие населения государственным институтам власти, морально развращает общество и ослабляет экономически.

Сам факт недоверия общества к современным чиновникам больше всего связан с кадровой коррупцией и низкой, обнаруживающей новые формы проявления.

Особенности проведения допроса с использованием систем видео-конференц-связи

Дорошенко Артем Алексеевич, студент;

Воробьева Ксения Алексеевна, студент

Научный руководитель: Кисленко Сергей Леонидович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье авторы рассматривают особенности, а также проблемы применения видео-конференц-связи при проведении следственных действий, а именно — допроса.

Ключевые слова: допрос, видео-конференц-связь, следователь, тактика допроса.

Осуществляя расследование по уголовному делу, следователь не может обойтись без составляющих подобную деятельность средств, а именно: процессуальных, организационных и тактических. Используя данные средства, следователь устанавливает, какие обстоятельства подлежат выяснению и доказыванию, а также проводит корректировку направления расследования в случае, если в ходе него открываются новые обстоятельства и выдвигаются новые версии. Наиболее значимым из подобных средств представляется допрос как форма процессуального общения. Однако, с учетом последних изменений, внесенных в Уголовный процессуальный кодекс, а именно в процедуру проведения допроса с использованием ВКС, возник ряд проблем, связанных с проведением данного следственного действия. Проблемы касаются различных аспектов допроса с использованием ВКС, а именно: материальных издержек и финансовых затрат при проведении данного следственного действия с использованием ВКС, потери и неправомерного доступа к полученной в ходе допроса информации, а также проблемы обеспечения органов предварительного расследования техническими средствами для проведения допроса в указанном формате.

Необходимо отметить, что 30 декабря 2021 года Федеральным законом № 501-ФЗ были внесены изменения в действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, а именно была введена в действие статья 189.1 УПК, которая устанавливает особенности проведения допроса, очной ставки и опознания с использованием систем видео-конференц-связи [1]. Как видно из названия указанной статьи — перечень следственных действий, проводимых с использованием ВКС является исчерпывающим, то есть: допрос, очная ставка, опознание. Также следует отметить, что важной составляющей указанной статьи является условие о наличии технических возможностей для проведения одного из перечисленных следственных действий с использованием ВКС. Из сказанного становится ясно, что ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ предполагает технические средства, которые должны обеспечить интернет-соединение между несколькими пользователями, а также высокое качество аудио- и видеосвязи. Отметим, что на сегодняшний день, законодателем, а именно в ч. 9 ст. 189.1 УПК РФ, закреплен запрет на использование ВКС в случае, когда существует угроза разглашения сведений, которые охраняются законом, а также в случае получения информации о лице, в отношении которого применены меры безопасности [2].

Мы полагаем, что для полноценного использования систем ВКС при проведении перечисленных в ст. 189.1 УПК РФ след-

ственных действий, в частности допроса, необходимо разработать специальное программное обеспечение, позволяющее сохранить тайну следствия, т.к. на данный момент в территориальных подразделениях органов предварительного следствия таких систем не имеется [3].

Далее отметим, что в ходе проведения какого-либо следственного действия, указанного в ст. 189.1 УПК РФ, обязательным является проведение видеозаписи. Учитывая данное обстоятельство, разумно возникает вопрос о том, какое техническое средство должно обладать возможностью видеотекстирования и должно использоваться при производстве допроса: то, посредством которого осуществляется непосредственно сеанс видеоконференции, или с помощью стороннего технического устройства, которое позволяет вести видеозапись проводимого следственного действия со стороны. Мы полагаем, что в данном случае наиболее эффективным следует считать использование возможности записи процесса проведения допроса именно того технического средства, с помощью которого проходит трансляция. Однако, отметим также и риски, которые возможны в данной ситуации, а именно возможность подделки полученной в ходе проведения допроса и сохраненной на каком-либо цифровом носителе записи. Очевидно, что на сегодняшний день существует достаточное количество программ для редактирования, способных обеспечить высокое качество подделки изображения или видеоматериала [4]. Следовательно, любые изменения полученной в ходе проведения допроса с использованием ВКС записи является основанием для недопустимости ее использования, а также утрату первоначальной информации, полученной от допрашиваемого лица.

Говоря о самом процессе допроса с использованием ВКС, следует отметить, что в данном случае он будет затруднен, т.к. в значительной степени усложнится процедура установления психологического контакта с допрашиваемым лицом. То есть, будет в разы сложнее воспринять невербальные реакции допрашиваемого со стороны следователя, который проводит допрос, и присутствием вместе с допрашиваемым постороннего лица в порядке исполнения поручения (следователь или дознаватель по месту нахождения лица, участие которого в допросе признано необходимым) [5]. Следовательно, следователь, проводящий допрос лица, лишаясь значительного объема информации от невербального канала коммуникации, вынужден опираться только на вербальные каналы получения информации, что снижает эффективность тактики допроса и тактических приемов. В данном случае особое значение приобретает

факт того, проводился ли допрос с этим лицом по данному делу ранее. В случае, если допрос с участием данного лица уже проводился, и оно занимало бесконфликтную позицию — следователю целесообразно избрать тактику накопления согласия, то есть ведения диалога, когда происходит накопление согласий по общим вопросам и человек по инерции говорит «да» по спорному вопросу, при этом опираясь на положительные результаты, полученные ранее. Далее, в случае, если данное лицо не допрашивалось ранее, а у следователя, проводящего допрос, отсутствуют основания полагать, что лицом будут даны ложные показания — следователю целесообразно указывать на положительные черты и качества личности допрашиваемого, а также выгоду использования ВКС, стимулируя лицо на положительное общение с ним.

Однако в случае, когда допрашиваемое лицо занимает конфликтную позицию и ранее уже допрашивалось — следователю следует сформировать ряд документов, а также других доказательств к предъявлению, которые послужили бы стимулом к общению. Например, огласив содержание документа, которое может быть истолковано участником как во многом подтверждающее занятую им позицию по делу, либо показывая противо-

речие с другими предъявленными доказательствами, включенными в общий перечень, но более убедительными для него.

Очевидно, что подобные тактические комбинации требуют от следователя большей подготовленности, а именно: учитывать прошлые результаты допроса с участием допрашиваемого лица и более тщательной проработки тех вопросов, которые направлены на установление обстоятельств, выясняемых в ходе допроса с использованием ВКС. Также, следователю следует переходить к устанавливаемым обстоятельствам допроса с помощью заранее составленных вопросов, которые ориентированы на неточности и недочеты в оценках допрашиваемого, которые ему предлагается пояснить.

Таким образом, использование систем видеоконференцсвязи при производстве допроса является значительным шагом вперед и при должном использовании данного нововведения способно в значительной степени повысить эффективность предварительного расследования. Однако, следует отметить, что названные выше трудности организационного характера обусловлены пока относительно небольшим количеством проводимых следователями допросов с использованием систем видео-конференц-связи во время производства предварительного расследования.

Литература:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 1. — Ст. 70
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921; изменения внесенные Федеральным законом от 05 декабря 2022 № 476-ФЗ опубликованы на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 05.12.2022
3. «Следственные действия в режиме ВКС» // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2022. ФПА РФ // <https://fparf.ru/news/fpa/sledstvennye-deystviya-v-rezhime-vks/>
4. Набатов М. Б., О некоторых рисках внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство // Адвокатская практика. 2022. № 4. С. 28–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49159122>
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921; изменения внесенные Федеральным законом от 05 декабря 2022 № 476-ФЗ опубликованы на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 05.12.2022

Организационно-правовое обеспечение деятельности мировых судей

Жидова Ольга Талгатовна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В настоящей статье рассмотрен анализ организационно-правового обеспечения деятельности, осуществляемой мировыми судьями. Перечислен ряд задач, которые в настоящее время стоят перед указанными судебными органами. Рассмотрены действия государства по реорганизации и модернизации организационного обеспечения деятельности мировой юстиции. В результате исследования представлены коллизии, имеющиеся в Федеральном законе «О мировых судьях» и способ их разрешения.

Ключевые слова: обеспечение, деятельность, судебный орган, мировой суд, закон.

Деятельность мировых судей относится к одной из составляющих работы всей судебной системы России. При этом последняя является самой приближенной к гражданам, обеспечивая их право на доступность правосудия. Если осуществлять анализ судебной системы в целом, то мировые судьи

являются нижней ступенью среди судебных органов общей юрисдикции. С точки зрения функциональности мировой судья имеет ограниченную сферу деятельности, осуществляя рассмотрение дел согласно упрощенной процедуре, закрепленной законом.

Следует отметить, что за последние годы научное внимание к проблемам мирового судьи увеличилось, вызвав тем самым обсуждения не только материальной стороны вопроса, но и процессуальной [3].

Вопрос, который стал темой настоящего исследования, касается организационно-правового обеспечения деятельности указанного выше вида судебных органов.

В настоящее время перед мировыми судьями стоит ряд задач, которые требуют разрешения. Представляется необходимым перечислить основные из них:

- снизить нагрузку на районные суды;
- сделать правосудие доступнее для населения;
- воплощать идеи о судебном федерализме;
- повысить оперативность по рассмотрению судебных дел.

Осуществить направления, обозначенные выше, мировому судье помогает его аппарат. Характеризуя последний, следует заключить, что аппарат мирового судьи обеспечивает его работу и относится к структурному подразделению судебных органов. Рассматриваемый орган также нуждается в модернизации и реорганизации. Существует ряд предложений, позволяющих усовершенствовать деятельности аппарата мирового судьи. Следует закрепить в законе следующие положения:

- правомочия мирового судьи, рассматриваемого в качестве руководителя суда;
- возможность мирового судьи нанимать и увольнять граждан, составляющих его аппарат;
- правомочия аппарата в ходе осуществления правовой помощи населению [4].

Другим проблемным вопросом выступает высокая нагрузка на мировых судей: следствием этого является затягивание сроков и снижение качества рассмотрения дел, что существенно влияет на доступность правосудия для граждан.

Для решения обозначенных выше проблем государство приняло ряд мер в целях эффективной организации судебного производства. Представляется необходимым рассмотреть некоторые из осуществляемых мероприятий: решен вопрос о замене мирового судьи в случае длительного отсутствия последнего; модернизирована правовая регламентация борьбы с коррупцией; происходит автоматизация судебного делопроизводства; внедряются электронные форматы взаимодействия с иными службами и органами; расширены права помощников мировых судей и т.д.

Кроме этого, в 2018 году Президент подписал закон, которым вносились изменения в нормативные акты, касающиеся правовой регламентации организационного обеспечения деятельности мировых судей. Одно из преобразований коснулось Федерального закона «О мировых судьях». Ранее статья 10 упомянутого выше закона носила наименование, касающееся финансового и материально-технического обеспечения. Изменения, вступившие в силу, изменили не только название нормы статьи 10, но и внесли ряд новелл [1]. Важнейшей из последних следует считать установление гарантий обеспечения финансами мировых судей субъектов Российской Федерации так как неравномерный уровень спонсирования рассматриваемых судебных органов не раз отмечался в научной литературе и требовал оперативного разрешения. Помимо этого, обозначенный вопрос был прокомментирован Верховным Судом России, который отметил недостаточное финансирование

регионов, систематическое сокращение бюджета субъекта РФ, отсутствие надлежащего уровня организационного обеспечения деятельности мировых судей [2].

В этой связи законодателем были регламентированы основные правила, касающиеся финансового обеспечения мировых судей:

заработная плата сотрудников аппарата мировых судей, а также материальное обеспечение указанных судебных органов должно быть своевременным и полным;

снижение уровня финансирования субъектов России возможно осуществить только путем получения согласия совета судей конкретного субъекта либо конференции судей. В первом случае речь идет о снижении не более пяти процентов, во втором — более пяти процентов);

в процессе распределения денежных средств субъекта России, касающегося материального обеспечения деятельности мировых судей, исполнительный орган должен действовать сообща с Советом судей.

Осуществляя анализ нормы статьи 10 рассмотренного выше закона, следует отметить, что содержание организационного обеспечения деятельности мировых судей составляют следующие элементы:

- кадровое обеспечение, которое касается формирования судебного корпуса и т.д.;
- информационно-правовое обеспечение, касающееся сбор правовых актов, юридической литературы, справочной информацией и т.д.;
- финансовое обеспечение;
- материально-техническое обеспечение, касающееся снабжения необходимыми материалами и средствами;
- организация делопроизводства;
- организация дополнительного образования по профессиональному направлению, касающееся переподготовки мировых судей [1].

Исходя из рассмотренных элементов, следует определить организационное обеспечение судов общей юрисдикции и мировых судей в качестве деятельности Судебного департамента при Верховном Суде РФ, его подразделений и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Вышеобозначенное определение является узким, помимо него существует широкое понимание рассматриваемого вида обеспечения деятельности судебных органов. Если анализировать понятие во втором смысле, то можно отметить, что это деятельность различных субъектов, которая включает в себя три обязательных составляющих:

Организационные полномочия председателя суда. К подобной деятельности следует отнести правовые отношения, возникающие в сфере функционирования аппарата суда, а также иных судебных органов, например, распределение полномочий.

Организационные и управленческие функции судебных органов.

Полномочия организационного характера специализированных органов: Судебного департамента при Верховном Суде РФ и его органов.

Таким образом, подводя итог рассмотрению вопроса организационно-правового обеспечения деятельности мировых судей,

следует отметить, что анализ основных направлений по обеспечению указанного вида судебных органов осуществляется со-обща подразделениями Судебного департамента Верховного Суда России и органами исполнительной власти конкретного субъекта.

В этой связи вызывает немало вопросов формулировка части 1 статьи 10 Федерального закона «О мировых судьях». Указанная норма сужает круг субъектов организационного обеспечения мировых судей [5]. Подобное положение в законе является крайне неудачным, так как указанная норма не соответствует практической действительности.

Даже в случае осуществления положений, указанных в норме, которая предполагает переход большинства функций по организационно-правовому обеспечению к исполнительным органам конкретного субъекта РФ, минимум две из последних будут выполняться Судебным департаментом, действующим при Верховном Суде РФ.

Кроме этого, если рассматривать данное противоречие с точки зрения антикоррупционной экспертизы исследуемого нормативного акта, то последнее вызывает коллизии в применении права. Они заключаются во внутренних противоречиях между положениями статьи, которые предоставляют возможность хаотичного выбора норм, которые «удобно» применять в зависимости от сложившейся ситуации.

В связи с вышеобозначенным представляется более верным сформулировать первую часть 10 статьи таким образом: организационное обеспечение деятельности мировых судей производят органы исполнительной власти определенного субъекта России, кроме тех полномочий, которые отнесены к Судебному департаменту при Верховном Суде РФ и его подразделениям. Правила исполнения полномочий в указанной выше сфере должны быть установлены отдельно каждым субъектом Российской Федерации.

Литература:

1. Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. N188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 3.12.2021).
2. Лаврентьева И.М. Некоторые правовые аспекты организации деятельности мировых судей в субъекте Российской Федерации // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 4 (48). С. 7–12.
3. Сангаджиев Б.В. Институт мировых судей: правовая природа и особенности деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 1. С. 10–14.
4. Телегина В.А. Тенденции развития мировой юстиции в России: вопросы теории и практики // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 4 (38). С. 3–7.
5. Третьяков В.А. Теоретические и практические проблемы организационно-правового обеспечения деятельности мировых судей // Философия права. 2020. № 6. С. 6–9.

К вопросу о современных проблемах регулирования предпринимательской деятельности в сети Интернет

Класон Михаил Юрьевич, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет

В статье исследуются проблемы антимонопольного регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации с акцентом на специфику сети Интернет, определяются причины возникновения доминирующего положения цифровых платформ и другие формы недобросовестного антиконкурентного поведения. Приводятся примеры действий ФАС России по антимонопольному регулированию деятельности цифровых платформ. Определяются недостатки российского антимонопольного регулирования, к которым относятся: отсутствие легального определения ряда значимых понятий, использование неоднозначных формулировок, возможность использования антимонопольного иммунитета, низкий уровень развития конкурентного права в ряде стран и множественные пробелы нормативной базы, определяющие функционирование глобальной цифровой экономики.

Ключевые слова: информационная технология, информационное посредничество, цифровая платформа, компания-агрегатор, антимонопольный иммунитет, сетевой эффект, большие пользовательские данные, значительные барьеры входа на рынок.

To the question of modern problems of regulation of business activities on the Internet

Clason Mikhail Yuryevich, student master's degree
Vladivostok State University

The problems of antimonopoly regulation of entrepreneurial activity in the Russian Federation are studied with an emphasis on the specifics of the Internet, the reasons for the emergence of the dominant position of digital platforms and other forms of unfair anticompetitive behavior are de-

terminated. Examples of the actions of the FAS Russia on antimonopoly regulation of digital platforms are given. The shortcomings of the Russian antimonopoly regulation are identified, which include: the lack of a legal definition of a number of significant concepts, the use of ambiguous wording, the possibility of using antitrust immunity, the low level of development of competition law in a number of countries and multiple gaps in the regulatory framework that determine the functioning of the global digital economy.

Keywords: information technology, information intermediation, digital platform, aggregator company, antitrust immunities, network effect, big user data, significant market entry barriers.

Актуальность темы исследования. В эпоху глобализации повсеместное внедрение интернет-технологий обуславливает перевод повседневных процессов в цифровое поле, процесс которого уже необратим и будет набирать обороты с каждым годом. Значительному ускорению данной тенденции способствовала пандемия Covid-19, в результате которой цифровые платформы стремительно нарастили свою долю на рынке и приобрели особую значимость в осуществлении экономической жизни.

В этой связи особую актуальность приобретает задача выработки новых подходов к антимонопольному регулированию предпринимательской деятельности в сети Интернет. Значимость пристального внимания к антимонопольному законодательству объясняется так же тенденцией высокотехнологичных рынков к монополизации, основанной на высочайшей степени концентрации капиталов. Анализируя бизнес-стратегии, ценовые алгоритмы, сетевые эффекты роботизацию бизнес-процессов цифрового пространства на предмет выявления антиконкурентного эффекта, антимонопольные органы способны регулированию здоровой конкуренции на рынках.

Стоит отметить и тот факт, что деятельность компаний, владеющих цифровыми технологическими платформами, требует более пристального внимания со стороны антимонопольных органов, так она не является полностью прозрачной.

В последнее время обострились споры правоприменителей по вопросу необходимости выработки нового самостоятельного правового регулирования отношений, возникающих в Интернете, одним из вариантов которого станет создание отдельной отрасли «Интернет-право». Существует и другая точка зрения, предполагающая адаптацию существующего законодательства к цифровым реалиям.

Несмотря на достаточно большое количество теоретических исследований в области антимонопольного регулирования, фиксируется отсутствие системного изложения проблемы, в частности, четкого представления о содержании антимонопольного регулирования предпринимательской деятельности в виртуальном пространстве и определения роли государства в решении данного вопроса, что предопределяет необходимость более глубокого и системного анализа обозначенной проблемы с последующей выработкой предложений по ее решению.

Данная статья посвящена анализу актуальных проблем антимонопольного регулирования предпринимательской деятельности в сети Интернет в Российской Федерации.

Методологическую базу исследования составляют современные общенаучные методы познания, используемые юридической наукой и апробированные на практике, к которым относятся методы логического, нормативно-правового и сравнительно-правового анализа.

1. Антимонопольное регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации: недобросовестная конкуренция и монополистическая деятельность.

В ходе осуществления предпринимательской деятельности некоторые участники рынка используют неправомерные способы ведения конкурентной борьбы, основными из которых являются недобросовестная конкуренция и монополистическая деятельность.

С целью противодействия монополистической деятельности в предпринимательской среде государство использует ряд механизмов, основными из которых являются прямое регулирование цен, налогообложение и регулирование естественных монополий [1].

Главной проблемой практической реализации антимонопольной политики является преобладание экономических механизмов регулирования над законодательными, а ее главной целью является ограничение власти монополий с целью поддержания здоровой конкуренции посредством деятельности специально уполномоченных государственных органов.

Достижению целей антимонопольного регулирования способствует специально созданный для этого регуляторный механизм, действующий по принципу «субъект — цель — средство — форма — метод — объект» [2, с. 67].

Основными формами антиконкурентного поведения являются недобросовестная конкуренция и монополистическая деятельность.

Рассмотрим характеристики недобросовестной конкуренции по методике, предложенной О. А. Городовым:

- 1) «наличие действия хозяйствующего субъекта или группы лиц,
- 2) направленность действия на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности,
- 3) противоречие действия законодательству РФ, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости,
- 4) наличие действительных или потенциальных убытков у хозяйствующего субъекта-конкурента, возникших вследствие осуществленных действий,
- 5) наличие действительного или потенциального вреда, причиненного деловой репутации хозяйствующего субъекта-конкурента вследствие осуществленных действий» [3, с. 112].

Таким образом, наличие одного или нескольких признаков недобросовестного поведения компании позволяет охарактеризовать ее деятельность как нарушающую антимонопольное законодательство, что может ущемлять права пользователей [4, с. 42].

Перечень форм недобросовестной конкуренции, содержащийся в Гл. 2.1 ФЗ № 135-ФЗ имеет открытый характер, поскольку товарные отношения быстро развиваются и возникают

их новые виды. Таким образом, законодательство допускает и иные формы недобросовестной конкуренции наряду с предусмотренными статьями 14.1–14.7 Федерального закона № 135-ФЗ [5].

Федеральное законодательство определяет злоупотребление доминирующим положением как одну из форм недобросовестной конкуренции.

Однако, вопрос о соотношении понятий «недобросовестная конкуренция» и «монополистическая деятельность» является дискуссионным на протяжении длительного времени, поскольку каждое из понятий является многогранным явлением [6, с. 57].

Рассмотрим сходства и различия между недобросовестной конкуренцией и монополистической антиконкурентной деятельностью.

Во-первых, оба вида неправомерного деяния осуществляются с целью получения преимуществ в предпринимательской деятельности.

Во-вторых, оба вида неправомерного деяния причиняют, либо могут причинить убытки фирмам-конкурентам, а также наносят либо могут нанести вред их деловой репутации.

В-третьих, правовые последствия обоих правонарушений будут аналогичными.

Что же касается отличий, то, к примеру, А. В. Пелюшенко видит их в «противоречии не только нормам законодательства, но и обычаям, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости при осуществлении предпринимательской деятельности» [7, с. 82].

Очевидно, что главным отличительным признаком недобросовестной конкуренции является то, что неблагоприятные последствия могут наступить не в момент нарушений, а значительно позже.

Указанные формы ограничения конкуренции являются наиболее распространенными, поэтому чаще всего попадают в поле зрения антимонопольной службы. Однако, в целях поддержания конкуренции на товарных рынках, антимонопольными органами в пределах своих полномочий так же осуществляется деятельность по контролю за ценообразованием, экономической концентрацией и монополизации производства.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что антимонопольное регулирование выступает как необходимый элемент рыночных отношений, основной целью которого является противодействие недобросовестной конкуренции с помощью механизма государственного принуждения к выполнению антимонопольного законодательства посредством административного принуждения, регулирования уровня экономической концентрации и монополизации производства через ценовые и налоговые барьеры.

Цифровизация современной экономики и общественной жизни открывает, по сути, новую страницу в истории антимонопольного регулирования, связанную с необходимостью обеспечения конкурентного развития цифровых компаний и защиты прав лиц, использующих информационные ресурсы.

2. Особенности антимонопольного регулирования в сети Интернет

Цифровая торговля — относительно новая сфера общественной жизни, что влечет за собой различия в подходе к правовому регулированию недобросовестной конкуренции в национальных юрисдикциях и возникновение различного рода правовых коллизий, связанных с оценкой добросовестности/недобросовестности конкурентных действий в сети Интернет.

Среди прочих участников виртуального рынка чаще всего в сферу внимания антимонопольных органов попадают его крупнейшие игроки — цифровые платформы, недобросовестное поведение которых на виртуальном рынке является выражением стратегии доминирования, которой они придерживаются довольно откровенно.

Определение цифровой технологической платформы дается в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где она определяется как «информационная система» — совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств» [8].

Исследование практики недобросовестной конкуренции в сети Интернет дает возможность определить новые способы антиконкурентного поведения, направленного на монополизацию:

- 1) использование технологических и информационных ресурсов для усиления собственной рыночной власти (накопление больших массивов данных),
- 2) навязывание контрагентам невыгодных условий контракта посредством принуждения к созданию учётной записи на платформе, находящейся в собственности лица,
- 3) обмен хозяйствующими субъектами информацией о своих будущих действиях и стратегиях монополистического характера.

Российский виртуальный рынок уже испытал на себе проявления монополизации цифровой экономики.

Ярким примером действий ФАС России по антимонопольному регулированию деятельности цифровых платформ является дело «Яндекс» против Google, ставшее знаковым как для российского антимонопольного регулирования, так и для международного сообщества, поскольку ФАС России стала первым антимонопольным органом в мире, давшим негативную оценку практикам Google в отношении операционной системы Android [9, с. 18]. В частности, монополистическими были признаны действия компании Google, использующей непрозрачные правила блокировки аккаунтов на платформе YouTube.

Еще одной причиной наложения штрафных санкций на одного из цифровых гигантов — компанию Apple Inc стали ее действия по предоставлению преимуществ своим приложениям из магазина App Store в ущерб подобным приложениям сторонних разработчиков.

Так, знаковым делом стал иск АО «Лаборатории Касперского» к Apple Inc, возбужденный ФАС России «по признакам нарушения ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции о необоснованном отклонении версий программы родительского контроля Kaspersky Safe Kids (KSK) со стороны компании Apple, в результате чего очередная версия KSK лишилась существенной части функционала, так как «Apple» в это же самое время ввел на

рынок в iOS версии 12 собственное приложение Screen Time (экранное время), которое по своим возможностям совпадает с приложениями для родительского контроля» [1].

В 2021 г. антимонопольная служба привлекла к ответственности компании Samsung Electronics Rus Company и платформу онлайн-бронирования Booking за антирыночные способы регулирования розничных цен с помощью своих программных продуктов.

Очевидно, что, несмотря на стремительный рост влияния цифровых платформ на рынке, формирование правоприменительной практики ФАС России в части противодействия их доминированию развивается довольно быстрыми темпами.

Определим причины возникновения доминирующего положения цифровых платформ на виртуальном рынке.

Как отмечают Алексеенко А.П., Сунь Ц. «стремительный рост рыночной власти цифровых гигантов несет прямую угрозу устойчивости мировой экономики и общественному благосостоянию» [10, с. 85]

Столь значительное влияние цифровых гигантов на мировую экономику объясняется стремительной диверсификацией их деятельности, основанной на использовании программных алгоритмов координации ценообразования без учета рыночных условий, монополистического влияния на результаты поискового запроса и создания условий, когда потребители не имеют возможность смены поставщика услуг.

Среди других причин ведущими являются:

- отсутствие контроля за генерируемой информацией,
- обладание исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности,
- отсутствие прозрачности в использовании массивов больших данных.

К сожалению, методы недобросовестного антиконкурентного поведения прослеживаются и в деятельности более мелких хозяйствующих субъектов.

Примерами могут быть установка «цены за клик» при продаже в Интернете товаров, пользующихся наибольшей популярностью, создание платформ-агрегаторов, собирающих данные о спросе и предложении.

Под понятие недобросовестной конкуренции в сети интернет попадает так же недобросовестная реклама. Это положение закреплено в ст. 2 закона «О рекламе», где содержится указание, на то, что «положения закона применяются к отношениям в сфере рекламы независимо от места ее производства, если распространение рекламы осуществляется на территории Российской Федерации» [11].

Таким образом, основными нарушителями антимонопольного законодательства, как правило, являются крупные цифровые гиганты, что объясняется отсутствием прозрачности и бесконтрольностью в использовании ими массивов больших данных исключительно в собственных интересах.

3. Проблематика регулирования антиконкурентного поведения в виртуальном пространстве.

Проведенный анализ особенностей антимонопольного регулирования в сети Интернет позволил прийти к выводу о крайней трудоемкости данного процесса, поскольку к нерешенным проблемам в области законодательного регулирования

недобросовестной конкуренции добавляются специфические проблемы, возникающие в цифровом пространстве.

Основными проблемами российского антимонопольного регулирования являются:

- 1) сущностные проблемы цифрового рынка: сложность определения географических или продуктовых границ рынков, существование платформ-агрегаторов, выполняющих функции посредника, трудности в отслеживании цепочек монетизации,
- 2) низкий уровень развития конкурентного права в ряде стран и множественные пробелы нормативной базы для функционирования глобальной цифровой экономики,
- 3) неприемлемость классических методов выявления доминирующего положения для сферы виртуальной экономики,
- 4) недостатки антиконкурентного законодательства: открытый перечень и расплывчатость признаков недобросовестной конкуренции, представленный законодателем в главе 2.1 ФЗ № 135-ФЗ,
- 5) отсутствие цифрового права, фрагментарность законодательного регулирования функционирования цифровой экономики.

Выявление субъекта, нарушающего законы добросовестного поведения на рынке, является не простой задачей еще и потому, что неблагоприятные последствия для других игроков могут наступить не в момент нарушений, а значительно позже. Именно завуалированный или потенциальный характер убытков от недобросовестной конкуренции делает доказывание по таким делам затруднительным.

При доказывании наличия убытков или же возможности их причинения правоприменители придерживаются двух прямо противоположных подходов.

Первый подход основывается на априорной сущности причинения убытков при недобросовестной конкуренции. А при втором подходе требуются конкретные доказательства и документы по факту причинения ущерба или возможности его причинения [12, с. 85].

Таким образом, первым существенным недостатком российского антимонопольного законодательства является отсутствие легального определения таких понятий как «платформа электронной коммерции», «ценовой алгоритм», «цифровой картель», «оператор платформы», «недобросовестная конкуренция», «антиконкурентное поведение», «причинение» / «возможность причинения» убытков, что порождает неоднозначные результаты практики правоприменения.

Много вопросов к законодателю вызывает статья 14.3, определяющая некорректное сравнение как одну из форм недобросовестной конкуренции. В литературе можно найти определение данного понятия как «действия рекламного характера на основе сравнения своего товара или услуги с аналогичными у других хозяйствующих субъектов» [12, с. 89]. Налицо аналогия с косвенной дискредитацией, противопоставляемая прямой дискредитации, о чем говорится в статье 14.1 Федерального закона № 135-ФЗ.

Отсутствие точного правового определения понятия «некорректное сравнение» повлекло за собой отсутствие значимой судебной, а также административной практики по данной форме недобросовестной конкуренции [13, с. 92].

Вызывает вопросы правомерность использования в антимонопольном законодательстве терминов, формулировка которых не представляется однозначной и может по-разному трактоваться правоприменителями. К ним относятся такие термины как «преимущества, полученные при осуществлении предпринимательской деятельности», «противоречие требованиям добропорядочности, разумности и справедливости», «определение потенциальных убытков, потенциального вреда деловой репутации».

Еще одной существенной проблемой в области антимонопольного регулирования в сети Интернет является возможность использования антимонопольного иммунитета — «права на изъятие из сферы антимонопольного регулирования, предоставляемое обладателям исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, что закреплено в ч. 4 ст. 10 и ч. 9 ст. 11 Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [5].

Нарушения в сфере добросовестной конкуренции на рынке цифровых технологий могут проявляться в виде так называемых цифровых картелей, т.е. в виде сговора хозяйствующих субъектов осуществляющих продажу товаров на одном рынке, с целью извлечения прибыли.

Антимонопольной службой РФ была разработана методика выявления цифровых картелей — «пятый антимонопольный пакет», который так и не был принят, так как не нашел понимания в научной среде и получил негативный отзыв Минэкономразвития России. Но предлагаемые в этом документе ужесточение требований к интернет-сервисам, закрепление дефиниции «цифровой алгоритм», ликвидация иммунитетов в отношении интеллектуальной собственности так и не нашли пока своего отражения, что осложняет доказывание злоупотреблений в сфере электронной коммерции [14].

Очевидно, что для преодоления данной проблемы требуется пересмотр современного антимонопольного законодательства на основе учета особенностей цифровой экономики.

Как отмечают Алексеев А. П., Сунь Ц., современная система противодействия монополизации в виртуальном пространстве носит фрагментарный характер, используя нормы Федеральных законов «О защите конкуренции», «О защите прав потребителей», «О рекламе», нормативные акты ФАС России [10].

В частности, предлагается использовать опыт КНР — признанного мирового лидера в сфере электронной коммерции, еще в феврале 2021 года впервые в мире создавшего «Антимонопольное руководство по платформенной экономике».

Закон КНР «Об электронной коммерции» направлен на противодействие монопольной деятельности крупнейших цифровых платформ, путем прямого запрета ограничений на транзакции и цены.

Закон КНР «О противодействии монополиям» (ст. 11–16) раскрывает суть доминирования платформы на рынке и определяет алгоритмы сбора массива данных, используемых для манипулирования рынком (Ст. 5–7), это дает право утверждать, что законодательство Китая успешно борется с монополизацией виртуального рынка. По этому же пути идут и правоприменители КНР, наложившие в апреле 2021 года крупный штраф

на Alibaba Group Holding, «злоупотреблявшего своим доминирующим положением на рынке услуг онлайн-платформы розничной торговли, требуя от внутриплатформенного бизнеса выбирать только одну платформу электронной коммерции, препятствуя тем самым свободному обращению товаров, услуг и развитию платформенной экономики» [10].

4. Выводы.

Российское законодательство о противодействии антимонопольного регулирования предпринимательской деятельности в сети Интернет сегодня переживает активную фазу своего развития и становления.

Чаще всего в поле зрения Антимонопольных органов попадают цифровые гиганты, технологические возможности которых позволяют практически бесконтрольно накапливать и использовать по своему усмотрению большие массивы пользовательских данных, навязывать контрагентам невыгодные условия контрактов, влиять на поведение конечных потребителей, заставляя их поступать определенным образом и выбирать те продукты, которые выгодны платформе.

Основными проблемами российского антимонопольного регулирования являются: сущностные проблемы цифрового рынка, низкий уровень развития конкурентного права, недостатки антиконкурентного законодательства, отсутствие цифрового права.

Очевидно, что для преодоления данной проблемы требуется пересмотр современного антимонопольного законодательства на основе учета особенностей цифровой экономики и передового зарубежного опыта.

Основными направлениями решения существующих в области антимонопольного регулирования проблем могут быть следующие:

- 1) регулирование цифровой экономики как отрасли на основе принятия соответствующего закона, где будут закреплены ряд специальных понятий, например, «оператор платформы электронной коммерции», и будут определены его обязанности,
- 2) законодательное закрепление признаков, указывающих на доминирующее положение субъекта на рынке: финансовые и технологические возможности платформы, количество продавцов и потребителей, зарегистрированных на ней, способность платформы собирать и анализировать данные о пользователях, транзакциях, логистике, платежах и т.д.
- 3) законодательное закрепление признаков антиконкурентного поведения: умышленное ограничение трафика, использование ценовых и поисковых алгоритмов с целью координации цен и снижения видимости товаров (услуг) внутриплатформенного бизнеса в результатах поисковой выдачи и иные ограничения, влияющие на возможность заключения сделок.

На примере практики привлечения к ответственности недобросовестных игроков цифрового рынка Российской ФАС можно проследить постепенное выравнивание рыночного положения всех игроков, что, в свою очередь окажет положительное влияние на качество жизни граждан, поскольку конкуренция обеспечивает наилучшее качество продуктов.

Таким образом, российское антимонопольное право должно быть в ближайшем будущем адаптировано к новым цифровым реалиям.

Литература:

1. Федеральная антимонопольная служба России: официальный сайт. — URL: <https://fas.gov.ru/spheres/2>
2. Кинев А. Ю. Административно-правовая защита конкуренции: проблемы и пути совершенствования: дис... д-ра. юрид. наук. — Москва, 2014. — 329 с.
3. Недобросовестная конкуренция: учебно-практическое пособие / под ред. О. А. Городова. — Москва: Юстицинформ. — 2020. — 324 с.
4. Болобонова М. О. Правовое регулирование оборота данных в деятельности цифровых платформ: спорные вопросы теории и практики / М. О. Болобонова, В. А. Хрупалов // Бизнес, менеджмент, право. — 2020. — № 2. — С. 42–46.
5. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — 31 июля. — № 31. Ч. 1. — Ст. 3434.
6. Кулешова, Н. Н. Недобросовестная конкуренция как фактор нарушения антимонопольного законодательства РФ / Н. Н. Кулешова // Актуальные проблемы развития антимонопольного законодательства: Сборник научных докладов по итогам Всероссийской научно-практической конференции к 30-летию антимонопольного регулирования в России, Ханты-Мансийск, 20 октября 2021 года. — Шадринск: Общество с ограниченной ответственностью «Шадринский Дом печати», 2021. — С. 57–65.
7. Пелюшенко А. В. Сравнительно-правовой анализ монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции в законодательстве Российской Федерации / А. В. Пелюшенко // Россия в эпоху экономических перемен: формирование новых социально-экономических отношений: материалы I Всероссийской научно-практической конференции, 23–24 марта 2016 г. / редкол.: О. И. Коломок, Н. В. Орлова. — Волгоград, 2016. — С. 82.
8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2009. — 31 июля. — № 31. Ч. 1. — Ст. 3448.
9. Жевняк О. В. Антиконтентная практика цифровых платформ и меры реагирования по российскому и зарубежному законодательству / О. В. Жевняк // Право и политика. — 2021. — № 5. — С. 14–41.
10. Алексеенко А. П., Сунь Ц. Дело Alibaba Group и антимонопольное регулирование платформ электронной коммерции: опыт КНР. Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 7. — С. 85–93.
11. О рекламе: Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — 20 марта. — № 12. — Ст. 1232.
12. Щербатых В. И. Спорные вопросы легальной дефиниции недобросовестной конкуренции / В. И. Щербатых // Право и политика. — 2020. — № 5. — С. 85–88.
13. Ефимцева Т. В. Некорректное сравнение как форма недобросовестной конкуренции / Т. В. Ефимцева, А. В. Гасюк // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. — 2016. — № 28. — С. 89–92.
14. Климова А. Н. Многообразие форм недобросовестной конкуренции: доктринальные аспекты и правоприменительная практика / А. Н. Климова // Актуальные проблемы развития антимонопольного законодательства: Сборник научных докладов по итогам Всероссийской научно-практической конференции к 30-летию антимонопольного регулирования в России, Ханты-Мансийск, 20 октября 2021 года. — Шадринск: Общество с ограниченной ответственностью «Шадринский Дом печати», 2021. — 260 с.

Ответственность государственного служащего за нарушения законодательства о противодействии коррупции

Комарова Александра Евгеньевна, студент магистратуры;

Конвисарева Любовь Петровна, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе

Челябинский государственный университет

Статья посвящена изучению юридической ответственности за коррупционные правонарушения государственных служащих. Рассматривается понятие юридической ответственности, а также системные меры, применяемые к государственным служащим за правонарушение коррупционной направленности. Законодательство Российской Федерации предусматривает следующие виды юридической ответственности за коррупционные правонарушения: дисциплинарную, административную и уголовную. Поскольку коррупция является распространенным правонарушением в системе государственной службы, раскрываются особенности применения принудительных мер воздействия со стороны государства.

Ключевые слова: система государственной службы Российской Федерации, государственный служащий, юридическая ответственность, противодействие коррупции.

Responsibility of a civil servant for violations of anti-corruption legislation

Komarova Aleksandra Yevgenyevna, student master's degree;
Konvisareva Lyubov Petrovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, deputy dean for academic work
Chelyabinsk State University

The article is devoted to the study of legal liability for corruption offenses of civil servants. The concept of legal responsibility is considered, as well as systemic measures applied to civil servants for corruption-related offenses. The legislation of the Russian Federation provides for the following types of legal liability for corruption offenses: disciplinary, administrative and criminal. Since corruption is a common offense in the public service system, the peculiarities of the use of coercive measures of influence by the state are revealed.

Keywords: civil service system of the Russian Federation, civil servant, legal responsibility, anti-corruption.

Государственный служащий имеет особый правовой статус, который закрепляет права, обязанности, ограничения, поощрения, а также юридическую ответственность в соответствии с законодательной базой Российской Федерации.

Действующее антикоррупционное законодательство Российской Федерации является составной частью антикоррупционной политики и предусматривает ответственность государственных служащих за совершение правонарушений в сфере коррупции.

Под юридической ответственностью государственных служащих понимаются меры принудительного характера, которые установлены в нормативно-правовых актах, в качестве реакции государства на совершение государственным служащим правонарушения.

Юридическая ответственность за нарушение законодательства о противодействии коррупции предусматривает следующие виды ответственности: дисциплинарную, административную и уголовную ответственность [1]. Необходимо отметить, что при назначении вида ответственности за коррупционное правонарушение нужно учитывать степень вины и обстоятельств, при которых служебные обязанности были нарушены, а также вид и ущерб правонарушения.

Стоит отметить, что при применении дисциплинарных взысканий, при проведении проверки, учитывается степень тяжести и обстоятельства, при которых было совершено коррупционное правонарушение. Также рассматриваются результаты выполнения государственным служащим своих должностных обязанностей и соблюдение им требований и ограничений, установленных в целях противодействия коррупции.

В научной литературе высказывается мнения о том, что наиболее действенным и, к сожалению, популярным инструментом борьбы с коррупцией на сегодняшний день считается увольнение. С данной точкой зрения сложно не согласиться, поскольку по официальной информации Генерального прокурора Российской Федерации за первое полугодие 2019 года в связи с утратой доверия уволено 469 должностных лиц, совершивших коррупционные правонарушения [2]. За 2018 год в Российской Федерации уволено более 1,3 тысяч должностных лиц в связи с утратой доверия, а также 75 тысяч должностных лиц привлечены к административной и дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения. Стоит отметить, что частыми нарушениями являются сокрытие сведений о доходах и расходах, конфликт интересов, нарушение запрета на предпринимательскую деятельность.

Наиболее распространенным случаем коррупционного правонарушения государственных служащих, за которым следует его увольнение со службы, является несоответствие расходов за отчетный период, полученным за это же время доходам по месту службы и иным доходам, указанным в Справке о доходах, расходах, имуществе, обязательствах имущественного характера, подаваемой государственным служащим в подразделение противодействия коррупции. Например, государственный служащий представил сведения о доходах за последние три года в размере 1 800 000 рублей, а о расходах (приобретение недвижимости) — в размере 8 млн рублей, указав, что 5 млн рублей получил в дар от родственников. Однако в ходе проведенной прокуратурой проверки факт дарения денежных средств не обнаружил подтверждения, в результате недвижимость была изъята в доход государства, а государственный служащий был уволен со службы.

Следующей мерой наказания за коррупционные правонарушения государственного служащего является административная ответственность. Она регулируется Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, в нем предусмотрено более двадцати составов правонарушений коррупционной направленности, основными из них являются: нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок; нарушение порядка ведения реестра контрактов, заключенных заказчиками, реестра контрактов, содержащего сведения, составляющие государственную тайну; мелкое хищение (в случае совершения противоправного действия путем присвоения и растраты средств); нарушение срока и порядка оплаты товаров для государственных нужд по государственному оборонному заказу и так далее [5]. Распространенными составами правонарушений являются статьи, связанные с непосредственным нарушением законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок для обеспечения государственных нужд.

Вследствие совершения коррупционных правонарушений, установленных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, государственный служащий несет следующие виды наказаний: административный штраф, в исключительных случаях — административный арест. Однако если административное правонарушение совершено вне службы, государственный служащий несет административную ответственность в общем порядке, то есть, как и все граждане Российской Федерации.

Следует отметить тот факт, что административное правонарушение государственного служащего является одновременно и нарушением служебных правил, то есть дисциплинарным проступком. Соответственно, это обуславливает допустимость применения к виновному лицу сразу двух видов юридической ответственности (административная и дисциплинарная ответственность).

Уголовная ответственность за коррупционные преступления является эффективным методом борьбы с коррупцией со стороны государства. Коррупции могут подвергаться любые государственные служащие, обладающие властью над распределением каких-либо ресурсов, которые имеют полномочия, использующие их в своих собственных интересах или в интересах других лиц [5]. В результате совершения коррупционного преступления к ним применяются следующие виды наказаний: штраф; лишение права занимать определенные

должности или заниматься определенной деятельностью; обязательные работы; исправительные работы; принудительные работы; ограничение свободы; лишение свободы на определенный срок.

Таким образом, законодательством Российской Федерации предусмотрена ответственность за коррупционные правонарушения, которая выражается в дисциплинарной, административной и уголовной ответственности на государственного служащего. Анализ юридических особенностей привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения основывается на разных подходах и методах, закрепленных в нормативно-правовых актах. Однако коррупционные правонарушения имеют распространенный характер в системе государственной службы, в связи с чем требуется комплексное использование экономических, политических, информационных и иных мер для противодействия коррупции.

Литература:

1. Бочкарёв, С. А. Субъекты гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Законность. 2021. № 3 (1037). С. 3–8.
2. Главное управление правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Сборник «Состояние преступности в России: за январь — сентябрь 2019 года». М., 2019
3. Митяев, Д. М., Павлов Н. В. Административная ответственность государственного служащего за коррупционные правонарушения // Эпомен. 2018. № 13. С. 51–55.
4. Назаренко, А. Е., Павлов Н. В. Административная ответственность за совершение правонарушений коррупционной направленности // Синергия Наук. 2019. № 42. С. 931–935.
5. Сорокин, Р. С. Система юридической ответственности государственных служащих за коррупцию: монография / Р. С. Сорокин. — Саратов: Вузовское образование, 2021. — 149 с.
6. Севрюгин, К. В. О некоторых проблемах административной ответственности государственных гражданских служащих за коррупционные правонарушения // Российская правовая система в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теория и практика: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Дню юриста / Отв. ред. Е. П. Чорновол, И. Н. Бородина. Курган: Курганский государственный университет, 2018. С. 293–302.

Социально-правовые функции адвокатской деятельности

Коробицына Татьяна Сергеевна, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В статье автор рассматривает деятельность адвоката с точки зрения ее социальной направленности.

Ключевые слова: адвокат, адвокатура, адвокатская деятельность, социальный, бесплатный, правовой, юридическая помощь.

В современном мире термин «социальный» принято считать синонимом слова «бесплатный». Однако не стоит забывать, что бесплатным является именно получение юридической помощи, но труд юриста должен быть оплачен в любом случае [3, с. 69]. Получается, что адвокатура выполняет свою социальную функцию, оказывая юридическую помощь, расходы на оказание которой полностью или частично возмещаются адвокатам за счет средств государственного или иного бюджета.

Социальный — значит общественный, имеющий отношение к жизни людей, их взаимоотношениям в обществе. Исторически сложилось, что по своей природе адвокатура об-

щественный институт, представители которого служат общественным интересам. Поэтому адвокат, кроме оказания квалифицированной юридической помощи, реализует и важные социальные функции в разных сферах жизни населения.

Реализация адвокатским сообществом социально-правовых функций подразумевает тесное взаимодействие института адвокатуры и государства. Именно на государстве лежит ответственность за обеспечение социального равенства и отсутствие конфликтов в обществе, которую государство передает в виде обязанности по оказанию правовой помощи населению адвокатам. То есть адвокатура через осуществление программы по

оказанию бесплатной юридической помощи гражданам выполняются соответствующие гарантии, предоставленные государством.

Под термином «функция» подразумевается исполнение своей служебной обязанности. В некоторых научных трудах «функции адвоката» понимаются как осуществление представителями адвокатского сообщества своих полномочий. Учитывая, что адвокатская деятельность реализуется на основе принципа законности, все действия адвоката априори являются правовыми. Поэтому и функции адвокатов по предоставлению гражданам социальной помощи должны быть правовыми.

Нормы, регулирующие выполнение адвокатами социально-правовых функций закреплены в различных отраслях права (гражданском, уголовном, административном), но во всех случаях юридическая помощь характеризуется общими чертами. В качестве социальной правовой помощи выделяют: правовое консультирование в устной и письменной форме, содействие в составлении документов правового характера, представление интересов граждан в судах, государственных и муниципальных органах, организациях, защита граждан в уголовном судопроизводстве, иная не запрещенная законом помощь.

Социальная направленность адвокатуры выражается в ее посредничестве между государством и обществом. То есть адвокатура регулирует общественную деятельность, выступает как регулятор социальных отношений, способствующий дальнейшему развитию правового государства и гражданского общества. Государство, в свою очередь, создает доступные условия для оказания населению юридической помощи. Прежде всего, это касается оказания бесплатной квалифицированной юридической помощи отдельным категориям граждан в зависимости от их экономического положения.

Гарантия на получение бесплатной юридической помощи в предусмотренных законом случаях закреплена в ст. 48 Конституции РФ. Более детально это право рассмотрено в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее — Закон № 324-ФЗ, Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»), на основании которого субъекты РФ приняли свои нормативные акты, регулирующие отношения, возникающие при оказании бесплатной юридической помощи.

В Тамбовской области принят Закон от 02 октября 2012 г. № 188-З «Об организации оказания бесплатной юридической помощи отдельным категориям граждан в Тамбовской области», в соответствии с которым бесплатную юридическую помощь гражданам в виде правового консультирования в устной и письменной форме оказывают органы исполнительной власти области и областные государственные учреждения, а государственное юридическое бюро, созданное для обеспечения функционирования государственной системы бесплатной юридической помощи оказывает все виды бесплатной юридической помощи, предусмотренные Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [2].

Получить бесплатную юридическую помощь могут категории граждан, перечисленные в Федеральном законе «О бес-

платной юридической помощи в Российской Федерации», а также выделены дополнительные категории граждан, например, одинокие родители или граждане, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей на территории Тамбовской области и т.д.

В Законе Тамбовской области, кроме того, указаны случаи оказания бесплатной юридической помощи, список документов, которые граждане должны предоставить для получения такой помощи, а также порядок взаимодействия участников оказания бесплатной юридической помощи друг с другом.

В Законе № 324-ФЗ перечислены категории граждан, которые имеют право получить бесплатную помощь юриста, виды оказываемой юридической помощи, субъекты права, предоставляющие такую помощь, квалификационные требования к этим субъектам, установлен перечень ситуаций, когда граждане могут обратиться за бесплатной юридической помощью [1].

В литературе можно встретить негативное отношение к желанию законодателя закрепить конкретный перечень случаев для получения бесплатной юридической помощи. Ведь совершенно невозможно предусмотреть все ситуации, когда социально-незащищенному гражданину может потребоваться такая помощь. А некоторые авторы предлагают вовсе отказаться от этого списка в законе, наоборот, установить случаи, когда бесплатная юридическая помощь точно не может быть оказана.

Постоянные обсуждения возникают вокруг категории граждан, которые могут получить бесплатную помощь адвоката — малоимущие граждане. Существует несколько подходов для определения, действительно ли гражданин подходит под эту категорию [4, с. 46]. Первый подход предполагает установление имущественного порога, недостижение которого дает право малоимущему гражданину обратиться за бесплатной помощью. Согласно второму подходу, бесплатную юридическую помощь могут получить не только малоимущие граждане, но и иные лица при условии частичной компенсации на ее затраты. Третий подход предполагает индивидуально оценивать доходы и расходы каждого конкретного лица и соотносить его имущественное положение со стоимостью требуемых юридических услуг.

Стоит отдельно уделить внимание квалификационным требованиям, которые предъявляются к лицам, оказывающим бесплатную юридическую помощь [4, с. 49]. Многие ученые, адвокаты считают, что стоит ввести дополнительные требования к таким лицам, только высшего образования недостаточно. Учитывая современное разделение профессионального образования на уровни бакалавриата и магистратуры, будущий юрист может оказывать помощь гражданам с неоконченным высшим образованием либо будучи бакалавром в иной сфере знаний, то есть без начального юридического образования, но получившими степень магистра в этой области. Поэтому важно более пристально относиться к требованиям для лиц, оказывающим бесплатную юридическую помощь, так как эта помощь должна быть именно квалифицированной.

Итак, значимость деятельности адвоката в социальной жизни общества опирается на основополагающее право человека и гражданина на получение квалифицированной юридической помощи, которая должна быть оказана своевременно.

Эффективное оказание юридической помощи, как механизм правовой защиты субъектов права от неправомерных действий частных лиц и государственных структур, выполняет консти-

туционные цели государства, служит публичному интересу, который выражается в самой возможности получить реальную и доступную юридическую помощь.

Литература:

1. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6725.
2. Об организации оказания бесплатной юридической помощи отдельным категориям граждан в Тамбовской области: Закон Тамбовской области от 02.10.2012 № 188-З (ред. от 27.07.2022) // Тамбовская жизнь. — 2012. — № 80 (1312).
3. Меркулова, А. Ю. Социально-правовые функции адвокатуры России: специальность 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Меркулова Анна Юрьевна; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина. — Москва, 2018. — 259 с. — Текст: непосредственный.
4. Резник, Е. С. Бесплатная юридическая помощь: актуальные вопросы доступности и качества / Е. С. Резник. — Текст: непосредственный // Право и политика. — 2018. — № 9. — С. 43–58.

Адвокатура и конституционные гарантии прав и свобод гражданского общества

Коробицына Татьяна Сергеевна, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В статье автор рассматривает роль Конституции РФ и закрепленных в ней прав и свобод гражданского общества как основу реализации адвокатской деятельности.

Ключевые слова: Конституция, адвокат, адвокатура, адвокатская деятельность, права и свободы, гражданин, государство.

Важная роль в системе гарантий судебной защиты конституционных прав и свобод отводится институту адвокатуры [2, с. 16]. Это правозащитный конституционный институт, который участвует в создании надлежащих условий для реализации задач судопроизводства.

Ст. 48 Конституции РФ, гарантирующая каждому получение квалифицированной юридической помощи, расположена во 2 главе Конституции РФ, посвященной правам и свободам человека и гражданина. В ней указаны лишь основные права и свободы, конституционные, но, в соответствии с ч. 1 ст. 52 Конституции РФ, это не значит, что другие общепризнанные права и свободы человека и гражданина отрицаются или умаляются [1].

Конституционные положения второй главы являются основами правового статуса личности в России (ст. 64 Конституции РФ), они неотчуждаемы и принадлежат человеку с рождения (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ), признаются и гарантируются в соответствии с общепризнанными принципам и нормам международного права (ч. 1 ст. 17 Конституции РФ).

Положение ч. 2 ст. 48 Конституции РФ является базовым для уголовного права, гарантируя задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения право пользоваться помощью адвоката.

Государство значительно повлияло на признание института адвокатуры обществом, повысив ее социальный статус через закрепление права на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе в некоторых случаях — бесплатной, а также приняв Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Российской Федерации». Это обеспечивает возможность расширить социальные функции адвокатуры, как правового института, и отдельного адвоката.

Как институт гражданского общества институт адвокатуры рассматривается в качестве профессионального сообщества адвокатов, выполняющих деятельность, направленную на защиту прав граждан. В основе такого определения «институт» понимается как «элемент социальной структуры, исторической формы организации и регулирования общественной жизни».

Инструмент правового регулирования защиты прав и свобод, в первую очередь, направлен на осознанное правомерное поведение каждого индивида для достижения социально значимых результатов. Институт адвокатуры является уже незаменимым элементом государства для успешной реализации общественных целей.

В Советском Союзе задачей адвоката было укрепление социалистической законности через служение социалисти-

ческому правосудию, что характеризует адвоката, как государственного служащего, выполняющего политические функции.

На современном этапе развития институт адвокатуры становится важной составляющей жизни общества, без которого невозможно становление правового государства, главной задачей которого является соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Определяя место и роль адвокатуры в системе государственного устройства стоит отметить, что как один из основных институтов гражданского общества адвокатура одновременно является важной частью института государства и судебной системы. Независимость последней, основывающаяся на разделении властей, обеспечивается только при существовании действительно независимой адвокатуры. Адвокатура необходима государству, пока процесс судопроизводства соответствует принципам состязательности, гласности и т.д., то есть государство создает необходимость в адвокатуре.

Гарантия соблюдения прав и свобод человека может быть обеспечена только через развитую систему конституционно-правовой защиты, на которую направлена деятельность, как государственных правоохранительных институтов, так и независимых от государства правозащитных институтов общества. К таким институтам относится адвокатура, обладающая, по мнению Либановой С.Э., триединством статусов (профессии адвокат, адвокатского сообщества и института гражданского общества), закрепленным на законодательном уровне [3, с. 87]. Однако в правовой науке можно встретить мнение, что государство в лице своих органов — единственный гарант защиты прав и свобод личности.

Осуществляя правозащитную деятельность, обеспечивает не свои интересы, как организации, а интересы общества и государства, как институт по защите прав и интересов всего общества. Именно как институт гражданского общества адвокатура формирует правовую культуру населения, выполняет обеспечительные, охранительные, защитные, информационные, воспитательные функции.

Социально-правовые признаки института адвокатуры обеспечивают ее функционирование как правозащитника общества перед государственными органами, призванного народом для осуществления функций надзора за соблюдением конституционных прав и свобод судебной, исполнительной и законодательной властью, участвуя в подготовке законо-

проектов, затрагивающих вопросы конституционных прав и свобод.

Совершенствование адвокатского сообщества начинается с воспитания самих защитников. Следование нормам адвокатской этики, которые закреплены в Кодексе профессиональной этики адвоката и направлены на регулирование общественных отношений, возникающих в процессе осуществления адвокатской деятельности, позволяет непрерывно осознавать нравственную ответственность адвоката перед обществом. Эффективная реализация демократичной деятельности требует нравственного поведения от каждого адвоката, в результате чего повышается уровень доверия к адвокатской деятельности и в принципе публичной значимости института адвокатуры со стороны [3, с. 91]. Как гражданско-правовой институт, адвокатура также выполняет функцию интернатуры для всех будущих юристов, показывает пример профессионализма и нравственного поведения выпускникам юридических вузов.

Правовая помощь, направленные на защиту охраняемых законом прав и свобод общества, может быть обеспечена, например, через представительство в гражданском процессе, что не лишает права самостоятельного участия лица в разрешении спора. Также участие правозащитника может быть обусловлено невозможностью или нежеланием лица лично участвовать в деле, либо его недееспособностью или возможностью получить квалифицированную юридическую помощь профессионального юриста для максимального достижения желаемого результата.

Отметим, что право на юридическую помощь и адвоката (защитника) не означает обязанность лица пользоваться этим правом. В Определении от 17 октября 2006 г. № 424-О Конституционный Суд указал: «предоставляя обвиняемому возможность отказаться от защитника на любой стадии производства по делу, уголовно-процессуальный закон таким образом гарантирует право данного участника уголовного судопроизводства на квалифицированную юридическую помощь защитника, исключая возможность принуждения лица к реализации его субъективного права вопреки его воле».

Итак, сильное, профессиональное адвокатское сообщество — важнейшая основа демократического общества, которое получает возможность защищать свои права и свободы всеми незапрещенными законом способами, опираясь на конституционную гарантию каждого на получение квалифицированной юридической помощи.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ; от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — № 237.
2. Либанова, С.Э. Роль и место адвокатуры российской федерации в механизме конституционного гарантирования защиты прав и свобод / С.Э. Либанова. — Текст: непосредственный // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2009. — № 3 (14). — С. 16–21.
3. Либанова, С.Э. Российская адвокатура в XXI веке и ее триединство / С.Э. Либанова. — Текст: непосредственный // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2016. — № 12 (40). — С. 86–93.

Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи

Коробицына Татьяна Сергеевна, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В статье автор анализирует конституционное право граждан на получение квалифицированной юридической помощи и его направленность.

Ключевые слова: Конституция, квалифицированная юридическая помощь, адвокат, человек, гражданин, право, законные интересы, субъект.

Когда достоинства человека рассматриваются как конституционно-правовые ценности, предполагается, что человек признается полноправным субъектом общественно-государственных отношений. Такой субъект самостоятельно принимает юридически значимые решения в отношении себя; не становится объектом деятельности публичной власти, то есть берет на себя ответственность за развитие конкретной жизненной ситуации, не подвержен стороннему воздействию; имеет право обратиться к государству и обществу за помощью для реализации права на защиту своих прав, свобод и законных интересов в случае угрозы нарушения его спокойной жизни [3, с. 8].

Правовой статус личности, закрепленный на законодательном уровне, можно считать формальностью, если отсутствует гарантия юридической помощи, а человека — объектом волевого воздействия других лиц, действующим бессознательно, опираясь лишь на свою интуицию и не являясь реальным и полноправным участником общественных правоотношений. Такое положение человека не согласуется с принципами демократического государства и ставит под угрозу основы государственности.

Конституционный Суд Российской Федерации признает достоинство личности как наиболее значимое социальное благо, не допускающее вмешательства в ее независимость. Сегодня у нас есть условия для собственного развития, наше общество устроено по принципам демократии, обеспечивающей равноправие граждан при взаимоотношениях с государством. Поэтому правовое регулирование, которое необоснованно лишает человека юридической помощи, различными способами ограничивая и существенно затрагивая действиями органов власти права и законные интересы, либо не предоставляет гарантий при защите своих прав, квалифицируется как умаление достоинства личности.

При обращении человека к правовому регулированию у него должна быть возможность свободно ориентироваться в том, какие правовые нормы стоит применить в конкретной ситуации, поэтому законодательство само по себе должно быть доступно с точки зрения его понимания юридически неграмотными гражданами. Однако большое количество правовых норм, отраслей права, регулирующих различные общественные отношения, но в то же время имеющие одинаковые элементы, приводит к неоднократному толкованию этих норм, разъяснению вопросов, вызывающих сомнения. Кроме того, многие законы составлены в какой-то степени расплывчато, поэтому их толкование возможно только после применения норм на практике. Именно поэтому необходимо, чтобы любой человек, столкнув-

шись с затруднением в понимании смысла правовой нормы, имел возможность обратиться за помощью к профессионалу для предотвращения в дальнейшем неблагоприятных последствий.

В изменяющейся правовой реальности гражданам довольно сложно сориентироваться и самостоятельно оперативно достичь желаемого правового результата, без опасения повлечь для себя неблагоприятные последствия. Поэтому в современных условиях для реализации и защиты гражданином своих прав, свобод и законных интересов, требуется постоянное и широкое правовое информирование об его актуальных юридических возможностях, кроме того, высокий уровень образования и правового воспитания, юридическое мышление.

Таким образом, учитывая, что законотворческий процесс осуществляется на государственном уровне, задачей государства является гарантия человеку и гражданину оказания квалифицированной юридической помощи при обращении к правовому регулированию.

В соответствии со ст. 48 Конституции РФ право на получение квалифицированной юридической помощи гарантируется каждому, а каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента его задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

Право на юридическую помощь предлагается рассматривать как правовую основу для всех прав и свобод, без которой ни одно из конституционных прав не может эффективно осуществляться. Нормативное содержание такого права становится шире, чем сама юридическая помощь, оказание любого ее вида; само право — определяющее во взаимоотношениях между личностью и публичной властью, а также содержит в себе принцип правового регулирования подавляющего большинства общественных отношений. Р.Г. Мельниченко отмечает, что в любых общественных отношениях можно найти отражение права на юридическую помощь [2, с. 187]. Например, даже когда мы пользуемся общественным транспортом, у нас есть право на юридическую помощь в виде получения информации о штрафах за нарушение правил пользования общественным транспортом.

Широкий подход к пониманию назначения и содержания юридической помощи предполагает ее реализацию не только через консультацию и представительство, но и через другие инструменты и правовые механизмы, направленные на юридическую защиту прав человека и гражданина. Например, это может быть юридическое информирование, обучающая юридическая помощь и т.д.

Рассмотрение сущности юридической помощи в широком и узком аспекте было предложено еще в советские годы. В своей статье Ю. А. Куричев, анализируя юридическую помощь при осуществлении правосудия, писал, что в широком смысле она охватывает деятельность государственных и общественных органов, используемые ими методы и средства, направленные на оказание юридической помощи [1, с. 69]. С этой стороны, к юридической помощи он относил деятельность прокуратуры по защите от посягательств социально-экономических, политических и личных прав и свобод граждан, прав и законных интересов государственных предприятий, учреждений и организаций, включая предъявление прокурором иска в суд в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц, а также соответствующую деятельность трудовых коллективов и органов государственного управления в гражданском процессе, деятельность следователя, органов дознания и суда в уголовном судопроизводстве. В узком смысле юридическая помощь рассматривается, как возможность обратиться за квалифицированной помощью адвокатов, организация, граждан, которые обладают необходимыми юридическими знаниями и навыками.

Как конституционно-правовой институт юридическая помощь состоит из множества конституционных положений, основой среди которых выступает закрепленное в ст. 48 право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Реализуется юридическая помощь через консультирование граждан, представительство, иные механизмы как то: правовое информирование, правовая пропаганда, правовое воспитание и правовое обучение.

Литература:

1. Куричев, Ю. А. Доступность юридической помощи общий принцип правосудия / Ю. А. Куричев.— Текст: непосредственный // Известия высших учебных заведений. Правоведение.— 1990.— № 5.— С. 68–72. Панченко, В. Ю. О понятии юридической помощи / В. Ю.
2. Мельниченко, Р. Г. Адвокатура / Р. Г. Мельниченко.— 2-е изд.— Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2012.— 276 с.— Текст: непосредственный.
3. Панченко, В. Ю. О понятии юридической помощи / В. Ю. Панченко.— Текст: непосредственный // Государство и право.— 2012.— № 12.— С. 5–12.

Правовой статус адвоката

Коробицына Татьяна Сергеевна, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В статье автор правовой статус адвоката, его сущность, порядок приобретения, приостановления и прекращения.

Ключевые слова: адвокат, правовой статус, адвокатский статус, квалификационный экзамен, квалификационная комиссия.

В 1958 г. Кони А. Ф. отметил: «чудо юридической профессии в том, что она неотъемлема от человека и осуществляется для людей» [1, с. 39]. Деятельность адвоката, как никакая другая, тесно связана с его личностью, а правовой статус адвоката, закрепленный в законодательстве,— основа достижения

Правовое информирование подразумевает предоставление населению информации о принятых нормативных актах, касающихся прав и свобод граждан, о настоящем положении законодательства, возможном его изменении, о правах и обязанностях, ответственности, порядке реализации норм, закрепленных в законодательстве.

Правовая пропаганда направлена на побуждение человека к действию правовыми способами через распространение правовых идей, примеров юридического поведения для изменения негативно или пассивно настроенного общественного сознания в отношении правового института, субъектов, оказывающих юридическую помощь.

Правовое воспитание призвано сформировать у населения направление на правомерное поведение через получение правовых знаний и развитие уровня правовой культуры граждан. Здесь подразумевается образовательный, информационный и организационный комплекс мер, например, тренинги, издание литературы, лекции, телепередачи и т. д.

Правовое обучение складывается из организационного процесса результатом которого становится усвоение правовых знаний и навыков. Этот механизм формирует юридическую личность как целенаправленного пользователя права.

Итак, конституционное право на юридическую помощь определяет требования и стремления граждан на пользование правовыми ресурсами и средствами для достижения желаемого результата в процессе пользования конституционными правами и в случае нарушения таких прав, а на государство возлагается обязанность по предоставлению надлежащего уровня правовой безопасности.

желаемых целей и решения конкретных задач в процессе осуществления своей профессиональной деятельности.

Под термином «адвокат» (с лат. *advocates, advoco* — призванный, приглашаю) понимают лицо, чья профессиональная деятельность направлена на оказание юридической помощи

гражданам и организациям, в том числе, защита их интересов в суде.

Употребление термина «адвокат» пришло к нам из судебной практики Древнего Рима, когда адвокатами называли друзей и родственников тяжущейся стороны, которые давали ему советы и сопровождали во время заседания, больше оказывая психологическую помощь, чем юридическую. В дальнейшем под «адвокатом» стали понимать правозащитника, что сохранилось и до нашего времени.

В качестве синонимов термина «адвокат» нередко используют «юридический советник», «юридический консультант» или даже просто «юрист». Стоит отметить, что довольно часто термин «адвокат» подменяется другими, похожими по смыслу понятиями. Например, используется «защитник», хотя статус защитника адвокат получает, защищая своего доверителя непосредственно в суде. Похожая ситуация возникает с использованием термина «представитель», которым адвокат становится при выступлении в качестве представителя в гражданском, арбитражном или административном процессах. Однако представителем может быть не только профессиональный адвокат, но и иное лицо по доверенности.

Кроме того, по мнению Власова А. А., термин «адвокат» не стоит приравнять к «правозащитнику»: адвокат оказывает юридическую помощь за вознаграждение, а правозащитник — безвозмездно [1, с. 40].

В соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», профессиональная деятельность юриста по оказанию юридической помощи только тогда становится адвокатской, когда ее оказывает специальный субъект — адвокат. Ч. 1 ст. 2 указанного Федерального закона определяет адвоката как лицо, получившее в установленном законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность.

Отсюда следует, что с одной стороны, законодатель разграничивает понятия «статус адвоката» и «право осуществлять адвокатскую деятельность», с другой стороны, нет. Далее в Федеральном законе «Об адвокатуре» говорится только о приобретении статуса адвоката и не предусматривается получение права на занятие адвокатской деятельности. По смыслу закона получается, что деятельность, осуществляемая лицом без адвокатского статуса, не является адвокатской.

Таким образом, достаточно определить «адвоката», как лицо, получившее в установленном законом порядке статус адвоката.

Закон указывает на условия приобретения статуса адвоката: претендент должен иметь высшее юридическое образование, полученное по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе, либо ученую степень по юридической специальности, а стаж работы по юридической специальности должен быть не менее двух лет либо имеется пройденная стажировка в сроки, установленные законодательством.

В стаж работы включается работа в качестве судьи, адвоката, помощника адвоката, нотариуса, на государственных должностях в органах государственной власти, на муниципальных должностях, на должностях в органах Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в юридических службах организаций, в научно-исследовательских учреждениях, в профессиональных образовательных организациях, образовательных

организациях высшего образования и научных организациях. К таким должностям также предъявляются требования: кандидат должен иметь высшее юридическое образование.

Кроме того, лицо должно обладать полной дееспособностью, то есть не должно быть признано недееспособным или ограниченно дееспособным. Также препятствием для получения статуса адвоката является наличие судимости за совершение умышленного преступления: непогашенной или неснятой.

Все перечисленные требования проверяются у кандидата на стадии приема документов для сдачи квалификационного экзамена, по результатам которого принимается решение о присвоении статуса адвоката. Если документы не предоставлены или не подтверждают соответствие претендента предъявляемым требованиям, то ему отказывают в получении права на осуществление адвокатской деятельности. Закон приводит список необходимых к предъявлению документов, однако он неисчерпывающий, и квалификационная комиссия может затребовать дополнительные документы.

В случае необходимости квалификационная комиссия может в течение двух месяцев проверять достоверность предъявленных документов для принятия решения о допуске к экзамену и даже обратиться в соответствующие органы для проверки конкретных документов.

В соответствии с Положением об адвокатуре 1980 г. для приобретения адвокатского статуса кандидат должен был иметь гражданство СССР, а иностранные граждане и лица без гражданства не могли войти в состав коллегии адвокатов [2, с. 154]. Сегодня законодатель не предусматривает в качестве обязательного требования наличие гражданства РФ: лица, не являющиеся гражданами России, могут получить статус адвоката и осуществлять адвокатскую деятельность на всей территории страны, если иное не предусмотрено федеральным законом. Имеются в виду некоторые ограничения, предъявляемые к таким лицам непосредственно уже при осуществлении адвокатской деятельности, например, допуск к государственной тайне или пребывание на конкретных территориях и объектах.

Адвокаты иностранного государства также могут оказывать юридическую помощь на территории нашей страны, но только по вопросам, касающимся своего иностранного государства, за исключением вопросов, связанных с государственной тайной РФ.

Если претендент соответствует всем требованиям, его допускают к сдаче квалификационного экзамена, который состоит из письменной части и устной. Для сдачи письменной части может быть использовано компьютерное оборудование. К устному собеседованию допускаются кандидаты, успешно прошедшие первый этап, письменную часть экзамена. Экзаменационные вопросы касаются всех отраслей права: гражданской, трудовой, семейной, налоговой, международной, уголовной, административного судопроизводства, гражданского, уголовного, арбитражного процессов, по законодательству об адвокатуре и адвокатской деятельности.

Если у кандидата есть ученая степень по юридической специальности, он освобождается от проверки знаний в ходе экзамена по теме своего диссертационного исследования.

После успешной сдачи экзамена кандидат приносит присягу, получает статус адвоката, который не ограничивается по воз-

расту или конкретным сроком, и становится членом адвокатской палаты. Если претендующий на получение статуса адвоката не сдал квалификационный экзамен, он сможет повторить попытку через год.

Несмотря на то, что статус адвоката присваивается бессрочно, он может быть приостановлен или вовсе прекращен в установленных законом случаях, например, в случае призвания адвоката на военную службу или отсутствия у адвоката возможности осуществлять свою профессиональную деятельность, или по личному желанию.

Адвокат с приостановленным адвокатским статусом не может выполнять адвокатскую деятельность, нарушение может повлечь полное прекращение статуса. Однако на такого адвоката

все также распространяются Кодекса профессиональной этики адвоката.

Статус адвоката может быть прекращен по личному желанию адвоката, в следствие нарушения Кодекса профессиональной этики адвокатом, по причине неисполнения или ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей перед доверителем, по иным обстоятельствам, предусмотренным законом

По моему мнению, приостановление или прекращение статуса адвоката — это действенный способ для адвокатуры самостоятельно «очищать» адвокатское сообщество от лиц, которые своим поведением создают отрицательный образ адвоката, как служителя обществу и закону.

Литература:

1. Власов, А. А. Адвокатура: Учебник и Практикум / А. А. Власов. — Москва: Прометей, 2017. — 274 с. — Текст: непосредственный.
2. Мельниченко, Р. Г. Адвокатура / Р. Г. Мельниченко. — 2-е изд. — Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2012. — 276 с. — Текст: непосредственный.

Проблемы организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие

Коровина Дарья Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кафиатулина Алла Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье раскрываются проблемные вопросы организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие. Автором определены направления совершенствования российского законодательства, регулирующие вопросы обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие.

Ключевые слова: предварительное расследование, предварительное следствие, прокурор, прокурорский надзор.

Problems of organizing prosecutorial supervision over the execution of laws by bodies conducting preliminary investigation

Korovina Darya Aleksandrovna, student master's degree

Scientific adviser: Kafiatulina Alla Vladimirovna, candidate of legal sciences, associate professor
Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article reveals the problematic issues of the organization of prosecutorial supervision over the execution of laws by the bodies carrying out the preliminary investigation. It is determined that these problems negatively affect the effectiveness and efficiency of prosecutorial supervision in the area of legal relations under consideration. The article defines the areas of improvement of Russian legislation regulating the issues of ensuring prosecutorial supervision over the execution of laws by bodies carrying out preliminary investigation.

Keywords: preliminary investigation, preliminary investigation, prosecutor, prosecutor's supervision.

Актуальность темы научной статьи обусловлена тем, что приоритетным видом надзорной деятельности прокуратуры выступает проведение прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие. Претворение названного вида деятельности органов

прокуратуры позволяет создать условия, обеспечивающие неуклонное и законное соблюдение органами предварительного следствия принципов и порядка уголовного судопроизводства, повышение защиты прав, законных интересов и свобод участников правоотношений в рассматриваемой сфере. Таким об-

разом, основной целью прокуратуры РФ является создание условий и реализация мер по установлению на территории российского государства режима законности, обеспечивающего неукоснительное соблюдение органами предварительного следствия положений Конституции РФ, исполнение российского законодательства, защиту и охрану гарантированных Основным законом России прав и свобод каждого человека.

Целью статьи является исследование проблем организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие, и разработка рекомендаций по их устранению.

Прокурорский надзор за исполнением органами предварительного расследования российского законодательства представляет собой самостоятельное направление деятельности прокуратуры в виде проведения процедур наблюдения в сфере законности принятия должностными лицами решений и актов, соблюдения, защиты и охраны прав, законных интересов и свобод лиц, принимающих участие в предварительном расследовании уголовного дела.

Целями прокурорского надзора, как следует из Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1], ФЗ от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [2], Приказа Генпрокуратуры России от 17.09.2021 г. № 544 [4], являются: соблюдение верховенства Конституции РФ, УПК РФ и федерального законодательства, регулирующего вопросы реализации стадии предварительного расследования; обеспечение законности при выполнении отдельных действий должностными лицами предварительного следствия; защита и восстановление нарушенных прав, законных интересов и свобод подозреваемого, потерпевшего и свидетеля; защита интересов российского государства и общества.

Таким образом, анализ положений российского законодательства позволил сформулировать вывод о том, что прокурорский надзор, осуществляемый на стадии предварительного расследования, направлен на обеспечение верховенства Основного закона России, УПК РФ, защиту и охрану прав, законных интересов и свобод человека и гражданина.

Рассмотрев вопросы осуществления прокурорского надзора, реализуемого на стадии предварительного следствия, нами был выделен ряд проблемных вопросов.

Рассматривая положения ФЗ от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [2], необходимо указать, что основным недостатком законодательной нормы является смешение предметов прокурорского надзора, проводимого как в отношении органов предварительного следствия, так и в отношении органов дознания. В целях повышения эффективности осуществления прокурорского надзора следует разграничить указанные виды надзорной деятельности посредством выделения в отдельную группу прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного следствия. Реализация названного предложения позволит сформировать предмет прокурорского надзора, определить перечень полномочий прокуроров.

Анализ положений ст. 146 УПК РФ [1] позволил сформулировать вывод о том, что остается не разрешенным вопрос процессуального регулирования взаимодействия прокуроров и органов предварительного следствия, что не позволяет обе-

спечить более продуктивный и результативный процесс прокурорского надзора. В виду сказанного, целесообразно внести изменения в ч. 4 ст. 146 УПК РФ, а именно:

«... в трехчасовой срок направляется прокурору копия постановления органа предварительного следствия. Исчисление срока производится с момента вынесения такого постановления. Материалы проверки должны быть направлены прокурору в 24-часовой срок, исчисляемый с момента получения названного требования...».

Обратим внимание, что остается неразрешенным вопрос установления квалификационных требований к прокурорам, обеспечивающим проведение прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие. В подтверждении сказанному, укажем что ФЗ от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» в ст. 40.1 установлен общий перечень требований, предъявляемых к лицам, назначаемым на должность прокурора. Указанное обстоятельство не позволяет в полной мере обеспечить проведение эффективного и успешного прокурорского надзора в обозначенной сфере. В виду сказанного, следует отразить в Законе перечень требований:

- наличие опыта следственной работы;
- владение методикой и тактикой расследования преступлений.

В виду сказанного, необходимо дополнить ст. 40.1 ФЗ от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» следующим положением:

«...1.2. Квалификационными требованиями, предъявляемыми к лицам, назначаемым на должность прокурора, обеспечивающего проведение прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие, являются наличие опыта следственной работы; владение методикой и тактикой расследования преступлений...».

Дополнить пп. 3 п. 4 Приказа Генпрокуратуры РФ от 02.11.2011 г. № 378 [3] следующим положением: «...владеть методикой и тактикой расследования преступлений...».

Кроме того, необходимо закрепить в нормах российского законодательства требования в сфере профессионализации прокуроров, обеспечивающих проведение прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие. В подтверждении сказанному укажем, что в ст. 43.4 ФЗ от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» предусмотрено, что дополнительное профессиональное образование прокуроров производится один раз в пять лет, что, по нашему мнению, является недостаточным для должностных лиц, обеспечивающих проведение прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие. В виду сказанного, следует дополнить названную законодательную норму следующим положением:

«1.1. Дополнительное профессиональное образование прокуроров, обеспечивающих проведение прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие, производится один раз в год...».

Реализация предложенной рекомендации позволит повысить результативность и успешность осуществления прокурор-

ского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие.

В виду внедрения цифровизации в государственное управление, необходимо предусмотреть формирование и развитие такого института, как «электронный надзор», выступающего в качестве перспективного направления прокурорской деятельности. Особенностью электронного надзора является практическое использование прокурорами информационно-коммуникационных технологий, электронный документооборот.

В целях обеспечения проведения электронного надзора необходимо создать единую межведомственную цифровую онлайн-платформу, обеспечивающую построение взаимодействия прокуроров, правоохранительных органов и органов государственной власти, следователей.

Необходимо дополнить ст. 37 УПК РФ следующим положением:

«... 2.1. Прокурор наделяется правом по ознакомлению с материалами проверки сообщения о преступлении, с материалами уголовного дела; правом по требованию представления процессуальных документов в электронном виде ...».

Таким образом, в целях совершенствования организации прокурорского надзора, осуществляемого на стадии предварительного расследования, целесообразно: выделить прокурорский надзор, осуществляемый в отношении органов предвари-

тельного следствия, в отдельный вид надзорной деятельности; раскрыть временные рамки взаимодействия прокурора и следователя, руководителя следственного органа, что позволило бы обеспечить более продуктивный и результативный процесс прокурорского надзора; закрепить правило, в соответствии с которым прокурору одновременно с копией постановления о возбуждении уголовного дела направляются и копии материалов проверки; установить правило, в соответствии с которым следователь выносит постановление о приостановлении предварительного следствия, а его копию с материалами проверки направляет прокурору в трехдневный срок, исчисляемый со дня принятия такого решения; законодательно регламентировать поводы, на основании которых проводится прокурорская проверка на стадии предварительного расследования; установить квалификационные требования, предъявляемые к лицам, назначаемым на должность прокурора, обеспечивающего проведение прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие; закрепить в нормах российского законодательства требования в сфере профессионализации прокуроров, обеспечивающих проведение прокурорского надзора за исполнением законов органами; внедрить институт электронного надзора, как перспективную форму современной модели прокурорского надзора.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921; Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 1 (Часть I). — Ст. 27.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472; Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 27 (часть I). — Ст. 5093.
3. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 02.11.2011 № 378 «Об утверждении Квалификационной характеристики должности (квалификационных требований к должности) помощника прокурора города, района и приравненного к ним прокурора» // Законность. — 2012. — № 1.
4. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. — 2021. — № 12.

Пределы совершения судебным приставом-исполнителем обеспечительного ареста на имущество должника при исполнении имущественных взысканий

Красильников Алексей Евгеньевич, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

При исполнении требований исполнительных документов судебный пристав-исполнитель применяет два вида процессуального воздействия на должника: совершает исполнительные действия (ст. 64 Закона об исполнительном производстве) и применяет меры принудительного исполнения (ст. 68 Закона об исполнительном производстве).

Из анализа содержания данных действий видно, что исполнительные действия только содействуют принудительному исполнению решения суда (оценка, розыск, арест имущества

и т.п.), в то время как меры принудительного исполнения непосредственно направлены на удовлетворение требований взыскателя (продажа имущества должника и перечисление выреченных денежных средств взыскателю, списание со счетов должника денежных средств и перечислению взыскателю и т.п.).

Исходя из содержания процессуальных действий законодатель ограничил объем их применения судебным приставом-исполнителем только для мер принудительного исполнения

Так в части 5 статьи 4 Закона об исполнительном производстве установлено, что одним из принципов исполнительного производства является соотносимости объема требований взыскателя мерам принудительного исполнения.

Законодатель специально не стал ограничивать объем совершенных исполнительных действий судебным приставом-исполнителем по нескольким причинам.

Рассмотрим в нашем случае такое исполнительное действие — арест имущества должника, на которое в последующем будет обращаться взыскание (пункт 7 части 1 ст. 64 Закона об исполнительном производстве).

При исполнении имущественного взыскания стандартный набор действий судебного пристава-исполнителя: запросы в регистрирующие органы, наложение арестов и запретов на денежные средства и имущество должника.

При этом судебному приставу-исполнителю неизвестно, имеется ли имущество должника в наличии, какова его рыночная стоимость, а также будет ли вообще реализовано данное имущество должника пусть даже по рыночной цене (отсутствие покупательского спроса).

Поэтому законодатель не стал ограничивать объем исполнительных действий, т.к. на практике судебному приставу-исполнителю невозможно будет соблюсти принцип соотносимости.

Другое дело, когда идет речь о мерах принудительного исполнения — при обращении взыскания на имущество точно известно, что имущество в наличии, определена его рыночная стоимость. В данном случае сопоставить размер долга и стоимость имущества не составляет труда, и нет никакой необходимости изымать и продавать имущества больше, чем требует взыскатель.

В тоже время, судебный пристав-исполнитель не может повлиять на 100 процентную реализацию имущества должника (состояние имущества, отсутствие покупательского спроса и др.), в связи, с чем обеспечительный арест на имущество должника, наложенный судебным приставом-исполнителем должен сохраняться до полного исполнения требований исполнительного документа.

В пункте 41 Пленума ВС РФ № 50 от 17.11.2015 (Далее Пленум № 50) указано, что выявление, арест и начало процедуры реализации другого имущества должника сами по себе не могут служить основанием для снятия ранее наложенного ареста до полного исполнения требований исполнительного документа [1].

Иной подход позволял бы должнику безболезненно вывести ценные активы, в то время как судебный пристав-исполнитель проводит формальные действия по реализации неликвидного, пусть и дорогостоящего, имущества¹.

При рассмотрении споров на подобную тематику, суды не всегда верно определяют юридические значимые обстоятельства для дела, предмет доказывания и как результат принимаются неверные решения.

Рассмотрим на примере решения судов по делу № А17-9840/2021 (Арбитражный суд Ивановской области). На наш взгляд, суд первой инстанции, верно, рассмотрел дело, в то

время как апелляционная инстанция ошибочно отменила решение суда первой инстанции.

Обстоятельства дела: Судебный пристав-исполнитель наложил обеспечительный арест на недвижимость (квартира должника) по исполнительному производству о взыскании задолженности по налогам в сумме 20 тыс. руб. Должник обратился с жалобой на постановление судебного пристава-исполнителя о наложении ареста на недвижимое имущество должника и просил его признать незаконным.

Судом первой инстанции верно в судебном решении отмечено, что по смыслу положений статей 64, 68, 80 Закона № 229-ФЗ исполнительные действия в виде запрета на совершение регистрационных действий в отношении имущества, наложенного в целях обеспечения исполнения исполнительного документа, к мерам принудительного исполнения не относятся (данный вывод содержится в определении Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2016 № 78-КГ15-42).

Верным также является вывод суда первой инстанции о том, что имущество не изымалось, право пользования им не ограничивалось, меры к обращению взыскания на это имущество оспоренным постановлением не предпринимались. Принцип соотносимости мер принудительного исполнения объема требований взыскателя не нарушен.

В данном случае запрет на совершение регистрационных действий по отчуждению является лишь мерой, направленной на выявление имущества должника, без которой невозможно будет осуществить все последующие действия, необходимые для исполнения исполнительного документа.

У должника всегда есть возможность погасить задолженность, тогда все наложенные запреты на имущество будут безотлагательно отменены судебным приставом-исполнителем (пункт 7 ст. 47 Закона об исполнительном производстве).

Кроме того, как разъяснил ВС РФ в пункте 41 Пленума № 50, наличие единственного дорогостоящего имущества у должника не является основанием для отказа в обращении на него взыскания, у должника есть право предложить иное имущество. Если никакого иного имущества нет, то дорогостоящее имущество реализовывается, погашается долг, а разница возвращается должнику.

Из обстоятельств дела следует, что должник мер к погашению задолженности не принимал, иное имущество судебному приставу-исполнителю не предлагал.

Исходя из вышесказанного, на наш взгляд, суд первой инстанции правомерно отказал в признании наложенного запрета судебным приставом-исполнителем запрета на имущество незаконным.

Постановлением Второго Арбитражного Апелляционного суда решение суда первой отменено и действия по наложению запрета признаны незаконным.

При это апелляционный суд вводит в оборот новые правовые сущности, которым нет нормативного обоснования: «...Между тем, вопреки выводам суда судебным приставом-исполнителем в любом случае должны быть соблюдены закрепленные в статье 4

¹ Например, это может быть новая готовая продукция – станки, оборудование, техника, которое морально устарело и никто не будет его приобретать ни за какую цену

Закона № 229-ФЗ принципы, в том числе принцип соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения, согласно которому **все применяемые в процессе исполнения меры принуждения** должны быть адекватны требованиям, содержащимся в исполнительном документе...

О каких «всех применяемых мерах принуждения» ведет речь апелляционный суд? В законе об исполнительном производстве четко разграничены исполнительные действия и меры принудительного исполнения. Данное разделение неслучайно, у каждого действия свое содержание и цели, о чем подробно говорилось выше.

Таким образом, апелляционный суд необоснованно расширительно толкует пункт 5 статьи 4 Закона об исполнительном производстве и самовольно добавляет к мерам принудительного исполнения еще и исполнительные действия.

Далее апелляционный суд говорит о том, что меры принуждения должны быть «адекватны» требованиям, в то время как закон говорит о соотносимости, что является некорректным и опять создает правовые сущности неизвестные закону. Адекватный и соотносимый не являются стопроцентными синонимами, у каждого слова есть своя коннотация и смысл. Соотносимый относится к сравнению с чем-либо, адекватный к приемлемости того или иного действия.

Единственное правовое обоснование, которое делает суд — пункт 2.2. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 N10-П [2], однако, в данном пункте речь идет об обращении взыскания на имущество, что относится к мерам принудительного исполнения, а не к исполнительным действиям.

Как следует из судебного акта, отчет об оценке недвижимого имущества должник представил только в суд апелляционной инстанции, а не судебному приставу-исполнителю.

Кроме того, апелляционным судом не учтено то обстоятельство, что арестованное жилое помещение могло быть единственным жильем должника и на него не может быть обращено взыскание, что не запрещает судебному приставу-исполнителю наложить на него обеспечительный арест (пункт 43 Пленума ВС РФ № 50).

Что касается наложения запрета на автотранспортное средство должника, то в постановлении апелляционного суда не указано, имеется ли автомобиль в наличии (ССАНГ ЕНГ АК-ТИОН, 2012 г.в., г.н. N134ТХ37), какое его техническое состояние и рыночная стоимость. Даже если данный автомобиль будет продаваться по рыночной цене, доподлинно неизвестно найдет ли он своего покупателя.

Непонятно на основании, каких доказательств апелляционный суд делает вывод о том, что стоимость автотранс-

портного средства явно превышает размер долга. Наличие регистрации в ГИБДД не дает информации о техническом состоянии автомобиля, и является равновероятным событием, что данный автомобиль не имеет положительной стоимости, и расходы по его утилизации превышают стоимость автомобиля по цене металлолома.

Таким образом, апелляционное определение построено на домыслах, не имеет четкого нормативного обоснования, почему является неверным.

В данной ситуации судебный пристав-исполнитель действовал точно в соответствии с законом:

- 1) 01.03.2021 — возбуждение исполнительного производства;
- 2) В марте 2021 вынесение запретов на денежные средства и на имущество должника;
- 3) В апреле 2021 взыскание долга со счетов должника окончании исполнительного производства и отмена всех запретов.

Апелляционное постановление не содержит никаких сведений о том, как именно наложенные запреты нарушили права должника? В тоже время данное обстоятельство является необходимым для удовлетворения судом требований о признании действий незаконными.

Более взвешенным является подход Второго Апелляционного Суда по аналогичному спору по делу N А28-5617/2021 [3]. В данном деле апелляционный суд резонно указывает, что соразмерность ареста подлежит установлению стадии исполнительного производства после проведения оценки по правилам статьи 85 Закона об исполнительном производстве. При этом реализация имущества должника производится судебным приставом-исполнителем с учетом размера существующей задолженности. Единственное, что здесь необходимо дополнить, что арест с имущества может быть снят в полном объеме только в случае полного погашения долга.

Доводы, изложенные в настоящей статье, подтверждаются материалами судебной практики: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 10 сентября 2021 г. по делу N А83-14294/2020; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 10 сентября 2021 г. по делу N А83-14294/2020

Выводы: в настоящее время законодательство об исполнительном производстве не содержит ограничений по объемам обеспечительного ареста имущества должника в целях исполнения требований исполнительного документа. Отсутствие критериев соотносимости обеспечительных мер может привести к нарушению баланса интересов должника и взыскателя, в связи, с чем данная тема требует дальнейшего изучения с целью внесения изменений в законодательство об исполнительном производстве.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 N50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 N10-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьей части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. В. Безменова и Н. В. Калабуна»
3. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 09.06.2022 N02АП-3501/2022, 02АП-3502/2022 по делу N А28-5617/2021

Проблемы правового статуса сотрудника уголовно-исполнительной системы

Кяшкина Алёна Александровна, студент магистратуры
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань)

В статье автор проводит обзорный анализ проблем и противоречий правового регулирования статуса сотрудника уголовно-исполнительной системы. Делается вывод о необходимости скорейшего совершенствования правового статуса сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: сотрудник уголовно-исполнительной системы, правовой статус сотрудника уголовно-исполнительной системы.

В обосновании актуальности темы исследования необходимо отметить, что сотрудники уголовно-исполнительной системы занимают центральную позицию в реализации целей уголовных наказаний в Российской Федерации. Вместе с тем, их правовой статус не всегда позволяет им эффективно достигать данных целей.

Так, одним из важных проблем в правовом статусе сотрудника уголовно-исполнительной системы является недостаточные гарантии безопасности сотрудников. С. В. Комаров справедливо отмечает, что «основные факторы, негативно влияющие на безопасность функционирования ИУ, среди которых названы различные заболевания у осужденных: психические расстройства — 40,77%; активный туберкулез — 55,96 тыс.; ВИЧ-инфицированные — 55,96 тыс., вирусный гепатит — 42,47 тыс. Практическая деятельность медицинских служб в направлении обеспечения безопасности сотрудников заключается в том, чтобы своевременно выявить таких лиц и принять соответствующие меры. Особую опасность представляет риск заражения сотрудников исправительных учреждений в связи с тем, что не всегда заблаговременно известно, что у осужденного имеется заболевание. Осужденный, только прибыв для отбывания наказания, контактирует с различными сотрудниками. Так, например, осужденные проходят оформление в отделе специального учета осужденных и подвергаются обыску силами дежурной смены. В результате осужденный с наличием заразных заболеваний, которые своевременно не были обнаружены, может заразить сотрудников учреждения и других осужденных. В исправительных учреждениях содержится много осужденных, больных наркоманией, туберкулезом, ВИЧ-заболеваниями» [1].

С. И. Гирько утверждает, что «центральное место среди основных функций УИС в формате досудебного судопроизводства, безусловно, должно определяться ее правовым положением органа дознания, обладающего всей необходимой полнотой уголовно-процессуальных полномочий. Именно так это обстоит с компетенцией федеральных органов исполнительной власти, обладающих уголовно-процессуальным статусом, закрепленным в ч. 3 ст. 151 УПК РФ: органов внутренних дел (п. 1 ч. 3), пограничных органов ФСБ России (п. 3 ч. 3), органов Федеральной службы судебных приставов (п. 4 ч. 3), таможенных органов (п. 9 ч. 3), органов государственного пожарного надзора Федеральной противопожарной службы (п. 6 ч. 3). Сложившееся правовое положение как самой уголовно-исполнительной системы, так и ее отдельных должностных лиц в уголовном судопроизводстве Российской Федерации явля-

ется собирательным, а потому достаточно размытым. Никаким единым законодательным актом, в том числе ведомственным, этот статус в настоящее время не регламентирован. В отличие от иных органов дознания, перечисленных выше и имеющих достаточно подробную регламентацию в специальных нормах Кодекса, УПК РФ относит ФСИН России к числу органов дознания исключительно как иной орган исполнительной власти, наделенный в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности (подп. 1 п. 1 ст. 40). Право же ФСИН России на осуществление оперативно-розыскной деятельности, как известно, закреплено в п. 8 ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Ни в одной из норм УПК РФ, помимо упомянутых, формирующих правовое положение органа дознания, дознавателя, предметную и видовую подследственность по уголовным делам, подведомственных УИС, как органа дознания, иные полномочия по осуществлению досудебного производства, ни ФСИН России, ни должностные лица и органы федеральной службы не упоминаются» [2].

П. Н. Казберов выделяет следующие проблемы правового статуса сотрудников уголовно-исполнительной системы:

«— неполная правовая защищенность пенитенциарных психологов от необъективных и несправедливых обвинений правозащитников, адвокатов и спецконтингента;

— неопределенность категории «иные лица» в п. 6.1 ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее — УИК РФ);

— отсутствие правового закрепления необходимости работы осужденного лица по психокоррекционным программам (с психологом), как основания для предоставления осужденным условно-досрочного освобождения, изменения им условий отбывания наказания;

— правовая неопределенность в определении основных видов психологической работы (психолога), видов оказания психологической помощи спецконтингенту;

— незакрепленность обязательной первоначальной психодиагностической работы с вновь прибывшими подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в карантинном отделении;

— оценка степени риска рецидива в случае предоставления условно-досрочного освобождения осужденному;

— непризнание (в УИК РФ) психологической работы как одного из основных средств исправления осужденных» [3].

С. В. Кулакова и Н. А. Цветкова обращают внимание на тот факт, что «профессиональная деятельность пенитенциарных сотрудников в значительной степени определяется предраспо-

ложенностью сотрудников к овладению профессиональными компетенциями, формирующимися путем накопления специализированных знаний, развития умений, созданию навыков и готовностью к их реализации в условиях деятельности пенитенциарных учреждений (ПУ). В целях дальнейшего совершенствования работы нами предлагается в целях модернизации кадровой работы, повышения ее эффективности внедрение в нее идеи карьерного клиринга. Под карьерным клирингом понимается система мер динамического согласования компетенций сотрудника с требованиями наличной или предстоящей профессионально-должностной позиции. Это означает, что кадровые работники с помощью психологов стремятся найти для вакантной должности сотрудника с оптимальными личностными свойствами, а кандидат со своей стороны выбирает из некоторого числа более приемлемых должностных

позиций такую, которая в большей степени соответствует его компетентности и актуальным потребностям. При этом обе стороны проявляют равную степень активности. Для создания системы карьерного клиринга потребуются наличие социально-психологического паспорта каждого реального и потенциального сотрудника (персонаграммы, отражающей его компетентность и потенциалы развития), наличие персонаграммы каждого рабочего места, в которой отражен характер должностной позиции, обучение на курсах повышения квалификации по карьерному клирингу психологов и кадровых работников ПУ» [4].

Таким образом, правовой статус сотрудников уголовно-исполнительной системы нуждается в дальнейшем ее совершенствовании с целью обеспечения соответствия современным реалиям общественных отношений.

Литература:

1. Комаров С. В. Организация деятельности отделов и служб исправительных учреждений по обеспечению безопасности сотрудников // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 7. — С. 97–105.
2. Гирько с. И. О проблемах правового положения Федеральной службы исполнения наказаний и должностных лиц уголовно-исполнительной системы в уголовном судопроизводстве // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2017. — № 5. — С. 33–38
3. Казберов П. Н. О некоторых аспектах и результатах работы по теоретико-концептуальному обеспечению функционирования психологической службы ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2022. — № 5. — С. 19–23.
4. Кулакова с. В., Цветкова Н. А. Определение критериев профессиональной пригодности кандидатов на службу в отделы воспитательной работы с осужденными пенитенциарных учреждений ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2022. — № 3. — С. 37–40.

Проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы

Кяшкина Алёна Александровна, студент магистратуры
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань)

В статье автор проводит обзорный анализ проблем и противоречий правового регулирования исполнения наказания в виде лишения свободы. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования исполнения наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: сотрудник уголовно-исполнительной системы, правовой статус сотрудника уголовно-исполнительной системы, лишение свободы.

В обосновании актуальности темы исследования необходимо отметить, что лишение свободы является исключительным по своей строгости наказанием, предусмотренным уголовным законодательством. Вместе с тем, уровень рецидивной преступности позволяет говорить о наличии в данных общественных отношений проблем и противоречий, требующих решения путем совершенствования норм законодательства. В доктрине права широко обсуждаются проблемы уголовно-исполнительной системы, в том числе проблемы правового регулирования лишения свободы как вида уголовного наказания.

Так, О. В. Макарова и О. В. Данеев указывают, что «немаловажной представляется проблема организации процесса по-

лучения высшего образования в исправительных колониях. Как уже отмечалось, УИК РФ содержит положение, обязывающее администрацию исправительного учреждения с учетом имеющихся возможностей оказывать содействие осужденным в получении высшего профессионального образования (ч. 4 ст. 108). Указанная норма была введена Федеральным законом от 9 марта 2001 г. N25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации». Однако до настоящего времени механизм реализации права осужденных на полу-

чение высшего образования законодателем не урегулирован. В сложившихся условиях важно продумать, как обеспечить доступ к дистанционному обучению во всех исправительных колониях, как регламентировать использование Интернета исключительно в целях обучения. Иными словами, требуют правового регулирования порядок подключения исправительных учреждений к сети Интернет, рекомендации по соблюдению оперативно-режимных требований в условиях функционирования сети, средства и способы защиты информации и исключения несанкционированного доступа осужденных к информационным ресурсам. Учеными и практиками, а также представителями Минобрнауки РФ, ФСИН России высказывались разные предложения по рассматриваемому вопросу с позиции рационального использования материально-технических возможностей. Например, всех потенциальных студентов из числа осужденных можно разместить в одном исправительном учреждении. Либо создать в России специальный вуз для заключенных, где они будут осваивать востребованные технические специальности. Также представляется реализуемым на практике предложение, когда вуз закрепляется за конкретным исправительным учреждением. Все эти предложения заслуживают внимания и требуют обсуждения и проработки заинтересованными ведомствами и организациями. В настоящее время в некоторых регионах России территориальные органы ФСИН России сотрудничают с определенными вузами и даже заключены соглашения о выделении для осужденных бюджетных мест [1].

Е. В. Авдеева утверждает, что «учитывая характер современной уголовно-правовой политики Российской Федерации, направленной на реализацию принципа гуманизма, стоит отметить обусловленность данной тенденции значительными показателями совершения преступлений, влекущих наказание в виде лишения свободы. Достижение эффективности реализации уголовного наказания в виде лишения свободы требует принятия комплекса мер, направленных на успешную социальную адаптацию осужденных как в рамках учреждений по месту отбывания наказаний, так и после освобождения из мест лишения свободы. Социальная адаптация осужденных, находящихся в местах лишения свободы, предполагает восприятие осужденным изоляции от общества как меры уголовно-правового воздействия, которое должно быть сопряжено с осознанием неправомерности совершенного ранее преступления и формированием устойчивого желания социально полезной линию поведения. Следовательно, воспитательная работа в учреждениях уголовно-исполнительной системы с учетом различных условий отбывания наказания должна содержать разнообразные методики влияния на ума-

ление правового нигилизма и рост правового сознания осужденного» [2].

В качестве возможных путей по совершенствованию законодательства В. В. Коннуникова и В. В. Пекарева предлагают закрепление в пенитенциарных учреждениях ответственных сотрудников, обеспечение соответствия рабочих мест сотрудников установленным нормативными правовыми актами Российской Федерации требованиям по информационной безопасности, обеспечение своевременного и качественного рассмотрения обращений граждан и юридических лиц в соответствии с требованиями Федерального закона «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ и Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 г. №59-ФЗ. Это снизит напряженность в местах содержания осужденных и даст возможность лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, отправлять не только единичные жалобы, но и запросы в органы власти для получения документов, необходимых при дальнейшей интеграции в общество. Необходимо продолжить практику увеличения количества видеокamer в местах принудительного содержания и рассмотреть возможность увеличения сроков хранения зафиксированной ими информации до шести месяцев, что даст возможность снизить процент неправомерного применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы и специальных средств к осужденным. Важно решить вопросы трудоустройства и достойной оплаты труда осужденных, исключив факты привлечения их к работе за пределами установленной законом продолжительности рабочего дня, создав надлежащие условия труда. Правовому статусу личности в нашей стране отводится главная роль, и преступивший грань закона должен осознавать себя равноправным членом общества, поскольку путь исправления, на который встает человек, отбывающий наказание, не должен с первых дней быть бесправным. Руководству пенитенциарных учреждений Платформа обратной связи даст возможность не просто рассматривать жалобы и обращения осужденных, но и осуществлять контроль за устранением возникающих проблем, а также возможность реализации прав и законных интересов осужденных [3].

Таким образом, общественные отношения в области исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы имеют ряд проблем и противоречий. Вместе с тем, решение указанных проблем не может строиться только на основе максимального смягчения режима отбывания наказания, так как это может привести к нарушению баланса деликтного воздействия уголовной ответственности.

Литература:

1. Макарова О. В., Данеев О. В. Ресоциализация осужденных путем повышения доступности дистанционного образования в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2021. — № 6. — С. 13–17.
2. Авдеева Е. В. Сущность наказания в виде лишения свободы в контексте реализации целей уголовно-исполнительной политики // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2021. — № 4. — С. 10–13.
3. Коннуникова В. В., Пекарева В. В. Проблемы соблюдения и защиты прав и свобод лиц, отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2022. — № 4. — С. 18–21.

Правовой режим земельных участков под объектами незавершенного строительства

Логинова Виктория Сергеевна, студент;
Спирина Елизавета Владимировна, студент
Научный руководитель: Чмыхало Елена Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются существующие проблемы предоставления земельных участков, на которых расположены объекты незавершенного строительства. Внимание уделено анализу норм, ограничивающих заключение нового договора аренды земельных участков, на которых расположены указанные объекты.

Ключевые слова: земельный участок, договор аренды, объекты незавершенного строительства

Legal regime of land plots under objects of unfinished construction

Loginova Viktoriya Sergeevna, student;
Spirina Yelizaveta Vladimirovna, student
Scientific adviser: Chmykhalo Elena Yurievna, candidate of legal sciences, associate professor
Saratov State Law Academy

The article discusses the existing problems of providing land plots on which the objects of unfinished construction are located. Attention is paid to the analysis of the norms limiting the conclusion of a new lease agreement for land plots on which these objects are located.

Keywords: land plot, lease agreement, construction in progress, law enforcement practice.

В большинстве городов России имеется проблема наличия объектов незавершенного строительства, строительство которых приостановлено на долгие годы. По данным счетной палаты количество «проблемных объектов», строительство которых приостановлено, в 2019 достигло 3,4 тысяч объектов, число «брошенных» объектов превысило 4 тысяч объектов [4, с.35].

Земельный участок собственнику объекта незавершенного строительства передается в аренду без торгов однократно для завершения строительства. При условии, что в течение 6 месяцев со дня окончания срока действия ранее заключенного договора аренды земельных участков, на которых расположен этот объект, уполномоченный орган управления не обратился к суду с заявлением об изъятии объекта путем продажи его с публичных торгов, либо в суд отказался выполнить это требование, либо объект не был продан на публичных торгах по причине отсутствия желающих участвовать в них (пп. 2 п. 5 ст. 39.6 Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ) [1, с. 4147].

Наряду с этим, в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ), а именно в ст. 239.1 говорится, если расторгнут договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности или предоставленного по результатам аукциона, объекты незавершенного строительства, находящиеся на таком участке, можно изъять по решению суда у собственника путем продажи с публичных торгов, если иное не предусмотрено законодательством РФ [2, с.3301]. Нормами ЗК РФ предусматривается единовременное предоставление земельного участка без проведения аукциона в аренду собственнику объекта незавершенного строительства, приобретшему право на это в результате публичных торгов по продаже данного объекта, изъятых у нынешнего соб-

ственника в связи с расторжением договора аренды земельного участка (пп. 1 п. 5 ст. 39.6 ЗК РФ).

Примером может послужить следующее дело. Мэрия города Новосибирска обратилась в арбитражный суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью об изъятии объекта незавершенного строительства путем продажи с публичных торгов. Исковые требования мэрии города обоснованы ссылками на п. 21 ст. 3 Федерального закона от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», ст. 8, 12, 239.1 ГК РФ и мотивированы прекращением договора аренды земельного участка, занимаемого объектом незавершенного строительства, право собственности на который зарегистрировано за ответчиком [3]. В закрытом перечне оснований заключения договора аренды земельного участка публичной собственности без проведения торгов, установленном п. 2 ст. 39.6 ЗК РФ, предусмотрено такое основание, как нахождение на земельном участке объектов незавершенного строительства. При этом в отличие от большинства других оснований заключения договора аренды без проведения торгов, в приведенном случае участок может быть предоставлен только однократно, только в целях завершения строительства объектов незавершенного строительства, и только собственникам указанных объектов, перечисленным в п. 5 данной статьи (пп. 10 п. 2 ст. 39.6 ЗК РФ). Следовательно, суд решил изъять у общества с ограниченной ответственностью объект незавершенного строительства [5].

В соответствии с принципом единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов (п. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ), не могут приобретать право на земельный участок, собственники данных объектов незавершенного строительства, на которых расположены эти объекты. Это следует из п. 1, 4 ст. 35

ЗК РФ об объектах незавершенного строительства не называются. При этом, в нормах гражданского права устанавливается перечень объектов, которые содержат не только здания или сооружения, но и иные объекты недвижимости (ст. 552 ГК РФ).

Особенность реализации такого принципа проявляется в п. 1 ст. 39.20 ЗК РФ, согласно которому граждане, юридические лица, владеющие зданиями, сооружениями, расположенными на таких земельных участках, имеют исключительное право на приобретение земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в собственность или аренду. Данная норма не содержит объекты незавершенного строительства, таким образом, она не распространяется на земельный участок, на котором расположены подобные объекты. Складывается определенная судебная практика, в которой говорится, что признается правомерным отказ со стороны суда, в отношении компетентных органов управ-

ления, в целях предоставления земельного участка, так как собственник объекта незавершенного строительства такого права по ст. 39.20 ЗК РФ не имеет [6].

Таким образом, анализируя нормы, которые ограничивают заключение нового договора аренды земельного участка и расположенных на них объектов незавершенного строительства, предоставляется возможность формирования юридического механизма, позволяющего рационально использовать земельный участок с разрешенным использованием, то есть строительство зданий, сооружений. Вместе с тем, выявляются пробелы правового регулирования этих аспектов при их исследовании, которые являются причиной возникновения не унифицированной правоприменительной практики, впоследствии чего сокращают результативность действия правовых норм для определения правового режима земельных участков под объектами незавершенного строительства.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N136-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации 2001 г. N44 ст. 4147.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
3. Федеральный закон «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» от 25.10.2001 N137-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2001, N44, ст. 4148.
4. Бюллетень счетной палаты РФ. Незавершенное строительство. 2020, № 11 (276). С. 35.
5. Решение Арбитражный суд Новосибирской области от 13 января 2020 г. по делу № А45-22872/2019/ // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> / (дата обращения: 13.11.2022).
6. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.01.2022 № 19-КАД21-17-К5 // Интернет-ресурс Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <https://legalacts.ru/> / (дата обращения: 19.01.2022).

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 2 (449) / 2023

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 25.01.2023. Дата выхода в свет: 01.02.2023.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.